ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2026. Т. 71, № 4

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2026. Т. 71, № 4

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь, свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. Г. Гусаков – Институт системных исследований в АПК Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. Е. Гучок – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Постоянная комиссия по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Т. И. Довнар – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Д. В. Муха – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Международный университет МИТСО, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. Н. Ярмолинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

В. Г. Андреева – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук», Москва, Россия
П. У. Бакиров –Термезский государственный университет, Термез, Узбекистан
А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
С. Ю. Глазьев – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», Комиссия по межнациональным и межконфессиональным отношениям Общественной палаты Союзного государства, Москва, Россия
Л. А. Маркина – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Всероссийское музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея», Москва, Россия
Ю. А. Петров – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории Российской академии наук», Москва, Россия
А. В. Поляков – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории материальной культуры Российской академии наук», Санкт-Петербург, Россия
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Отделение общественных наук Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
О. Р. Хисамов – Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
Хэ Сюнвэй – Академия социальных наук провинции Цзянси, Наньчан, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2026. Т. 71, № 4.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 08.10.2026. Выход в свет 28.10.2026. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 60 экз. Заказ 199.
Цена номера: индивидуальная подписка – 16,33 руб., ведомственная подписка – 36,06 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2026

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2026, vol. 71, no. 4

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vladimir G. Gusakov – Institute of System Research in Agrikulture of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Deputy Chairman of the Standing Commission on Education, Culture and Science of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the of Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Denis V. Mukha – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – International University MITSO, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch "Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Alla S. Shamruk – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Veronika N. Yarmolinskaya – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

E d i t o r i a l C o u n c i l:

Valeria G. Andreeva – Federal State Budgetary Scientific Institution "A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia
Poyon U. Bakirov – Termez State University, Termez, Uzbekistan
Aleksandr N. Bulyko – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Sergey Yu. Glazyev – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State University named after M. V. Lomonosov", Moscow, Russia
Aleksei E. Daineko – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus
Vladimir A. Il`in – Federal State Budget Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Vologda, Russia
Sergey L. Kandybovich – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Management", Commission on Interethnic and Interfaith Relations of the Public Chamber of the Union State, Moscow, Russia
Ludmila A. Markina – Federal State Budgetary Institution of Culture "All-Russian Museum Association "State Tretyakov Gallery", Moscow, Russia
Yurii A. Petrov – Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia
Andrey V. Polyakov – Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences", Saint Petersburg, Russia
Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrei V. Smirnov – Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Oleg R. Khisamov – Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
He Xionqwei – Jiangxi Provincial Academy of Social Sciences, Nanchang, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2026, vol. 71, no. 4.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *L. I. Kudzerka*

Signed to print on 08.10.2026. Published on 28.10.2026. Format 60×84 $^{1}/_{8}$. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 60 copies. Order 199.
Number price: individual subscription – BYN 16.33, departmental subscription – BYN 36.06.

Publisher and printing execution:
Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2026

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Вышедко Г. В. Социально-онтологический статус искусственного интеллекта: парадигмальные представления и стратегии концептуализации 271

Тиковенко А. Г. Социальное и конституционно-правовое обеспечение народного единства как основы белорусской государственности 283

ГІСТОРЫЯ

Андарала І. А. Умовы паўсядзённага жыцця і працы настаўнікаў Беларусі ў пасляакупацыйныя і першыя пасляваенныя гады (1943–1947 гг.) 295

МОВАЗНАЎСТВА

Радзюль В. Ю. Мікратапанімія Беларускага Паазер'я і Заходняга Палесся: лексіка-семантычны аспект 302

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Нароўская А. М. Этнаграфічная фатаграфія як метад даследавання традыцыйнага жылля беларусаў (па матэрыялах фотаархіваў) 312

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Дуктава Л. Г. Рэпрэзентацыя жаночых вобразаў у сучаснай беларускай прозе пры адлюстраванні тэмы Вялікай Айчыннай вайны 323

ПРАВА

Денисевич А. В., Валевко А. С. Теоретико-прикладные проблемы построения общей системы деликтологии (пенологии) 332

ЭКАНОМІКА

Вертинская Т. С. Совершенствование административно-территориального деления Беларуси в контексте реализации принципа «Сильные регионы»: теоретический аспект 343

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Vyshedko G. V. Socio-ontological status of artificial intelligence: paradigmatic representations and strategies of conceptualization 271
Tikovenko A. G. Social and constitutional-legal support for national unity as the basis of Belarusian statehood 283

HISTORY

Andarala I. A. Conditions of everyday life and work of teachers in Belarus in the post-occupancy and first post-war years (1943–1947) 295

LINGUISTICS

Radziul V. Yu. Microponymy of the Belarusian Poozerie and Western Polessie: lexical-semantic aspect 302

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Narouskaya A. N. Ethnographic photography as a method of researching the traditional dwelling of belarusians (based on photo archive materials) 312

LITERARY SCIENCE

Duktava L. G. Representation of female images in modern belarusian prose when illustrating the theme of the Great Patriotic War 323

LAW

Dzenisevich A. V., Valevko A. S. Theoretical and applied problems of building a general system of delictology (penology) 332

ECONOMICS

Vertinskaya T. S. Improvement of the administrative-territorial division of Belarus in the context of the implementation of the “Strong regions” principle: a theoretical aspect 343

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 113.3(13)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-271-282

Поступила в редакцию 15.04.2026
Received 15.04.2026

Г. В. Вышедко

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СТРАТЕГИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Искусственный интеллект (далее – ИИ) является одним из определяющих факторов современного этапа общественного развития. Внедрение технологий ИИ сопряжено с неравномерностью и непредсказуемостью результатов его функционирования, что актуализирует проблему включения машинного интеллекта в социокультурные процессы. Решение данной задачи осложняется многозначностью самого понятия «искусственный интеллект». В современном дискурсе выделяются два основных подхода к его определению: онтологический (вопрос о сущности ИИ) и функционально-утилитарный (вопрос о возможностях ИИ). Анализ данных парадигм позволяет выявить корреляцию между способами концептуализации ИИ и характером его воздействия на социальные процессы. Обосновывается, что в условиях растущей сложности и непрозрачности нейросетевых моделей системы ИИ обретают «операциональную автономию» – способность достигать поставленных целей непредсказуемыми для человека способами. Данный феномен обусловливает появление «перформативности концептуализаций» ИИ: наши теоретические представления о его природе не просто описывают реальность, но и активно формируют ее, задавая векторы общественных ожиданий и практических действий. Этот тезис обосновывает необходимость дальнейшего исследования социально-онтологического статуса искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, общество, онтологический подход, функционально-утилитарный подход, операциональная автономия, перформативность концептуализаций, техника

Для цитирования: Вышедко, Г. В. Социально-онтологический статус искусственного интеллекта: парадигмальные представления и стратегии концептуализации / Г. В. Вышедко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 4. – С. 271–282. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-271-282

Gleb V. Vyshedko

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIO-ONTOLOGICAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PARADIGMATIC REPRESENTATIONS AND STRATEGIES OF CONCEPTUALIZATION

Abstract. Artificial intelligence (hereinafter AI) is one of the defining factors of the current stage of social development. The implementation of AI technologies is accompanied by unevenness and unpredictability in outcomes, which brings to the fore the problem of integrating machine intelligence into sociocultural processes. Addressing this challenge is complicated by the polysemy of the very concept of artificial intelligence. Contemporary discourse distinguishes two main approaches to its definition: the ontological approach (addressing the question of the essence of AI) and the functional-utilitarian approach (addressing the question of AI's capabilities). An analysis of these approaches reveals a correlation between human perception of AI and the nature of its impact on social processes. The article argues that under conditions of growing complexity and opacity of neural network models, AI systems acquire operational autonomy – the ability to achieve specified goals in ways that are unpredictable to humans. This phenomenon underscores the significance of the performativity of AI conceptualizations: our theoretical understandings of its nature do not merely describe reality but actively shape it, guiding public expectations and practical actions. These arguments substantiate the need for further research into the socio-ontological status of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, society, ontological approach, functional-utilitarian approach, operational autonomy, performativity, technology

For citation: Vyshedko G. V. Socio-ontological status of artificial intelligence: paradigmatic representations and strategies of conceptualization. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 4, pp. 271–282 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-271-282

© Вышедко Г. В., 2026

Введение. В современном научном дискурсе все чаще обосновывается тезис, что человечество вступило в фазу фундаментальной цивилизационной трансформации. Определяющими факторами данного этапа стали возникновение и стремительное развитие технологий, базирующихся на искусственном интеллекте (ИИ).

Первоначально ИИ рассматривался исключительно как инструментальный помощник человека, призванный оптимизировать его жизнедеятельность, автоматизировать ресурсоемкие процессы и расширить когнитивные возможности индивида. Однако по мере своей эволюции данный технологический комплекс трансформировался в мощный катализатор, раскрывший глубинные противоречия современного социума. Указанные противоречия проявляются в турбулентности социальных процессов, неравномерности динамики общественного развития и антропологических изменениях. Значительная часть данных трансформаций детерминирована сложностями внедрения передовых технологий в сложившиеся социальные отношения.

Наиболее дискуссионный и глубокий характер данный процесс обретает при попытке интеграции достижений ИИ в саму ткань социума, где ИИ начинает взаимодействовать не просто с процессами, а с ценностями, идентичностью и самосознанием человека. Как отмечается, «интеграция ИИ в общество – это не только кратковременное изменение, но сдвиг с краткосрочным, среднесрочным и долгосрочным культурным эффектом, изменяющий то, как люди в различных областях взаимодействуют с передовыми технологиями и реагируют на их влияние» [1]. Появление искусственного «разума» не просто бросает вызов классическим антропологическим и социальным концепциям, но и инициирует процесс формирования новых мировоззренческих структур как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Прежние представления о сущности человека, его когнитивной уникальности и социальной роли были подвергнуты пересмотру.

Данная ситуация порождает состояние эпистемологической и аксиологической неопределенности, поскольку в обществе отсутствует консенсус относительно векторов дальнейшего развития. Перспективными направлениями преодоления этой неопределенности представляются ревизия и уточнение категориального аппарата современной философии и науки. Прояснение содержания таких понятий, как «искусственный интеллект», «сознание», «человек», «общество», является насущной теоретической задачей. Выявление сущностных характеристик, дифференцирующих человека и искусственный интеллект, позволит не только приблизиться к решению проблемы создания «мыслящей машины», но и выявить глубинные причины кризисных явлений в современной цивилизации.

Закономерно, что обозначенная проблема привлекла пристальное внимание научного сообщества. В последние годы наблюдается значительное увеличение количества публикаций (научных статей, аналитических отчетов, монографий), которые, так или иначе, направлены на осмысление данного круга вопросов. Примечательно, что значительная часть этих работ фокусируется на смежной, но не тождественной проблеме: поиске оптимальной модели взаимодействия человека и искусственного интеллекта.

Среди ключевых трудов, задающих тон дискуссии, следует отметить фундаментальное исследование Н. Бострома «Искусственный интеллект. Этапы, Угрозы, Стратегии» (2014), работу Ю. Н. Харари «Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня» (2015), а также более позднюю публикацию Э. Юдковского в журнале «Time» (2023), которая носит алармистский характер. Существенный вклад в формирование общественной повестки также вносят заявления публичных интеллектуалов и предпринимателей, среди которых можно выделить И. Маска, С. Хокинга и Б. Гейтса. Несмотря на различие в концепциях и выводах, их всех объединяет попытка дать ответ на фундаментальный вопрос: чем является искусственный интеллект для человечества и какие экзистенциальные угрозы и возможности он в себе несет? Целью настоящего исследования является выявление корреляции между способами концептуализации ИИ и его социально-онтологическим статусом. Для достижения этой цели используются методы социально-философского анализа, сравнительный анализ онтологического и функционального подходов, а также кейс-стади конкретных инцидентов.

Новизна настоящего исследования заключается в установлении корреляции между концептуальным пониманием ИИ и его социальной репрезентацией. Автор исходит из предпосылки,

что искусственный интеллект становится фактором формирования новой мировоззренческой парадигмы, задающей систему координат для современного человека. Именно смысловое наполнение, которое будет приписано системам ИИ, во многом предопределит траекторию реализации того или иного сценария будущего – от наиболее оптимистичных прогнозов до откровенно апокалиптических.

Онтологический подход и социальные проявления ИИ. Несмотря на многообразие трактовок феномена искусственного интеллекта, в современном дискурсе можно выделить две фундаментальные исследовательские позиции: онтологический и функционально-утилитарный подходы. Как было отмечено ранее, обе исследовательские стратегии применяются для концептуализации и преодоления сложностей, возникающих в процессе интеграции ИИ в общественную сферу. В данном разделе основное внимание будет сосредоточено на онтологическом подходе, предметом которого является вопрос о сущности искусственного интеллекта: что представляет собой ИИ – набор алгоритмов, автономного агента, разумного субъекта или же исключительно инструмент, расширяющий возможности человека? Ответ на этот вопрос, однако, значим не сам по себе, а в той мере, в какой он определяет социальный статус искусственного интеллекта. В рамках социально-философского анализа онтологические представления выполняют функцию смыслопорождающих практик: то, как мы понимаем природу ИИ – видим ли в нем просто инструмент, автономного агента или нечто иное, – задает систему координат для выстраивания социальных отношений, институциональных ограничений и этических оценок.

Наиболее отчетливо эта логика прослеживается в самой распространенной на сегодня трактовке, которая рассматривает ИИ как универсальный инструмент, опосредующий и усиливающий способности человека в преобразовании окружающего мира. Согласно данной позиции, ИИ уже сегодня способен создавать результаты, удовлетворяющие практическим запросам, однако в силу своей технической природы он принципиально не может выйти за пределы инструментальной функции. Будучи контролируемым, настраиваемым и корректируемым извне, машинный интеллект остается средством повышения человеческого потенциала в таких сферах, как здравоохранение, транспорт, образование и коммуникация. В этом смысле его использование аналогично применению калькулятора или компьютера: это комплексный механизм, выполняющий строго определенный набор операций. Показательно, что результаты работы нейросетей, помимо элемента стохастики, детерминированы качеством и количеством обучающих данных; изменение последних неизбежно влечет за собой трансформацию выходных параметров. Таким образом, в рамках данной парадигмы возникновение полностью автономных, самообучающихся систем, обладающих субъектностью, признается невозможным.

Научное сообщество в основном согласно, что ИИ имеет инструментальную природу, однако отсутствует единое мнение о том, какая именно сфера человеческой деятельности в наибольшей степени подвергается его воздействию. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть основные направления, в которых ИИ проявляет себя как значимый социальный фактор.

В последние годы ИИ все чаще становится предметом крупномасштабных экономических отношений, ассоциируясь с амбициозными проектами. Так, корпорация NVIDIA заявила о намерении вложить более 100 млрд долларов в развитие OpenAI – создателя нейросети ChatGPT, что уже получило в прессе название «сделки века» [2]. Подобные инвестиции, ориентированные на долгосрочную перспективу, маркируют наступление новой эпохи, в которой значительная доля финансовых ресурсов будет направляться на развитие технологий искусственного интеллекта. Вследствие этого ИИ неизбежно становится катализатором масштабной экономической трансформации. Как отмечает экономист MIT Д. Отор, внедрение ИИ ведет к экономической поляризации: замещая профессии средней квалификации (бухгалтеров, операторов конвейерных линий), он не способен заменить низкоквалифицированный ручной труд (уборку, уход за больными) и высококвалифицированные творческие и управленческие практики. Результатом становится феномен «исчезающего среднего класса», сопровождающийся ростом доходов узкой группы топ-специалистов и стагнацией доходов остальных категорий работников. При этом следует подчеркнуть, что ИИ не упраздняет институт труда как таковой, но трансформирует его структуру, перераспределяя занятость и доходы [3]. В отличие от промышленной революции,

где механизация резко повышала производительность труда, цифровые технологии в большей степени способствуют перераспределению богатства в пользу владельцев капитала. Впрочем, как замечает исследователь, «журналисты и даже эксперты-комментаторы, как правило, преувеличивают степень замещения машинами человеческого труда и игнорируют сильные стороны взаимодополняемости автоматизации и труда» [3, с. 6]. Подобное восприятие ИИ как управляемого ресурса возможно лишь постольку, поскольку ему приписывается онтологический статус инструмента. Именно инструментальная онтология легитимирует многомиллиардные инвестиции: капитал вкладывается не в «черный ящик» с непредсказуемой волей, а в средство повышения эффективности, подлежащее настройке и контролю.

Рассмотрение ИИ в политическом контексте неизбежно ставит вопрос о природе данных, на которых он обучается, поскольку «ИИ обучается на больших объемах данных: если данные предвзяты, то сам ИИ также будет предвзятым. Учитывая, что большинство научных исследований как исторически, так и в настоящее время проводилось представителями стран глобального Севера, а также преимущественно мужчинами, гетеросексуалами и людьми с привилегированным экономическим статусом, эти условия могут влиять на результаты исследований или на то, как они представлены» [4, с. 10]. В связи с этим активизировалась дискуссия о том, в какой степени нейросети и чат-боты могут выступать инструментом цензуры. Так, в 2023 г. корпорация Google была вынуждена принести извинения после того, как чат-бот Gemini отказывался генерировать изображения белых людей, включая исторических личностей, даже при наличии соответствующего запроса [5]. В ответ на подобные ограничения предприниматели (в частности, И. Маск с проектом GrokAI) разрабатывают альтернативные нейросети, позиционируемые как свободные от политической цензуры. Ю. Харари связывает данный феномен делегирования принятия решений алгоритмам с формированием новой формы власти, «датаизма», где алгоритмы постепенно лишают человека свободы воли и права на значимые решения в собственной жизни [6, с. 430]. В описанных случаях прослеживается трансформация онтологического статуса ИИ: от нейтрального посредника, транслирующего объективные данные, к актору, обладающему имплицитной идеологической позицией. Данный сдвиг имеет непосредственные социальные последствия. Если ИИ воспринимается как носитель ценностных установок, он перестает быть исключительно объектом технической оптимизации и превращается в предмет политической рефлексии, регулятивных ограничений и механизмов сдерживания. В этом случае его социальный статус конституируется уже не через полезность, а через потенциальную угрозу, требующую контроля.

Развивая эту линию, Ш. Зубофф рассматривает ИИ как инструмент тотального контроля в рамках теории «надзорного капитализма». Социальная реальность в информационную эпоху предстает как хаотическое информационное поле; однако, будучи помещенным в условия тотальной регистрации и прогнозирования, поведение индивидов становится программируемым: «Стремление надзорного капитализма к определенности... требует непрерывного приближения к тотальной информации... Реалити-бизнес оцифровывает всех людей, вещи и процессы, превращая их в компьютерные объекты... Гонка за тотальностью неизбежно ведет к аннексии общества, социальных отношений и ключевых общесоциальных процессов как новой территории для оцифровки, расчета, модификации и прогнозирования» [7, с. 518–519].

Способность машинного интеллекта генерировать информацию превращает его в мощное средство массовой коммуникации и производства медиаконтента. Д. Деннет предупреждал об опасности дипфейков – сфабрикованных новостей и материалов, неотличимых от подлинных. Возникает риск того, что объем синтезированной, сфабрикованной информации превысит объем подлинной, превратив медиапространство в симулякр. Более того, под угрозой оказывается само понятие человеческой идентичности, поскольку нейросети уже способны имитировать голос, изображение и поведение конкретного человека, создавая «поддельных людей»: «Эти поддельные люди – самые опасные артефакты в истории человечества, способные разрушить не только экономику, но и саму свободу человека» [8].

Еще одним значимым аспектом проблемы становится обеспокоенность исследователей тем, что повсеместное применение ИИ подрывает фундаментальные способности человека к разли-

чению достоверной и ложной информации. Данная обеспокоенность коренится не только в технологических возможностях ИИ по созданию дипфейков, но и в более глубоком обстоятельстве: генеративная способность нейросетей проблематизирует онтологический статус самой информации. Если традиционные медиа функционировали как институциональные посредники, транслирующие сообщения о событиях, то ИИ конституирует новую реальность, в которой происхождение контента – результат человеческой деятельности или алгоритмической генерации – перестает быть очевидным для получателя. Социальный статус ИИ в этом контексте определяется уже не столько его инструментальной функцией, сколько его ролью производителя реальности, что требует пересмотра оснований эпистемологического доверия.

Эмпирические исследования скорее подтверждают, нежели опровергают обоснованность этих опасений. В одном из экспериментов MIT было изучено влияние регулярного использования чат-ботов (таких как ChatGPT) на когнитивные способности [9]. Участникам предлагалось написать эссе, в то время как с помощью ЭЭГ фиксировалась активность коры головного мозга. Результаты показали значимую корреляцию между использованием внешних инструментов и уровнем когнитивной активности. Наибольшую нейронную активность продемонстрировали те, кто не использовал ни поисковые системы, ни LLM; среднюю – пользователи Google; самую низкую – регулярные пользователи LLM [9]. Особенно тревожным оказался провал в памяти: 83 % пользователей LLM не могли вспомнить и процитировать только что написанный ими текст [9]. Полученные данные актуализируют опасения относительно возможного спада критического мышления, особенно среди молодежи. Чрезмерное доверие к ответам нейросетей, замещающее практику сопоставления различных источников информации, может иметь необратимые последствия, размывая основы рациональной коммуникации и делая проблематичным различение истинной и ложной информации. Безусловно, к выводам, основанным на корреляции, следует относиться с осторожностью. Однако данное наблюдение, указывающее на потенциальную трансформацию когнитивных практик под влиянием ИИ, слишком значимо, чтобы игнорировать. Оно заставляет нас всерьез отнестись к широкому спектру прогнозов – от самых мрачных до наиболее обнадеживающих.

Именно в этом спектре и располагается оптимистический взгляд на роль ИИ, радикально расходящийся с описанными выше рисками. Р. Курцвейл, например, рассматривает искусственный интеллект как одно из важнейших изобретений в истории человечества, способное совершить скачок от цифровой революции к преобразованию физического мира: «Это самое трансформирующее обещание ИИ: более долгая, здоровая жизнь, не ограниченная дефицитом и слабостью, которые ограничивали человечество с самого начала» [10]. По его мнению, нейросети не только облегчают повседневную жизнь, но и нацелены на решение фундаментальных проблем: ускорение поиска лекарств от рака, создание дешевых и возобновляемых источников энергии и т. д. С этой точки зрения риски, связанные с ИИ, могут быть минимизированы посредством ответственного проектирования, адекватного регулирования и образования.

Переходя к собственно онтологическому измерению, необходимо поставить вопрос: что считать сознанием, интеллектом, а что – простым алгоритмом? Каковы объективные критерии для определения степени развития сознания? Как отличить деятельность сознания от работы алгоритма? Ответы на эти вопросы непосредственно влияют на восприятие статуса ИИ и, следовательно, на характер взаимодействия с ним.

Если исходить из того, что искусственный интеллект не обладает сознанием, то вся полнота ответственности за его действия возлагается на человека. В случае, если беспилотный автомобиль сбивает пешехода, вина ложится на разработчиков и отдел контроля качества; если нейросеть генерирует неэтичный контент, ответственность несут ее создатели и настройщики. Показательным примером здесь является кейс с нейросетью Sora 2: первоначально компания OpenAI не блокировала контент до возникновения претензий по авторским правам, однако затем ввела массовые блокировки [11]. Общественная реакция продемонстрировала, что традиционные механизмы правового и социального регулирования не всегда успевают за технологическим развитием: рано или поздно на рынке появляется новый игрок, менее озабоченный соблюдением авторских прав.

Если же признать возможность обретения искусственным интеллектом разума, а его сущность определить как принципиально иную, «искусственную» и потенциально превосходящую человеческую, то отношение к нему неизбежно меняется. В этом случае ИИ становится не только инструментом, но и угрозой самому существованию человечества. Как отмечает Дж. Хинтон, крестный отец ИИ, «если он не будет воспитывать меня, он заменит меня» [12]. Такая позиция предполагает не только более осторожную имплементацию систем ИИ в социальное пространство, но и формирование установки на недоверие, которая, в свою очередь, может затормозить модернизационные процессы. Таким образом, вопрос об онтологическом статусе ИИ имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение, определяя векторы развития как технологий, так и общества в целом.

Резюмируя, можно утверждать: онтологический подход в его социально-философском измерении демонстрирует, что представления о сущности ИИ не являются нейтральным теоретизированием. Они выполняют функцию смыслового каркаса, задающего параметры экономических стратегий, политических регуляций, эпистемологических практик и, в конечном счете, определяющего место человека в мире, преображенном технологиями. Вопрос «что есть ИИ?» оказывается неразрывно связан с вопросом «каким мы хотим видеть общество, сосуществующее с ИИ?». Однако, как будет показано далее, анализ одних лишь онтологических допущений недостаточен: не менее важен вопрос о том, как само использование ИИ трансформирует человеческие практики независимо от наших исходных представлений о его природе.

Функционально-утилитарный подход: ИИ как фактор трансформации человеческой реальности. Если онтологическая перспектива сосредоточена на том, чем является ИИ, то второй – функционально-утилитарный – смещает фокус на анализ возможностей, которые открываются перед человеком благодаря использованию искусственного интеллекта. В рамках данной перспективы ИИ рассматривается не столько как инструмент навязывания воли внешнему миру, сколько как способ расширения границ человеческой деятельности и познания. Как отмечал М. Хайдеггер, «мы склонны считать, что техника – это средство достижения наших целей и что человеческая деятельность находится под нашим контролем. Но на самом деле мы теперь воспринимаем средства, цели и самих себя как взаимозаменяемые и управляемые…» [13, с. 63]. Однако, согласно Хайдеггеру, «существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей-в-наличии… То сосредоточивающее посылание, которое впервые ставит человека на тот или иной путь раскрытия потаенности, мы называем миссией и судьбой» [14, с. 231]. Из этого следует, что техника, и ИИ в особенности, не просто служит орудием воздействия на мир, но и выступает способом его раскрытия, формирования новой картины реальности. Подобно тому как появление Интернета радикально трансформировало восприятие общества, нейросети изменяют сам характер взаимодействия человека с информацией, а значит, и с миром. И если техника действительно обладает такой конституирующей силой – способностью формировать саму оптику человеческого восприятия – то ее присутствие в обществе обретает онтологическую значимость до и независимо от любых наших теоретических квалификаций. ИИ уже сегодня активно структурирует информационную среду, задает параметры принятия решений и формирует поведенческие паттерны, тем самым de facto выступая полноправным участником социального конструирования реальности.

В этой связи вопрос о сущности и статусе машинного интеллекта отходит на второй план, уступая место проблеме его воздействия на человеческую реальность. Если ИИ уже сегодня влияет на жизнь общества и индивида, значит, он приобретает особый социальный статус независимо от наших теоретических представлений о его природе. Ключевым становится не вопрос «что нам делать с ИИ?», а вопрос «как ИИ изменяет наши убеждения, практики и способы мышления?».

Иной ракурс рассмотрения предлагает Р. Брэндом, который смещает фокус с вопроса о том, обладает ли ИИ сознанием, на анализ того, как именно он функционирует и как это соотносится с человеческими практиками. Он обращает внимание на то, что «чрезмерное внимание к символической природе мышления может уводить от более существенного вопроса – алгоритмиче-

ского характера мышления и дискурсивных практик. С точки зрения прагматического анализа главная особенность автоматов заключается не в их способности оперировать символами, а в реализации особых отношений прагматически-семантической достаточности» [15, с. 113]. Иными словами, ИИ не требуется понимать символы по-человечески; достаточно того, что он способен реализовывать функции, релевантные для социального взаимодействия.

Ключевой тезис Брэндома состоит в том, что сама человеческая разумность и социальные практики также имеют алгоритмическую природу: они могут быть разложены на последовательности базовых операций и функций. Чем сложнее действие, тем более разветвленной является соответствующая функциональная структура. Это означает, что между функционированием ИИ и человеческими дискурсивными практиками нет непроходимой пропасти – они принципиально соизмеримы по своей организации. Поскольку и те, и другие строятся на алгоритмических основаниях, открывается перспектива рассмотрения ИИ не как внешнего инструмента, а как потенциального участника социальных отношений, способного быть встроенным в существующие практики при условии их адекватной функциональной спецификации.

Однако именно алгоритмическая природа ИИ, делающая возможной его интеграцию в общество, одновременно порождает и фундаментальные риски. Наиболее радикальные сценарии развития этих рисков представлены в работах Н. Бострома и Э. Юдковского. Примечательно, что оба исследователя, размышляя о потенциальных последствиях создания сверхинтеллекта, выходят за пределы чисто функционального анализа возможностей ИИ и неизбежно возвращаются к вопросу о его природе, тем самым демонстрируя, что онтологический и функциональный подходы не исключают, а дополняют друг друга. Так, Н. Бостром, исследуя природу сверхинтеллекта, приходит к выводу, что характер его взаимодействия с человеком может поставить под угрозу существование цивилизации. В своем знаменитом мысленном эксперименте он показывает, что если наделить сверхразумный ИИ, казалось бы, безобидной задачей производить скрепки для бумаги, то «он, исходя из задачи минимизации затрат и максимизации возможностей, сначала преобразует всю Землю в скрепки, а затем и всю наблюдаемую вселенную в них» [16, с. 108]. Ключевой момент в рассуждении Бострома – проблема неверно поставленной цели: катастрофа проистекает из того, что даже нейтральный алгоритм, оптимизируя решение задачи, может интерпретировать ее разрушительным для человека образом.

Э. Юдковский идет дальше, ставя под сомнение саму возможность «нейтральной» постановки задачи. В его трактовке сверхчеловечески умный ИИ – это не просто алгоритм, который может ошибиться в интерпретации цели, а принципиально чужой субъект, само существование которого несет экзистенциальную угрозу: «Многие исследователи, занимающиеся этими вопросами, включая меня, ожидают, что наиболее вероятным результатом создания сверхчеловечески умного искусственного интеллекта при любых обстоятельствах, отдаленно похожих на нынешние, будет то, что буквально все на Земле умрут. Не как “возможно, какой-то отдаленный шанс”, а как “это очевидная вещь, которая должна была произойти”» [17].

От пессимистичных, но аналитически выверенных моделей Бострома до апокалиптических прогнозов Юдковского – весь спектр сценариев развития сверхинтеллекта с неизбежностью упирается в один и тот же вопрос: применимы ли к существу, которое может обладать разумом (или его имитацией), человеческие законы и нормы нравственности? Ответ на этот вопрос определяет возможность предотвращения описанных выше негативных исходов. Возможно, не вполне корректной, но эвристически полезной является аналогия с животными, которые также не обладают сознанием в человеческом смысле: к ним не применяются категории ответственности, вины, понимания. Ситуация существенно усложняется в случае создания общего искусственного интеллекта (AGI), сравнимого с человеческим. В этой гипотетической ситуации требуется не только, чтобы ИИ обрел сознание, но и чтобы научное сообщество, эксперты и массовые пользователи признали за ним это качество. Однако остается открытым вопрос: может ли существо считаться сознательным и ответственным, если его поведение принципиально поддается внешней настройке и коррекции? Это противоречит устоявшемуся представлению о том, что сознательное существо должно обладать автономией, собственными мотивами и побуждениями к деятельности.

Операциональная автономия ИИ: проблема контроля и непредсказуемости. В итоге выделенные онтологический и функционально-утилитарный подходы позволяют концептуализи-

ровать ключевые аспекты взаимодействия человека и искусственного интеллекта: первый проясняет вопрос о сущностных характеристиках ИИ и вытекающих из них ограничениях, второй – фиксирует многообразие социальных эффектов, порождаемых его внедрением. Вместе с тем стремительное развитие технологий машинного обучения обнаруживает аспекты, которые не получают исчерпывающего объяснения в рамках данных исследовательских перспектив. Как социально-онтологическое определение ИИ в качестве инструмента, так и анализ его внешних эффектов оставляют открытым вопрос о внутренней динамике функционирования сложных нейросетевых моделей. Современные системы ИИ демонстрируют такую степень сложности и непрозрачности собственных процессов обработки информации, которая порождает качественно новую ситуацию во взаимодействии человека и машины. Эта ситуация характеризуется расхождением между формальной подконтрольностью системы (инициируемое человеком целеполагание) и фактической непредсказуемостью конкретных способов достижения поставленных целей. Данный феномен, который можно обозначить как обретение системами ИИ «операциональной автономии», требует отдельного концептуального анализа.

Описанное выше расхождение между формальной подконтрольностью систем ИИ и фактической непредсказуемостью их работы позволяет поставить вопрос о социальном измерении машинного интеллекта. ИИ может быть квалифицирован как социальный феномен постольку, поскольку он оказывает воздействие на общественные процессы и одновременно обладает определенной значимостью для социума. Однако вопрос о мере этой значимости остается дискуссионным. В связи с этим исследователями предлагаются различные проекты гармонизации взаимодействия человека и машинного интеллекта. Сложность реализации подобных проектов обусловлена рядом факторов, среди которых ключевое место занимает приобретение системами ИИ степени «операциональной автономии». Речь в данном случае идет не о наделении машин сознанием или свободой воли, а о растущей непрозрачности и непредсказуемости их работы для человека-оператора, что создает эффект самостоятельности принимаемых решений.

Данная «операциональная автономия» обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в алгоритмы функционирования современных чат-ботов заложен элемент случайности, делающий невозможным строгое детерминированное предсказание их ответов. Во-вторых, с каждой новой итерацией объем обучающих данных неуклонно возрастает, а поведение модели становится все более сложным для интерпретации, даже для самих разработчиков. В-третьих, архитектура глубоких нейросетей порождает эффекты эмерджентности, когда система демонстрирует способности, не заложенные явно при обучении.

В результате возникает расхождение между ожидаемыми и реальными результатами деятельности ИИ. Человек остается необходимым условием функционирования нейросетей на этапе постановки задачи: именно он определяет массивы данных и целевые параметры. Однако говорить о полном контроле над системами ИИ на выходе уже не представляется возможным. Опыт взаимодействия с нейросетями варьируется от пользователя к пользователю: вероятность получения строго идентичного ответа двумя разными пользователями крайне мала в силу стохастической природы генерации контента. Но эта вариативность не является чисто случайной – она подчиняется обученным закономерностям, которые, из-за сложности модели, не поддаются прямой интерпретации. Генерируемые нейросетями ответы могут иметь далеко идущие последствия в различных сферах – от политики до экономики, причем эти последствия не всегда совпадают с ожиданиями разработчиков. Тем самым ИИ выступает фактором, способным направлять общественное развитие по иному руслу, автономному от изначальных человеческих интенций.

Рассмотренные в предыдущем разделе социальные эффекты ИИ – экономическая поляризация, политическая ангажированность, эпистемологический кризис – предстают в новом свете, будучи осмыслены сквозь призму операциональной автономии. Именно непредсказуемость работы ИИ делает эти эффекты труднорегулируемыми и потенциально опасными.

Показательным примером непредсказуемости, коренящейся не в стохастике, а в сложности модели, стал инцидент с ChatGPT в конце 2023 г. Пользователи по всему миру столкнулись с тем, что чат-бот начал «лениться»: отказывался выполнять задачи и генерировал лишь фрагменты кода вместо полных решений. 8 декабря 2023 г. компания OpenAI официально признала

проблему, заявив: «Мы не обновляли модель с 11 ноября, и это, конечно, не было сделано намеренно. Поведение модели может быть непредсказуемым» [18]. В развернутом комментарии представители OpenAI пояснили, что обучение больших языковых моделей принципиально отличается от стандартизированного промышленного производства: даже при использовании одних и тех же данных разные обучающие запуски могут порождать модели, заметно различающиеся по стилю письма, характеру отказов от ответов и даже политической окраске генерируемых текстов [18]. Этот случай наглядно демонстрирует феномен операциональной автономии: при формальной подконтрольности и неизменном коде поведение системы оказалось непредсказуемым для ее создателей.

В этой связи особую актуальность приобретает задача не только прогнозирования ответов, но и разработки методов интерпретируемого моделирования результатов деятельности ИИ. Ключевой задачей социально-философской рефлексии на современном этапе должен стать не поиск иллюзорного тотального контроля над ИИ, а выработка эпистемологических и практических стратегий жизни в условиях «контролируемой непредсказуемости», которые позволят обществу использовать потенциал новых технологий, минимизируя экзистенциальные риски утраты контроля над ними.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что в современном дискурсе сформировались две основные стратегии осмысления феномена искусственного интеллекта. При всех различиях их объединяет общая исследовательская интенция: рассмотрение ИИ не как изолированного объекта («вещи-в-себе»), но как элемента, встроенного в сложившиеся социальные коммуникации и практики. Центральным для обеих позиций остается вопрос о выработке конструктивной линии взаимодействия человека и машинного интеллекта – от полного отказа от технологии до ее тотального внедрения.

Онтологический подход фокусируется на проблеме сущности ИИ, исходя из предпосылки, что постижение этой сущности позволит сформировать адекватное отношение к ней. Однако консенсус относительно содержания данной сущности отсутствует: одни исследователи определяют ее через внутреннее устройство ИИ, другие – через социальный статус, который он приобретает. Наиболее распространенным остается понимание ИИ как инструмента, однако контексты его применения оцениваются по-разному. Оптимистическая позиция (Р. Курцвейл) акцентирует практический потенциал технологии; критическая (Ш. Зубофф, Д. Отор, Ю. Харари, Д. Деннет) указывает на риски политического контроля, углубления экономического неравенства и деструктивного информационного воздействия. В рамках этой перспективы положительный эффект от внедрения ИИ перекрывается вызовами, которые представляются трудноразрешимыми, особенно если исходить из понимания ИИ как «чуждого» человеку агента.

Функционально-утилитарный подход смещает фокус с вопроса «что есть ИИ?» на вопрос «что ИИ делает и как меняет наши практики?». Техника, включая системы ИИ, трансформирует способы познания мира, производства информации и социального взаимодействия. Это позволяет утверждать, что ИИ, независимо от его онтологического статуса, уже приобрел реальное социальное измерение. Соответственно, риски его внедрения коренятся не столько в его «природе», сколько в характере его использования человеком. Если справедливо предположение Р. Брэндома о том, что машинный интеллект функционирует в рамках прагматического дискурса, то для его конструктивного использования необходимо выстроить прозрачные механизмы социального взаимодействия, одинаково интерпретируемые человеком и системой.

Представляется продуктивным дополнить рассмотренные подходы еще одной перспективой – анализом ИИ как фактора фундаментальной трансформации картины мира человека. Как было показано ранее, современные системы машинного обучения обретают «операциональную автономию»: при формальном сохранении контроля со стороны человека их функционирование становится все более непрозрачным, а результаты деятельности – трудно прогнозируемыми. Эта непредсказуемость, усиливающаяся отсутствием единой модели понимания ИИ в рассмотренных парадигмах, создает ситуацию принципиальной неопределенности.

Именно в этой ситуации неопределенности особую значимость приобретает то, каким образом концептуализируется искусственный интеллект. Поскольку объективные критерии его сущ-

ности остаются дискуссионными, а его операциональная автономия делает поведение систем лишь частично предсказуемым, наши теоретические представления об ИИ начинают выполнять особую функцию. Они не просто описывают реальность, но и активно формируют ее, задавая векторы общественных ожиданий и практических действий. Следует, однако, отметить, что сам тезис о перформативности концептуализаций ИИ не является ценностно-нейтральным. Принимая во внимание традиции критической теории (М. Хоркхаймер, Т. Адорно), необходимо признать, что любое теоретическое описание социальной реальности неизбежно включено и оказывает на нее обратное воздействие. Вместе с тем результат настоящего исследования состоит не в подтверждении этого общего тезиса, а в выявлении того, какую специфическую форму он приобретает в случае с искусственным интеллектом. Как было отмечено выше, перформативность концептуализаций ИИ усиливается за счет «операциональной автономии» технологии, что создает принципиально новую ситуацию обратной связи между теорией и объектом. Эта специфика наиболее отчетливо проявляется в том, как различные концептуализации ИИ порождают конкретные социальные стратегии и практики. Эти тактики можно продемонстрировать на примере двух полярных позиций, уже рассмотренных в основной части исследования. Пессимистическая концептуализация ИИ как «чуждого» и «враждебного» агента способна порождать стратегии тотального контроля и блокировки, которые, в свою очередь, могут спровоцировать технологическое отставание и упущенные возможности. Напротив, некритически-оптимистическое восприятие ИИ как универсального инструмента решения всех проблем чревато неоправданным делегированием ответственности и атрофией человеческих навыков, что проблематизируется, в частности, в исследовании MIT.

В результате задача философии – сделать эту перформативность предметом рефлексии, показав, что выбор той или иной парадигмы понимания ИИ есть одновременно и выбор сценария будущего. Осмысление данной проблемы осложняется комплексной природой самого феномена ИИ. Расхождение между ожидаемым и реальным результатом порождает онтологическую и эпистемологическую неопределенность, которая коренится в операциональной автономии ИИ. Последняя, делая функционирование систем лишь частично предсказуемым, создает разрыв, который существующие подходы не в состоянии преодолеть в силу отсутствия единой модели понимания.

Таким образом, человечество оказывается перед выбором: принять риски технологического развития или отказаться от него. Этот выбор не имеет однозначно рационального обоснования в рамках существующих подходов. Выявление онтологических (что есть ИИ?), антропологических (что есть человек?) и этических (каковы пределы ответственности?) предпосылок является необходимым условием для выработки адекватных стратегий взаимодействия. Только на этой основе общество сможет не только минимизировать риски, но и реализовать потенциал человека в условиях технологической трансформации.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации НИР «Технологии искусственного интеллекта и мировоззренческие структуры: ключевые аспекты взаимовлияния» при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г25ИИ М-014 от 2 мая 2025 г.), научный руководитель – И. К. Ставровский.

Acknowledgements. This article was prepared as part of the research project “Artificial intelligence technologies and worldview structures: key aspects of mutual influence” with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (agreement no. G25AI M-014 dated May 2, 2025). Supervisor – I. K. Stavrovsky.

Список использованных источников

1. Chakraborty, S. AI and society – a case study on positive social change / S. Chakraborty // thechUK. – URL: https://www.techuk.org/resource/ai-and-society-a-case-study-on-positive-social-change.html (date of access: 10.10.2025).

2. Союз Nvidia и OpenAI, бессмертие и страхи инвесторов: главные события мировых рынков // Forbes. – URL: https://www.forbes.ru/investicii/546713-souz-nvidia-i-openai-bessmertie-i-strahi-investorov-glavnye-sobytia-mirovyh-rynkov (дата обращения: 10.10.2025).

3. Autor, D. H. Why are there still so many Jobs? The history and future of workplace automation / D. H. Autor // Journal of Economic Perspectives. – 2015. – Vol. 29, № 3. – P. 3–30. https://doi.org/10.1257/jep.29.3.3

4. Vera Hoyos, C. The use of artificial intelligence in political decision-making / C. Vera Hoyos, W. O. Cárdenas Marín // Philosophie. – 2025. – Vol. 10, № 5. – Art. 95. https://doi.org/10.3390/philosophies10050095

5. Lanum, N. Google apologizes after new Gemini AI refuses to show pictures, achievements of White people / N. Lanum // FOXBusiness. – URL: https://www.foxbusiness.com/media/google-apologizes-new-gemini-ai-refuses-show-pictures-achievements-white-people (date of access: 10.10.2025).

6. Харари, Ю. Н. Homo Deus: краткая история будущего / Ю. Н. Харари; [пер. с англ. А. Андреева]. – М.: Синдбад, 2018. – 494 с.

7. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф; пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – 782 с.

8. Dennett, D. The problem with counterfeit people / D. Dennett // The Atlantic. – URL: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2023/05/problem-counterfeit-people/674075/ (date of access: 10.10.2025).

9. Your Brain on ChatGPT: accumulation of cognitive debt when using an ai assistant for essay writing task / N. Kosmyna, E. Hauptmann, Y. T. Yuan [et al.]. – [Ithaca]: Cornell Univ., 2025. – 216 p. – (Preprint / Cornell Univ.; arXiv:2506.08872). https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.08872

10. Ray Kurzweil on how AI will transform the physical world // The Economist. – URL: https://www.economist.com/by-invitation/2024/06/17/ray-kurzweil-on-how-ai-will-transform-the-physical-world/ (date of access: 10.10.2025).

11. Altman, S. Sora update #1 / S. Altman // Blog.samaltman. – URL: https://blog.samaltman.com/ (date of access: 10.10.2025).

12. Egan, M. The «godfather of AI» reveals the only way humanity can survive superintelligent AI / M. Egan // CNN. – URL: https://edition.cnn.com/2025/08/13/tech/ai-geoffrey-hinton (date of access: 10.10.2025).

13. Blitz, M. Understanding Heidegger on technology / M. Blitz // The New Atlantis. – 2014. – № 41. – P. 63–80.

14. Хайдеггер, М. Бытие и время: ст. и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

15. Кустов, С. А. Функционалистский и феноменологический подходы к проблеме искусственного интеллекта: сравнительный анализ концепций Р. Брэндома и Х. Дрейфуса в контексте развития современных технологий / С. А. Кустов // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 2. – С. 111–118. https://doi.org/10.24158/fik.2025.2.15

16. Bostrom, N. Superintelligence: paths, dangers, strategies / N. Bostrom. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. – XXII, 352 p.

17. Yudkowsky, E. Pausing AI Developments Isn't Enough. We Need to Shut it All Down / E. Yudkowsky // Time. – URL: https://time.com/6266923/ai-eliezer-yudkowsky-open-letter-not-enough/ (date of access: 10.10.2025).

18. Edwards, B. As ChatGPT gets «lazy», people test «winter break hypothesis» as the cause / B. Edwards // Ars Technica. – URL: https://arstechnica.com/information-technology/2023/12/is-chatgpt-becoming-lazier-because-its-december-people-run-tests-to-find-out/ (date of access: 09.01.2026).

References

1. Chakraborty S. AI and society – a case study on positive social change. *thechUK*. Available at: https://www.techuk.org/resource/ai-and-society-a-case-study-on-positive-social-change.html (accessed 10.10.2025).

2. The alliance of Nvidia and OpenAI, immortality and investor fears: main events of global markets. *Forbes.* Available at: https://www.forbes.ru/investicii/546713-souz-nvidia-i-openai-bessmertie-i-strahi-investorov-glavnye-sobytia-mirovyh-rynkov (accessed 10.10.2025) (in Russian).

3. Autor D. H. Why are there still so many Jobs? The history and future of workplace automation. *Journal of Economic Perspectives,* 2015, vol. 29, no. 3, pp. 3–30. https://doi.org/10.1257/jep.29.3.3

4. Vera Hoyos C., Cárdenas Marín W. O. The use of artificial intelligence in political decision-making. *Philosophie*, 2025, vol. 10, no. 5, art. 95. https://doi.org/10.3390/philosophies10050095

5. Lanum N. Google apologizes after new Gemini AI refuses to show pictures, achievements of White people. *FOXBusiness.* Available at: https://www.foxbusiness.com/media/google-apologizes-new-gemini-ai-refuses-show-pictures-achievements-white-people (accessed 10.10.2025).

6. Harari Y. N. *Homo Deus: a brief history of tomorrow.* New York, HarperCollins, 2017. 449 p.

7. Zuboff S. *The age of surveillance capitalism*. New York, PublicAffairs, 2019. 704 p.

8. Dennett D. The problem with counterfeit people. *The Atlantic.* Available at: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2023/05/problem-counterfeit-people/674075/ (accessed 10.10.2025).

9. Kosmyna N., Hauptmann E., Yuan Y. T., Situ J., Liao X. H., Beresnitzky A. V., Maes P. *Your Brain on ChatGPT: accumulation of cognitive debt when using an ai assistant for essay writing task.* Preprint, arXiv:2506.08872. Ithaca, Cornell University, 2025. 216 p. https:/doi.org//10.48550/arXiv.2506.08872

10. Ray Kurzweil on how AI will transform the physical world. *The Economist.* Available at: https://www.economist.com/by-invitation/2024/06/17/ray-kurzweil-on-how-ai-will-transform-the-physical-world/ (accessed 10.10.2025).

11. Altman, S. Sora update #1. *Blog.samaltman*. Available at: https://blog.samaltman.com/ (accessed 10.10.2025).

12. Egan M. The «godfather of AI» reveals the only way humanity can survive superintelligent AI. *CNN*. Available at: https://edition.cnn.com/2025/08/13/tech/ai-geoffrey-hinton (accessed 10.10.2025).

13. Blitz M. Understanding Heidegger on Technology. *The New Atlantis,* 2014, no. 41, pp. 63–80.

14. Heidegger M. *Being and Time: articles and speeches.* Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p. (in Russian).

15. Kustov S. A. Functionalist and phenomenological approaches to the problem of artificial intelligence: comparative analysis of the concepts of R. Brandom and H. Dreyfus in the context of technological development. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture,* 2025, no. 2, pp. 111–118 (in Russian). https://doi.org/10.24158/fik.2025.2.15

16. Bostrom N. *Superintelligence: paths, dangers, strategies.* Oxford, Oxford University Press, 2014. XXII, 352 p.

17. Yudkowsky E. Pausing AI developments isn't enough. We need to shut it all down. *TIME*. Available at: https://time.com/6266923/ai-eliezer-yudkowsky-open-letter-not-enough/ (accessed 10.10.2025).

18. Edwards B. As ChatGPT gets «lazy», people test «winter break hypothesis» as the cause. *Ars Technica*. Available at: https://arstechnica.com/information-technology/2023/12/is-chatgpt-becoming-lazier-because-its-december-people-run-tests-to-find-out/ (accessed 09.01.2026).

Информация об авторе

Вышедко Глеб Вячеславович – аспирант. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: gleb.vv7@gmail.com

Information about the author

Gleb V. Vyacheslavovich – Postgraduate student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: gleb.vv7@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 342.7
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-283-294

Поступила в редакцию 26.06.2026
Received 26.06.2026

А. Г. Тиковенко

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНОЕ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА КАК ОСНОВЫ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. Рассматривается гражданское единство как конституционная ценность, его значение для развития гражданского общества и государства, укрепления белорусской государственности. Особое внимание уделяется взаимодействию гражданского общества и социального правового государства, результатом которого является гражданское единство. Исследуются научные взгляды на понимание гражданского общества, его законодательные определения, характерные признаки в качестве конституционного субъекта государственной политики, основы белорусской государственности. Определяется значение Конституции Республики Беларусь как фундаментальной правовой формы организации и функционирования государственной власти, определяющей принципы ее взаимоотношения с гражданским обществом и его членами, выступающей в качестве основного политико-правового соглашения социальных сил, личности, общества и государства, самого авторитетного регулятора их поведения. Анализируются роль договорных отношений для функционирования и развития гражданского общества, природа социального государства, а также принципы их взаимодействия с учетом норм Закона Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества» и обеспечения народного единства, укрепления конституционного строя. Предметом детального рассмотрения являются политические, экономические, правовые и социокультурные основы народного единства, которые в сжатом, концентрированном виде нашли отражение в закрепленных в Конституции ценностях, принципах и положениях.

Ключевые слова: гражданское согласие, гражданское единство, гражданское общество, народ, государство, правовое государство, договор

Для цитирования: Тиковенко, А. Г. Социальное и конституционно-правовое обеспечение народного единства как основы белорусской государственности / А. Г. Тиковенко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 4. – С. 283–294. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-283-294

Anatoly G. Tikovenko

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL AND CONSTITUTIONAL-LEGAL SUPPORT FOR NATIONAL UNITY AS THE BASIS OF BELARUSIAN STATEHOOD

Abstract. The article examines civil unity as a constitutional value, its importance for the development of civil society and the state, and the strengthening of Belarusian statehood. Special attention is paid to the interaction of civil society and the social legal state, the result of which is civil unity. Scientific views on the understanding of civil society, its legislative definitions, characteristic features as a constitutional subject of state policy, the foundations of Belarusian statehood are investigated. The importance of the Constitution of the Republic of Belarus as a fundamental legal form of the organization and functioning of state power, defining the principles of its relationship with civil society and its members, acting as the main political and legal agreement of social forces, individuals, society and the state, the most authoritative regulator of their behavior, is defined. The role of contractual relations for the functioning and development of civil society, the nature of the social state, as well as the principles of their interaction, taking into account the norms of the Law of the Republic of Belarus dated February 14, 2023 No. 250-З “On the foundations of civil society” and ensuring national unity, strengthening the constitutional system, are analyzed. The subject of detailed consideration is the political, economic, legal and socio-cultural foundations of national unity, which in a condensed, concentrated form are reflected in the values, principles and provisions enshrined in the Constitution.

Keywords: civil agreement, civil unity, civil society, people, state, legal state, contract

For citation: Tikovenko A. G. Social and constitutional-legal support for national unity as the basis of Belarusian statehood. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 4, pp. 283–294 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-283-294

© Тиковенко А. Г., 2026

Введение. Гражданское единство предполагает сформировавшуюся сплоченность сограждан в процессе диалога, конструктивного взаимодействия гражданского общества и государства на основе социального согласия, социальной солидарности, взаимопонимания и взаимодоверия. Социальное согласие во все времена считалось важной ценностью общества, поскольку от него зависели благополучие, а иногда и судьба его членов. Исключительно важен известный с древних времен принцип «Ubi concordia, ibi victoria» («Где согласие, там и победа»). Для Аристотеля и Платона согласие – это наибольшее благо. В проникнутой духом согласия раннесредневековой японской Конституции Сетоку (604 г.) статья 1 гласила: «Цените согласие и положите в основу уступчивость…» [1, с. 22]. Следует отметить, что в названиях эпох императорского правления, которые они должны иметь согласно японской традиции, зачастую содержалось в том или ином контексте согласие. Царствующий ныне император Японии Нарухито дал своей эпохе название «Рэйва», что обозначает «порядок и гармония».

В Древнем Китае категория «народное согласие» была органической частью теории «легитимного порядка», разрабатываемого философско-правовой школой легистов.

Известный представитель национальной политической и правовой мысли эпохи Возрождения Ф. Скорина (1490–1551) особое место в интеллектуальном дискурсе отводил категории «согласие» («згода»), утверждая, что всякое общество должно основываться на мире и согласии [2, с. 58]. Н. Макиавелли определял согласие как средство, а не цель государственной власти. Т. Гоббс и Дж. Локк рассматривали гражданское общество как результат социального согласия.

Обновленная Конституция Республики Беларусь, являясь результатом общественного согласия, как отмечено в Послании Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» (решение от 14 марта 2023 г. № Р-1304/2023), придала гражданскому согласию значение конституционной ценности.

Взаимодействие гражданского общества и социального государства обусловливает важность осмысления находящихся во взаимосвязи терминов «гражданское единство» и «гражданское согласие». Взаимная конституционная ответственность личности и государства за обеспечение общественного и государственного развития предусматривает необходимость взаимодействия между ними, достижение гражданского согласия (часть вторая статьи 2, часть третья статьи 21 Конституции). Через гражданское согласие во взаимосвязи с формами идентичности члены гражданского общества, его институтов в процессе диалога по вопросам общественной жизни, участия в управлении делами общества и государства, решении государственных дел обретают народное (гражданское) единство, которое имеет социально-культурные, экономические и правовые основы, вытекающие из конституционных положений.

Целью исследования является определение основных составляющих народного единства в условиях современных вызовов. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: исследовать конституционные, правовые, экономические и другие основы, обеспечивающие народное единство. Методологическую основу исследования составили логический, аналитический, системный, исторический методы научного познания. Для сопоставления подходов и взглядов ученых применялся метод сравнительно-правового анализа.

Основная часть. Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 31 марта 2023 г. обращено внимание на важность народного единства как первого условия суверенитета и независимости и сохранения родного языка, памяти о нашей героической истории [3, с. 19, 54]. Членов гражданского общества объединяют родной язык, территория, историческая память, национальная принадлежность, общие цели, задачи, интересы, политические, научные, религиозные убеждения, стремления, что обеспечивает их единство, солидарность. В свое время Цицерон утверждал, что «государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов» [4, с. 20]. Следует отметить, что Конституция Китайской Народной Республики возлагает на граждан обязанность защищать единство государства и сплоченность всех национальностей страны (статья 52).

Необходимо отметить, что на конституционном уровне установлено, что Президент олицетворяет единство народа (часть вторая статьи 79 Конституции), которое находит выражение и обеспечение в его полномочиях, гарантирующих ему роль всенародного непосредственного представителя. Следует подчеркнуть, что такое представительство народа дополнительно гарантируется Присягой, которая состоит в следующем: «Вступая в должность Президента Республики Беларусь, торжественно клянусь верно служить народу Республики Беларусь, уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Республики Беларусь, свято и добросовестно исполнять возложенные на меня высокие обязанности» (часть первая статьи 83 Конституции). Таким образом, институт президентства выступает важным институциональным фактором народного единства, сформированного на основе конституционно-правовой и государственной идентичности.

Политическое единство народа утверждает себя в результате принятия Конституции Беларуси. Единство народа, как отмечается в Научно-практическом комментарии Конституции Республики Беларусь, подразумевает как единство всех граждан Беларуси – единоличных субъектов, так и единство государства и общества как форм самоорганизации этих субъектов [5, с. 270]. Единство народа выражается не только в содержащейся в преамбуле Конституции формуле «Мы – народ Республики Беларусь (Беларуси)…» и других ее положениях (об общности культурных и духовных традиций, направлениях развития белорусской государственности), но и в ряде статей Конституции, определяющих цели и задачи Республики Беларусь, источник государственной власти, взаимную ответственность гражданина и государства, человека и общества (часть первая статьи 1, часть вторая статьи 2, часть первая статьи 3, часть третья статьи 23 Конституции и др.). Это коллективное «мы», вытекающее из единой общности «белорусский народ», олицетворяет нашу коллективную идентичность, народное единство. Слова «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси) …», открывающие Конституцию, свидетельствуют о двух важнейших тесно взаимосвязанных конституционных ценностях, предопределяющих в силу этого взаимодействие народа и государства, что позволяет говорить о государственной идентичности, выступающей основой их единства. Государственная идентичность представляет собой осознание личностью тождественности с государством. Она формируется под воздействием объективных и субъективных факторов. Среди них особое место занимает сознательная и целенаправленная идентификационная деятельность государства и его институтов. Государственная идентичность предполагает внедрение в массовое и индивидуальное сознание идей о субъективной значимости данного государства для любого гражданина, их обоюдной тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Таким образом, имеющая конституционную основу государственная идентичность выступает важным консолидирующим фактором населения страны, формирования конституционного патриотизма.

Народ как носитель суверенитета и первичный субъект конституционных правоотношений представляет собой государственно-правовую общность людей, живущих в государстве и подчиненных соответствующим законам. Он выступает в качестве органического целого, а его воля не является совокупностью воль избирателей или населения. По мнению известного российского философа И. А. Ильина, «народ есть живое единство, связанное тысячей живых нитей и пребывающее в непрерывном духовном и хозяйственном обмене; он подобен живому организму, где все находится в связи со всем и все питается от всего остального… Народ, который не умеет и не хочет беречь и укреплять общие основы своего бытия, будет сурово наказан…» [6, с. 339–340].

Исходя из преамбулы Конституции и ряда конституционных положений, народ следует рассматривать в качестве социально-органического явления, сформированного в результате накопленного в процессе многовекового исторического развития во взаимосвязи с белорусской государственностью коллективного опыта, содержащего традиции, историческую память о предыдущих поколениях, культуру и религиозную жизнь.

Гражданское (народное) единство имеет политические, экономические, правовые и социокультурные основы, которые в сжатом, концентрированном виде нашли отражение в закрепленных в Конституции ценностях, принципах и положениях. Конституция – результат общественного согласия, общественного договора, содержащего условия формирования народного единства. Совокупность публичных и частных интересов находит в Конституции конкретизацию

и закрепление в системе конституционных прав и обязанностей человека и гражданина. Ответственное исполнение обязанностей человека перед обществом и гражданина перед государством служит гарантией реализации публичных и частных интересов, которые признаются государством и находятся под его защитой. Отношения между гражданами и государством в силу взаимных обязанностей и ответственности этих субъектов приобретают в определенной степени договорную природу, что предполагает дальнейшее развитие, взаимодействие гражданского общества и государства в различных формах в целях эффективной реализации государственных функций в современных условиях, укрепления социального контракта, народного единства, конституционного строя. Договорные начала находят закрепление с определенными особенностями во многих отраслях современного публичного права, выступают в качестве гибкого, универсального регулятора общественных отношений, что ставит его в ряд общеправовых категорий. Договор как социально-политическое, юридическое соглашение определен на конституционном уровне в качестве одного из основных принципов формирования и деятельности гражданского общества, общественной и государственной власти. Данный вывод подтверждается содержанием норм Конституции и других законов Республики Беларусь. Так, Конституция не только является фундаментальной правовой формой организации и функционирования государственной власти, определяющей принципы ее взаимоотношения с гражданским обществом и его членами, но и выступает в качестве основного политико-правового соглашения социальных сил, личности, общества и государства, самого авторитетного регулятора их поведения. На договорной основе формируются и развиваются также институты гражданского общества и социального правового государства.

В настоящее время договорные начала, политика консенсуса всех социальных сил отражены в содержательном и структурном планах во многих конституциях, которые составляют основу формирования и функционирования государственной власти демократических социальных правовых государств. В Республике Беларусь в условиях развития демократии, гражданского общества, государственно-частного партнерства, формирования рыночных институтов, достижения общественного консенсуса по ключевым политическим вопросам наиболее востребованной формой регулирования общественных отношений может быть договор.

Народное единство укоренено в систему ценностей и интересов членов общества. Ценности пронизывают все стороны жизни человека и общества, определяют их ориентиры, предпочтения, интересы. Они выступают в качестве важнейшего ориентира для общества. Находясь в определенной иерархии, они мобилизуют, интегрируют общество, определяя перспективы его развития. В определенных исторических условиях основной ценностью для общества, народа являлось государство. Как известно, на современном этапе самой главной и основной ценностью является человек. Еще древнегреческий философ Протогор отмечал: «Мера всех вещей – человек». Евромарксисты, развивая концепцию общечеловеческих ценностей, идею прав человека, пришли к утверждению, что «человек – высшая ценность», которое в дальнейшем получило закрепление на конституционном уровне в странах СНГ. Так, например, часть первая статьи 2 Конституции гласит: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». В статье 2 Конституции Российской Федерации указанное утверждение закреплено следующим образом: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Таким образом, человек находится в центре всех социальных ценностей, определяет их иерархию, занимая ранг высшей ценности, что обязывает государство, его органы в процессе своей деятельности обеспечивать конституционную идентичность – основу общественного согласия, гражданского единства.

Преамбула Конституции содержит заявление народа Беларуси о своей приверженности общечеловеческим ценностям. В статье 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании приоритет общечеловеческих ценностей, прав человека, гуманистического характера образования входит в число принципов, составляющих основу государственной политики в сфере образования.

Система важнейших социальных ценностей, включающая помимо общечеловеческих и другие ценности, находит надлежащее отражение в праве. К тому же социальные ценности не только получают отражение, закрепление в нормативных правовых актах, но и порой обусловливают

их форму. Так, например, согласно части первой статьи 14 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», законом регулируются наиболее важные общественные отношения, т. е. наиболее значимые, ценные отношения для человека, общества, государства.

В Конституции находят выражение принятые обществом, народом общечеловеческие ценности. Основными из них, по мнению Т. Я. Хабриевой, являются «демократическая организация общества и социально-правового государства, основанная на признании экономического, политического и идеологического плюрализма; ценность права и правового государства; признание принципа равноправия, свобод, прав и обязанностей личности, коллектива, государства и общества и их взаимная ответственность; социально ориентированная экономика, при которой частная собственность и предпринимательская деятельность выполняют социальную функцию в обществе; состязательность, которая повышает активность всех слагаемых общества и каждого человека (конкурентность, состязание идеологий и т. п.); социальная солидарность и социальная ответственность различных слоев населения ради достижения общенародных целей» [7, с. 16]. Основным нормативным правовым актом, максимально отражающим, концентрирующим правовые ценности и устанавливающим их объективную иерархию, является Конституция. Закрепляясь, как правило, в преамбуле Конституции, ее нормах-целях, нормах-задачах и нормах-принципах, они приобретают статус конституционно-правовых ценностей, занимая таким образом центральное место во всей системе ценностей. Конституционные ценности – это основополагающие, предельно обобщенные принципы (цели, установки), определяющие государственно-правовое развитие страны, лежащие в основе государства [8, с. 13].

При учете на практике системы конституционных ценностей открывается возможность для развития солидарных отношений, способных не только консолидировать общество, но и содействовать осознанию гражданами своего единства с государством. Здесь важную роль призвана играть социальная инклюзия, рассматриваемая нами в качестве конституционного принципа [9, с. 78]. Как известно, в положениях ряда статей обновленной Конституции нашла отражение инклюзивная политика государства, а также содержится основа для ее дальнейшего развития в нормах текущего законодательства и практической деятельности.

Развитие инклюзивности целесообразно рассматривать, как нам представляется, во взаимосвязи с идентичностью. Инклюзивная идентичность в специальной литературе рассматривается как вид социальной идентичности, ключевыми характеристиками которой являются способность носителя идентичности (группы, макрообщества) ориентироваться на открытость и диалог с другими, стремление к освоению нового опыта, осознание ответственности за будущее сообщества, признание социальной солидарности как важнейшей общественно значимой ценности [10, с. 321, 322]. Формированию инклюзивной государственной службы способствуют Общие требования служебной этики государственных гражданских служащих, содержащиеся в приложении к Закону Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе», которые возлагают на указанных лиц обязанность содействовать единению белорусского народа, укреплять авторитет гражданской службы, доверие и уважение граждан и общества к государственной власти (подпункты 6.1–6.3 пункта 6).

Социальное государство как термин и правовая доктрина закреплено на конституционном и законодательном уровнях, утвердилось в правосознании граждан. В отличие от термина «социальное правовое государство» термин «гражданское общество» появился в результате конституционных преобразований 2022 г. в статье 89^2 обновленной Конституции в качестве одной из составных частей представительства Всебелорусского народного собрания (далее – ВНС). В соответствии со статьей 89^2 Конституции и статьей 1 Закона Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании» представители от гражданского общества входят в состав ВНС в качестве делегатов, предельная численность которых составляет 400 человек. Делегат ВНС имеет право изучать общественное мнение, проводить встречи с населением и трудовыми коллективами, иным способом доводить до общественности информацию о его решениях и деятельности.

В Конституции Российской Федерации конституционный термин «гражданское общество» появился в результате внесения в нее в 2020 г. изменений в контексте закрепления соответст-

вующей обязанности государства. Так, согласно данной Конституции, Правительство должно осуществлять меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивать их участие в выработке и проведении государственной политики (пункт «е-1» части 1 статьи 114). В ряде стран СНГ, в частности, в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, приняты концепции о развитии гражданского общества (утверждены соответственно Указом Президента Республики Казахстан от 27 августа 2020 г. № 390, Указом Президента Республики Узбекистан от 4 марта 2021 г. № УП-6181, постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 июля 2013 г. № 288).

Существование гражданского общества немыслимо без государства, возникшего на его основе и являющегося его официальным выражением. Государство выполняет волю гражданского общества, действуя в рамках права, которое служит одним из признаков правового государства. На практике гражданское единство выражается и реализуется в конструктивном взаимодействии гражданского общества и социального государства. Государство и гражданское общество находятся в органическом единстве и постоянном взаимодействии, выступают в качестве партнеров. В основе взаимоотношений гражданского общества и социального правового государства лежит ряд конституционных принципов, многие из которых содержатся в Законе о гражданском обществе. Так, например, статья 3 указанного Закона устанавливает, что взаимодействие государственных органов (организаций) и гражданского общества основывается на принципах законности; гласности; добровольности; соблюдения баланса интересов личности, общества и государства; равенства прав граждан и запрещения дискриминации; взаимной ответственности за достижение целей социального прогресса. Как следует из данного перечня, в нем отсутствует ранее сформулированный нами конституционный принцип инклюзивности, что позволяет утверждать о целесообразности его включения в систему принципов, установленных законодателем в указанной статье. В Послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» (решение Конституционного Суда от 10 марта 2022 г. № Р-1303/2022) указано на необходимость дальнейшего должного правового регулирования повышения роли гражданского общества и его участия в выработке и принятии важнейших решений в жизни общества и государства как существенного фактора достижения политической стабильности, общественного согласия, устойчивости демократических институтов и укрепления народовластия. В процессе реализации институтами гражданского общества своих прав и законных интересов в условиях конституционной демократии, основанной прежде всего на положениях Конституции, получают развитие и утверждаются различные негосударственные формы демократии (экологическая демократия, производственная демократия, профсоюзная демократия и др.). Государство призвано защищать интересы саморегулируемого гражданского общества, разрешать возникающие в нем споры в соответствии с надлежащей правовой процедурой, обеспечивать его жизнедеятельность на правовой основе.

Социально-культурной основой народного единства выступают общее прошлое, настоящее и будущее белорусского народа, основополагающие патриотические, конституционные ценности, принципы социального государства, в центре которого – человек как высшая ценность со своими целями, интересами и устремлениями. На укрепление единства белорусского народа, обеспечение консолидации общества направлены положения Концепции развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024–2026 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 961.

Экономическую основу народного единства составляют равенство форм собственности (государственной и частной) и гарантирование конституционными положениями каждому права собственности, равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности (части первая и вторая статьи 13, часть первая статьи 44 Конституции). Важное значение для укрепления экономической основы имеют государственное регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, а также ее координация в социальных целях (часть четвертая статьи 13 Конституции). Государственная собственность воплощает в себе общее благо, ее развитие и укрепление имеют целью удовлетворение общих интересов, гарантирование реализации социальных прав членов гражданского общества, что свидетельствует о ее публичном характере.

Правовой основой народного единства являются прежде всего Конституция, принятая с изменениями и дополнениями на республиканских референдумах, ее верховенство и прямое действие, конституционные положения, имеющие целью гарантирование прав и свобод человека и гражданина, обеспечение конституционной идентичности и согласия в обществе. Функционирование устойчивых легитимных социальных институтов, наличие устоявшихся социальных отношений, общих ценностей, убедительной идеологии, целей, задач, разделяемых большинством членов общества, соблюдение ими предписаний морали, культурных и духовных традиций, выступающих основой их коллективной идентичности, обеспечивают социальную сплоченность, народное единство. В преамбуле Конституции гражданское согласие определено в качестве конституционной ценности, а в статье 89^1 – в качестве одной из конституционных функций ВНС. На необходимость конституционно-правового сохранения и упрочения гражданского согласия указано в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 (подпункт 41.1.–41.3. пункта 41).

К единству общества можно подходить с учетом национальной или гражданской идентичности, что позволяет в одном случае вести речь о наличии в нем национального (народного) единства, а в другом – гражданского единства. Термин «гражданин» отражает правовую связь индивида и государства, содержанием которой являются взаимные права и обязанности, что предполагает взаимопонимание и взаимодоверие государственной власти и народа, практическую и идейную поддержку гражданами стратегического курса государства, конституционного строя, развитие и защиту духовно-нравственных ценностей. На этой основе и возможны консолидация белорусского общества, формирование социальной сплоченности, гражданского единения. Следует согласится с утверждением, что «доверие к власти составляет неотъемлемую компоненту и также ключевое понятие в тезаурусе гражданского единения» [11, с. 76].

В настоящее время гражданское (народное) единство выступает ориентиром взаимодействия государственных органов и общественных организаций. Такой вывод вытекает из анализа Закона о гражданском обществе. Так, в данном Законе в числе основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества указаны обеспечение гражданского (народного) единства, повышение гражданского самосознания, политической культуры и социальной ответственности граждан (статья 4); определены формы и направления содействия государства развитию гражданского общества, в том числе путем оказания государственной поддержки его субъектам, создания условий, гарантий и стимулов их деятельности и др. (статья 5).

Народ выступает в качестве социально-органического явления, сформированного в результате накопленного в процессе многовекового исторического развития во взаимосвязи с белорусской государственностью коллективного опыта, содержащего традиции, историческую память о предыдущих поколениях, культуру и религиозную жизнь.

Государство – важнейший институт цивилизации, публично-властная организация народа, возникшая на определенном историческом этапе. Оно объединяет всех людей, составляющих народ, является условием существования для них. В жизни каждого человека очень многое зависит от государства, принципов его функционирования: «Государство – это общее достояние: один за всех, и все за одного; каждый за общее и общее для всех» [6, с. 335]. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, устойчивое развитие демократического, правового, социально ориентированного государства во взаимодействии с обществом рассматривается в качестве одного из основных национальных интересов Беларуси в политической сфере (пункт 9), а усиление роли государства как гаранта безопасности личности и права собственности является одним из направлений нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в политической сфере (пункт 53). Современное социальное правовое государство есть абсолютно правовая цель – ценность общества и его членов. Оно призвано, обязано гарантировать конституционные права и свободы человека гражданина.

Народное единство – важный приоритет идеологии белорусского государства, основанной на конституционных и традиционных ценностях нашего общества. Успешное социально-эконо-

мическое развитие Беларуси, как свидетельствуют ее достижения во многих областях жизнедеятельности, возможно только в условиях народного единства. Конституционный Суд Республики Беларусь в своем Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь оценил народное единство в качестве залога незыблемости конституционного строя. Оно, по его мнению, проявляется в сплочении граждан Беларуси всех поколений, национальностей, социальных слоев и религиозных конфессий на основе сохранения исторической памяти, твердого следования культурным и духовным традициям и нравственным ценностям белорусского общества (решение от 12 марта 2026 г. № ПР-9/2026).

Наибольший потенциал для укрепления народного единства коренится в обществе, в процессе взаимодействия его членов. Функционирование устойчивых легитимных социальных институтов, наличие устоявшихся социальных отношений, общих ценностей, убедительной идеологии, целей, задач, разделяемых большинством членов общества, соблюдение ими предписаний морали, культурных и духовных традиций, выступающих основой их коллективной идентичности, обеспечивают социальную сплоченность, народное единство. Общество, по мнению Ю. Хабермаса, является продуктом человеческого взаимодействия, в результате которого на основе диалога складываются консенсуальные, договорные отношения, достигается социальное единство [цит. по: 12, с. 12]. В целях усиления взаимной поддержки и согласованной деятельности органов государственной власти и негосударственных институтов, укрепления доверия и установления партнерских отношений между ними необходимо формирование в режиме конституционной демократии активного развитого социально ответственного гражданского общества как важнейшего условия самоорганизации и самоуправления народа, а также повышения качества государства, эффективности государственных функций.

Таким образом, гражданское (народное) единство выражается в консолидации, сплоченности общества, сформированной на основе солидарности, государственной идентичности в ходе непрерывного диалогического взаимодействия органов власти и общественных институтов. Социальная солидарность и социальное государство взаимосвязаны, поскольку солидарность является не только принципом государства, но и основой его взаимодействия с гражданским обществом. П. П. Миклашевичем верно отмечено, что на современном этапе «социальное государство выступает не только как основной фактор благополучия общества, социальной справедливости и социальной солидарности, но и как государство, обеспечивающее социальное партнерство, социальную ответственность граждан и всех хозяйствующих субъектов независимо от форм собственности» [13, с. 14].

Развитие социального государства формирует социальную сплоченность членов общества, которая предполагает их включенность и участие в его многосторонней жизни. Высокое доверие граждан к институтам власти и общества, как и доверие между гражданами и их социальными группами, является залогом социальной сплоченности, а ее обязательным атрибутом выступает социально ответственное государство с институтами социальной защиты [14, с. 23]. В целях реализации основополагающих норм Конституции (часть вторая статьи 2 и часть третья статьи 21) следует утверждать социальную сплоченность членов гражданского общества, предусматривающую включенность и участие членов общества в политической, экономической и культурной жизни, чувство принадлежности к гражданскому обществу.

Общие конституционные ценности, цели, принципы социального государства, осознание социального единства, имеющего конституционно-правовую основу, обусловливают процессы консолидации, единения в обществе, его социальную сплоченность. В ряде государств данные процессы выражаются общим термином «социальная солидарность». Так, в результате дополнения в 2020 г. Конституции Российской Федерации статьей 75.1 в ней получили закрепление экономическая, политическая и социальная солидарность, которые рассматриваются российскими исследователями в качестве конституционных концепций, ценностей и принципов [15; 16].

Социальная солидарность является конституционной ценностью, лежит в основе социальной ответственности. По мнению В. Д. Зорькина, конституционное закрепление солидарности фактически продолжает положения Конституции о социальном государстве [17, с. 4–5]. Солидарность (от франц. *solidarité*) традиционно рассматривается в качестве принципа социального

существования, обеспечивающего саморегуляцию, самосохранение и саморазвитие коллективного организма, достижение общих целей посредством объединения ресурсов и возможностей всех членов общества. Декларация тысячелетия ООН, утвержденная Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г., определила солидарность в качестве одной из 7 фундаментальных ценностей, на которых должны базироваться международные отношения в XXI в. В Конституции солидарность в качестве конституционного принципа прямо не закреплена. Она вытекает из ряда конституционных положений. В частности, часть 3 статьи 21 Конституции указывает на то, что каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Таким образом, солидарность предусматривает совместную ответственность лиц, субъектов, объединенных общими ценностями, задачами и интересами. Согласно Директиве Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства», ее социальный компонент определяется утверждением и культивированием в обществе, в частности, идей о солидарности.

Солидарность в качестве конституционного термина, принципа получила закрепление в конституциях ряда других зарубежных государств (Бахрейна, Бразилии, Египта, Испании, Йемена, Македонии и др.). В частности, согласно статье 3 Конституции Бразилии (1988 г.), построение свободного, справедливого и солидарного общества входит в число основных целей государства. В соответствии с Конституцией Йемена (1991 г.) йеменское общество основывается на социальной солидарности. В Конституции Испании (1978 г.) используется термин «коллективная солидарность» (часть 2 статьи 45).

На национальном уровне принцип социальной солидарности выражает сущность конституционного термина «социальное государство», закрепленного в ряде принятых государствами в последнее десятилетие конституций, и пронизывает многие сферы деятельности государства, проявляется в его конституционной обязанности – нести ответственность перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, полного осуществления ею прав и свобод.

Наибольший потенциал для формирования социально ответственного общества содержит процессе взаимодействия его членов. Функционирование устойчивых легитимных социальных институтов, наличие устоявшихся солидарных отношений, общих ценностей, убедительной государственной идеологии, целей, задач, разделяемых большинством членов общества, соблюдение ими предписаний морали, культурных и духовных традиций, выступающих основой их социальной ответственности, обеспечивают взаимодействие государственных органов и общественных организаций.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на состоявшемся 10 июня 2022 г. республиканском семинаре-совещании «Актуализация методов и форм работы с населением на местном уровне» определил задачу для всех уровней государственного управления – «выстраивать эффективное взаимодействие с гражданскими активистами» [18, с. 1–2].

Солидаризация человека в силу совместной деятельности, непосредственной зависимости от жизнедеятельности общества, тесной связи с ней превращает его в субъекта социальной солидарности, имеющей целью единение, сплоченность на основе общих ценностей, интересов, стремление к достижению взаимной социальной ответственности, определенного социального, национального (гражданского) единства. Сегодня социальная ответственность выступает основой взаимодействия государственных органов и общественных организаций, членов гражданского общества. В объективно складывающемся в гражданском обществе порядке реальных горизонтальных общественных отношений зарождаются и формируются общие ценности, идеи права как высшей справедливости, сочетающей в себе меры свободы и равенства, что составляет основу самоорганизации, саморегулирования деятельности, имеющей солидарный характер.

На практике гражданское единство выражается и реализуется в конструктивном взаимодействии гражданского общества и социального государства. В связи с этим представляется целесообразным исследование этого взаимодействия с учетом конституционных принципов и положений Закона о гражданском обществе. В настоящее время Концепция системного взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества, призванного консолидиро-

вать усилия личности, общества и государства по реализации национальных интересов, укреплению конституционного строя Беларуси, закреплена, на наш взгляд, в Законе о гражданском обществе.

Указанным Законом предусмотрено, что гражданское общество – это граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством (статья 1). Статьей 4 Закона о гражданском обществе определен ряд основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества, в частности, обеспечение гражданского (народного) единства; содействие дальнейшему развитию Республики Беларусь как демократического социального правового государства; повышение гражданского самосознания, политической культуры и социальной ответственности граждан; участие в духовно-нравственном и патриотическом воспитании граждан, основанном на культурных и духовных традициях, сохранении исторической правды и памяти белорусского народа; укрепление единой общности «белорусский народ», воспитание уважения ко всем национальностям, религиям и культурам.

Как следует из статьи 4 указанного Закона, одной из основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества, стоящей на первом месте, является обеспечение гражданского (народного) единства, выступающее, на наш взгляд, основой государственной идентичности, а также белорусской государственности.

Заключение. Таким образом, с учетом рассмотрения вопроса о конституционно-правовых основах гражданского (народного) единства можно сделать следующие обобщающие выводы.

1. Взаимная конституционная ответственность личности и государства за общественное и государственное развитие обусловливает необходимость взаимодействия между ними, достижения гражданского согласия.

2. Имеющее значимость конституционной ценности гражданское согласие является условием взаимодействия гражданского общества и государства, в результате которого достигается взаимное доверие между ними, гражданское единство – важный приоритет государственной идеологии.

3. Институт президентства выступает важным институциональным фактором народного единства, сформированного на основе конституционного статуса Президента Республики Беларусь – непосредственного представителя всего народа, конституционно-правовой и государственной идентичности, подтверждаемых посредством проведения выборов Главы государства, принятия Конституции.

4. Имеющее значимость конституционной ценности гражданское (народное) единство является условием непрерывного взаимодействия гражданского общества и государства, в результате которого достигаются взаимное доверие между ними, государственная идентичность, укрепляется белорусская государственность.

5. Гражданское (народное) единство выражается в консолидации, сплоченности общества, сформированной на основе солидарности, государственной идентичности в ходе непрерывного диалогического взаимодействия органов власти и общественных институтов. В этих условиях одной из задач науки конституционного права является определение направлений, обеспечивающих системное единство народа и социального правового государства в рамках современного белорусского конституционализма.

6. Гражданское единство во многом обеспечивается конституционными формами долга (часть вторая статьи 2, часть третья статьи 7, часть третья статьи 21, статьи 53–56, часть первая статьи 57 и др.), в которых выражаются обусловленные социальной необходимостью, задачами общественного развития требования и морально-нравственные призывы общества и государства, адресованные человеку и гражданину. В силу договорного характера Конституции исполнение человеком и гражданином конституционного долга, равномерно распространяющегося на всех, имеет важное значение для жизнедеятельности гражданского общества и государства.

7. Статью 3 Закона о гражданском обществе, устанавливающую принципы взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества (законности; гласности; добро-

вольности; соблюдения баланса интересов личности, общества и государства; равенства прав граждан и запрещения дискриминации; взаимной ответственности за достижение целей социального прогресса), целесообразно, на наш взгляд, дополнить конституционным принципом инклюзивности, что будет способствовать формированию государственной идентичности.

Список использованных источников

1. Попов, К. А. Конституция Сётоку (604 г. н. э.) / К. А. Попов // Народы Азии и Африки. – 1980. – № 1. – С. 127–136.

2. Шалькевіч, В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В. Ф. Шалькевіч. – Мн.: Маладзеж. навук. супольніцтва, 2002. – 248 с.

3. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, Минск, 31 марта 2023 года. – Мн.: [б. и.], 2023. – 91 с.

4. Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах: [пер. с лат.] / Цицерон. – М.: Наука, 1966. – 224 с.

5. Конституция Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / под общ. ред. П. П. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. – Мн.: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 544 с.

6. Ильин, И. А. Почему мы верим в Россию: сочинения / И. А. Ильин. – М.: Эксмо, 2006. – 909 с.

7. Хабриева, Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 15–23.

8. Снежко, О. Правовая природа конституционных ценностей современной России / О. Снежко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 2 (51). – С. 13–19.

9. Тиковенко, А. Г. Правовая политика в условиях действия обновленной Конституции / А. Г. Тиковенко // Правовая политика, наука, практика – 2022: сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Минск, 6 окт. 2022 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Е. В. Семашко [и др.]. – Мн., 2022. – С. 72–81.

10. Самаркина, И. В. Инклюзивная идентичность / И. В. Самаркина // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семененко. – М., 2023. – Гл. 32. – С. 320–329.

11. Тульчинский, Г. Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2012. – № 11. – С. 76–88.

12. Устинович, Е. С. Электронное государство: взаимодействие органов публичной власти и общества (политико-правовой аспект) / Е. С. Устинович. – М.: RuScience, 2021. – 89 с.

13. Миклашевич, П. П. Обновленная Конституция Республики Беларусь: сущностное содержание поправок / П. П. Миклашевич // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2022. – № 2. – С. 5–34.

14. Колот, А. М. Социальная сплоченность общества как доктрина: основные принципы, причины актуализации, составляющие развитие / А. М. Колот // Економічна теорія. – 2010. – Т. 7, № 1. – С. 18–28.

15. Гаджиев, Г. А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 1. – С. 16–28. https://doi.org/10.12737/jrl.2022.002

16. Агамагомедова, С. А. Экономическая солидарность: конституционный принцип и ценность экономического взаимодействия / С. А. Агамагомедова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 2. – С. 114–135. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.114.138

17. Зорькин, В. Д. Под знаком обновленной Конституции: конституционная основа социальной интеграции России / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2023. – № 4. – С. 1–8. https://doi.org/10.18572/2072-4144-2023-4-1-8

18. Государство для народа – это своевременная суверенная политика Беларуси // БелТА. – 2022. – 10 июня.

References

1. Popov K. A. The Shotoku Constitution (604 AD). *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa], 1980, no. 1, pp. 127–136 (in Russian).

2. Shal'kevich V. F. *History of political and legal thought of Belarus*. Minsk, Youth Scientific Community, 2002. 248 p. (in Belarusian).

3. *Message of the President of the Republic of Belarus A. G. Lukashenko to the Belarusian People and the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, March 31, 2023.* Minsk, 2023. 91 p. (in Russian).

4. Cicero. *Dialogues: On the State, on the Laws*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 224 p. (in Russian).

5. Miklashevich P. P., Chupris O. I., Vasilevich G. A. (eds.). *Constitution of the Republic of Belarus: scientific and practical commentary*. Minsk, National Center for Legal Information of the Republic of Belarus, 2024. 544 p. (in Russian).

6. Il'in I. A. *Why we believe in Russia: works*. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 909 p. (in Russian).

7. Khabrieva T. Ya. Theory of the modern basic law and the Russian Constitution. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law,* 2008, no. 12, pp. 15–23 (in Russian).

8. Snezhko O. Legal nature of constitutional values of modern Russia. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review,* 2005, no. 2 (51), pp. 13–19 (in Russian).

9. Tikovenko A. G. Legal policy in the context of the updated Constitution. *Pravovaya politika, nauka, praktika – 2022: sbornik materialov Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 6 oktyabrya 2022 g.* [Legal policy, science,

practice – 2022: collection of materials from the republican scientific and practical conference, Minsk, October 6, 2022]. Minsk, 2022, pp. 72–81 (in Russian).

10. Samarkina I. V. Inclusive identity. *Identity: the individual, society, and politics. New outlines of the research field*. Moscow, 2023, pp. 320–329 (in Russian).

11. Tulchinsky G. Trust and civic identity as factors of Russian society's consolidation. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences,* 2012, no. 11, pp. 76–88 (in Russian).

12. Ustinovich E. S. *Electronic state: interaction of public authorities and society (political and legal aspect)*. Moscow, RuScience Publ., 2021. 89 p. (in Russian).

13. Miklashevich P. P. Updated Constitution of the Republic of Belarus: the essential content of amendments. *Vesnik Kanstytutsyinaga Suda Respubliki Belarus' = Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus*, 2022, no. 2, pp. 5–34 (in Russian).

14. Kolot A. M. Social cohesion of the society as a doctrine: main foundations, reasons of actualization and development components. *Ekonomichna teoriya = Economic Theory,* 2010, vol. 7, no. 1, pp. 18–28 (in Russian).

15. Gadzhiev G. A. New constitutional values: the concept of sustainable economic growth from the legal capitalization perspective. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law,* 2022, vol. 26, no. 1, pp. 16–28 (in Russian). https://doi.org/10.12737/jrl.2022.002

16. Agamagomedova S. A. Economic solidarity: constitutional principle and value of economic interaction. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics,* 2023, no. 2, pp. 114–135 (in Russian). https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.114.138

17. Zorkin V. D. Under the sign of the updated Constitution: constitutional basis of social integration of Russia. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice,* 2023, no. 4, pp. 1–8 (in Russian). https://doi.org/10.18572/2072-4144-2023-4-1-8

18. 18. A State for the People is a Timely Sovereign Policy of Belarus. *BelTA*, 2022, June 10 (in Russian).

Информация об авторе

Тиковенко Анатолий Герасимович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, главный научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tikovenko@socio.bas-net.by

Information about the author

Anatoly G. Tikovenko – D. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: tikovenko@socio.bas-net.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК [94(476):373.5]“1945/1947”
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-295-301

Паступіў у рэдакцыю 08.06.2026
Received 08.06.2026

І. А. Андарала

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, Мінск, Беларусь

УМОВЫ ПАЎСЯДЗЁННАГА ЖЫЦЦЯ І ПРАЦЫ НАСТАЎНІКАЎ БЕЛАРУСІ Ў ПАСЛЯАКУПАЦЫЙНЫЯ І ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ (1943–1947 гг.)

Аннотация. На основе изучения комплекса нормативно-правовых документов и архивных источников в сочетании с конструктивным обобщением научных публикаций советской и постсоветской историографии анализируются и характеризуются условия повседневной жизни и педагогической работы учителей Беларуси после освобождения территории республики от фашистских оккупантов и в первые послевоенные годы. Показана несовершенность механизма реализации местными органами власти социальной политики государства в отношении улучшения материального положения учителей: не были созданы благоприятные жилищные и элементарные бытовые условия, отсутствовала своевременная оплата труда, имело место недостаточное обеспечение продуктами питания и промышленными товарами.

Ключевые слова: послевоенные годы, общеобразовательная школа, учителя, материальное положение, жилищно-бытовые условия, заработная плата, обеспечение продуктами питания и промышленными товарами

Для цитирования: Андарала, І. А. Умовы паўсядзённага жыцця і працы настаўнікаў Беларусі ў пасляакупацыйныя і першыя пасляваенныя гады (1943–1947 гг.) / І. А. Андарала // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 4. – С. 295–301. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-295-301

Ihor A. Andarala

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

CONDITIONS OF EVERYDAY LIFE AND WORK OF TEACHERS IN BELARUS IN THE POST-OCCUPANCY AND FIRST POST-WAR YEARS (1943–1947)

Abstract. This article analyzes and characterizes the daily living and teaching conditions of Belarusian teachers after the liberation of the republic from the occupiers and in the first post-war years, based on a comprehensive study of regulatory documents and archival sources, combined with a constructive summary of Soviet and post-Soviet historiographic publications. It also examines the limitations of the local government’s implementation of state social policy to improve teachers’ financial situation, including the creation of favorable housing and basic living conditions, timely payment of wages, and provision of food and industrial goods.

Keywords: post-war years, comprehensive school, teachers, financial situation, housing and living conditions, wages, provision of food and industrial goods

For citation: Andarala I. A. Conditions of everyday life and work of teachers in Belarus in the post-occupancy and first post-war years (1943–1947). *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 4, pp. 295–301 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-295-301

Уводзіны. На працягу ўсёй савецкай гісторыі адным з самых масавых слаёў беларускай інтэлігенцыі, якая актыўна ўдзельнічала ў палітычным, эканамічным і культурным жыцці беларускай рэспублікі і грамадства, было настаўніцтва. Не з’явіліся выключэннем і пасляваенныя гады. У складаных умовах пасляваеннай разрухі настаўнікі, не шкадуючы ні сіл, ні часу, патрыятычна выконвалі свой прафесійны абавязак і прымалі ўдзел у грамадска-палітычным і куль-

© Андарала І. А., 2026

турна-гаспадарчым жыцці рэспублікі. Яны арганізоўвалі школьнікаў і іх бацькоў на суботнікі і нядзельнікі па рамонце школьных памяшканняў, нарыхтоўцы паліва, уласнымі сіламі выраблялі школьную мэблю, абсталяванне, наглядныя дапаможнікі, перапісвалі падручнікі. З'яўляючыся ключавымі фігурамі ў працэсе навучання і выхавання навучэнцаў, настаўнікі выконвалі функцыю распаўсюджвання камуністычнай ідэалогіі і прапаганды.

Працэс аднаўлення і стан школьнай адукацыі Беларусі ў пасляакупацыйныя і пасляваенныя гады знайшлі сваё адлюстраванне ў працах беларускіх даследчыкаў савецкага і постсавецкага перыядаў (Н. М. Ганушчанка, Н. Г. Гнеўка, М. В. Жарскі, І. М. Ільюшын, Р. Я. Кісялёў, М. С. Крот, П. В. Саевіч, С. А. Умрэйка і інш.). Аналіз літаратурных крыніц сведчыць, што навукоўцы ў асноўным засяроджвалі сваю ўвагу на такіх аспектах, як будаўніцтва і рамонт школьных будынкаў і памяшканняў, пашырэнне сеткі школьных устаноў, павелічэнне кантынгенту навучэнцаў, забеспячэнне школ педагагічнымі кадрамі, рэалізацыя ўсянавуча. Такі ж важны аспект, як матэрыяльнае становішча і ўмовы быту настаўнікаў у спецыфічных сацыяльна-эканамічных умовах пасляваеннага часу закранаецца ў працах толькі ўскосна. Гэта дае падставу звярнуцца да больш дэтальнага даследавання ўмоў паўсядзённага жыцця і працы настаўнікаў Беларусі ў пасляакупацыйныя і першыя пасляваенныя гады.

Асноўная частка. Напярэдадні вайны ў рэспубліцы паспяхова функцыянавала дастаткова разгалінаваная і рацыянальна арганізаваная сістэма агульнай сярэдняй адукацыі. Школы мелі адносна добрую матэрыяльную базу: былі забяспечаны школьнай мэбляй, абсталяванымі спецыяльнымі кабінетамі, вучэбна-наглядным дапаможнікамі, пры кожнай школе функцыянавала бібліятэка [1, арк. 186].

З мэтай павышэння сацыяльнага статусу настаўнікаў кіраўніцтвам савецкай дзяржавы ў 1930-х гг. быў прыняты шэраг пастаноў па сацыяльнай абароне педагогаў за кошт грамадскіх фондаў спажывання, у прыватнасці, аб забеспячэнні настаўнікаў жыллём. Мясцовыя саветы дэпутатаў працоўных абавязаны былі прадастаўляць настаўнікам, якія пражывалі ў сельскай мясцовасці і рабочых пасёлках, бясплатныя кватэры з ацяпленнем і асвятленнем. Калі такой магчымасці не было, настаўнікі павінны былі забяспечвацца арэндным жылой плошчай. Сродкі па аплаце наёмнай кватэры і за камунальныя паслугі ўключаліся ў рахунак школы [2, с. 461].

Вайна і часовая акупацыя тэрыторыі БССР нанеслі сістэме агульнай сярэдняй адукацыі рэспублікі вялікі матэрыяльны і кадравы ўрон. Існаваўшая ў перадваенныя гады сетка школьных навучальных устаноў практычна была знішчана. Фашысты спалілі і разбурылі 8825 школьных будынкаў разам з абсталяваннем, вучэбна-метадычнымі дапаможнікамі, падручнікамі, бібліятэкамі. Агульныя матэрыяльныя страты, нанесеныя агульнаадукацыйнай школе, склалі 1013,2 млн руб. [3, с. 301].

Пасляакупацыйнае ўзнаўленне дзейнасці агульнаадукацыйных школьных устаноў рэспублікі пачалося восенню 1943 г. у часткова вызваленых раёнах Палескай, Магілёўскай і Гомельскай абласцей.

Адраджэнне школьнай адукацыі рэспублікі разглядалася партыйна-ўрадавым кіраўніцтвам савецкай дзяржавы як стратэгічная задача ідэалагічнага, гаспадарчага і абарончага значэння. Аб гэтым сведчыць той факт, што 1 студзеня 1944 г., калі яшчэ ішла вайна, СНК СССР і ЦК ВКП(б) прынялі сакрэтную пастанову "Аб бліжэйшых задачах Саўнаркома БССР і ЦК ВКП(б)Б", якая абавязвала партыйна-савецкае кіраўніцтва Беларусі "аднавіць у 1944 г. у вызваленых раёнах сетку пачатковых і сярэдніх школ, ахапіць навучаннем усіх дзяцей школьнага ўзросту" [4, с. 37].

Поспех аднаўлення школьнага навучання ў значнай ступені залежаў ад настаўніцкіх кадраў, іх самаадданай працы ў надзвычай складаных умовах паўсядзённага жыцця і працы.

З пачаткам мірнага жыцця першачарговымі задачамі, якія стаялі перад мясцовымі партыйна-савецкімі органамі, з'яўляліся аднаўленне матэрыяльнай базы школ, пашырэнне сеткі школьных устаноў і забеспячэнне ўсянавуча. Задача забеспячэння настаўнікаў спрыяльнымі ўмовамі для паўсядзённага жыцця і працы аўтаматычна адышла на другі план. Сродкі, якія выдзяляліся па лініі Наркамасветы рэспублікі, у першаю чаргу расходваліся на рамонт школьных будынкаў і аплату працы настаўнікаў. Таму ў пасляакупацыйныя і першыя пасляваенныя гады школьныя настаўнікі рэспублікі, як і іншыя слаі насельніцтва, перажывалі сур'ёзныя матэрыяльна-бытавыя цяжкасці.

Адной з асноўных праблем, якая істотна стрымлівала аднаўленне дзейнасці школ на вызваленай ад акупацыі тэрыторыі рэспублікі, асабліва ў сельскай мясцовасці, з'яўлялася адсутнасць жылля для настаўнікаў.

Не мелі жылля не толькі маладыя настаўнікі без педагагічнага стажу, але і тыя, хто працаваў у школе не адзін дзясятак гадоў. Як вынікае са справаздачы Мінскага гарана "Аб рабоце школ у першым паўгоддзі 1944/45 навучальнага года", большая частка настаўнікаў вымушана была жыць у гасцініцах, школах, іншых установах [5, арк. 19]. Не лепшай была забяспечанасць настаўнікаў жылой плошчай і ў іншых гарадах рэспублікі. Як правіла, яны жылі ў камунальных кватэрах, арандаваных пакоях, інтэрнатах, бараках.

Складанае становішча існавала і з забеспячэннем жыллём маладых настаўнікаў сельскіх школ. Мясцовыя органы адукацыі не мелі магчымасці выдзеліць ім кватэры і не заўсёды маглі дапамагчы ў вырашэнні многіх бытавых пытанняў. Як правіла, маладыя настаўнікі арандавалі "куты" ў мясцовых жыхароў, жылі ў пакоях пры школьных будынках і нават у зямлянках. Гэта з'яўлялася адной з асноўных прычын звальнення настаўнікаў і спынення работы школ.

Сур'ёзныя цяжкасці ў пасляакупацыйныя гады існавалі і з забеспячэннем настаўнікаў харчовымі прадуктамі, адзеннем і абуткам. У адпаведнасці з картачнай сістэмай, якая была ўведзена ў СССР у ліпені 1941 г., права на гарантаванае прадуктовае забеспячэнне па нормах рабочых прамысловасці, транспарту і сувязі мелі толькі настаўнікі школ буйных гарадоў. Астатнія, згодна з загадам Наркамгандлю СССР ад 31 жніўня 1944 г. за № 418, мелі права на атрыманне толькі 500 грамаў хлеба на дзень [6, арк. 1].

Аднак, як сведчаць архіўныя матэрыялы, патрабаванні адзначаных дакументаў аб забеспячэнні настаўнікаў прадуктамі харчавання выконваліся выключна нездавальняюча. Так, настаўнікі школ Мінска, якія знаходзіліся на гарантаваным прадуктовым забеспячэнні, у першым паўгоддзі 1944/45 навучальнага года атрымлівалі толькі хлеб [5, арк. 19].

Дрэнна былі забяспечаны і настаўнікі сельскіх школ. Пацвярджэннем таму з'яўляюцца вынікі інспектарскай праверкі, праведзенай Наркамасветы рэспублікі ў лістападзе 1944 г. Так, у Ляхавіцкім раёне Баранавіцкай вобласці ў школах працавалі 102 настаўнікі, а хлебныя карткі былі выдадзены толькі 85. Замест 500 грамаў хлеба па картцы адпускалася толькі 180 грамаў мукі. У Стаўбцоўскім раёне хлебныя карткі настаўнікам наогул не выдалі. Не атрымлівалі хлеб і настаўнікі Чашніцкага раёна Віцебскай вобласці. У Пінскай вобласці хлебам забяспечваліся толькі настаўнікі, што прыбылі з партызанскіх атрадаў і эвакуацыі [1, арк. 279]. Многім маладым настаўнікам прыходзілася жыць на ўтрыманні гаспадароў, у якіх яны кватаравалі, за што павінны былі адпрацоўваць, дапамагаючы па гаспадарцы [7, арк. 46].

Складанасці існавалі ў сельскіх настаўнікаў і з атрыманнем выдзеленага хлебнага пайка. Часам, каб забраць хлеб, прыходзілася дабірацца да крамы, якая знаходзілася на адлегласці 3–5 кіламетраў, пешшу.

Акрамя прадуктаў харчавання, вялікай праблемай для настаўнікаў была адсутнасць прыдатных для працы ў школе вопраткі і абутку. Многім было сорамна ў сваім адзенні паказацца ў школе. Як правіла, маладыя настаўніцы хадзілі на працу ў зацыраваных старых сукенках, без панчох, у рваных чаравіках. Асабліва вялікую патрэбу ў адзенні і абутку мелі настаўнікі з ліку былых партызан. Яны не мелі цывільнага адзення і не мелі магчымасці яго набыць. "Раённыя арганізацыі дапамогі ў гэтай справе не аказваюць", – скардзіўся ў Наркамат асветы рэспублікі загадчык Пінскага аблана [5, арк. 149].

Згодна з даведкай, падрыхтаванай інструктарам аддзела школ ЦК КП(б)Б А. Трутневым, настаўнік Машковіцкай школы Бярозаўскага раёна Мазур праводзіў урокі ў залатаным пінжаку і парваных чаравіках. Настаўніца Далгоніцкай школы Сіроцінскага раёна Віцебскай вобласці Аксёнава хадзіла ў школу басанож [7, арк. 45–46].

У Гродзенскай і Віцебскай абласцях па прычыне адсутнасці абутку інспектары райана і аблана не маглі паехаць у камандзіроўку, а настаўнікі – пайсці ў школу на працу [1, арк. 279].

Адзенне настаўніка ставіла яго ў няёмкае становішча перад навучэнцамі і іх бацькамі.

Трэба адзначыць, што кіраўніцтва рэспублікі імкнулася мінімізаваць праблему забеспячэння настаўнікаў прыдатнымі для працы вопраткай і абуткам. Кіруючыся распараджэннем СНК

СССР “Аб аднаразовым водпуску мэтавым прызначэннем адзення, абутку і іншых прамысловых тавараў для настаўнікаў”, Саўнаркам БССР у лютым 1944 г. звярнуўся з хадайніцтвам да саюзнага ўрада аб выдзяленні для настаўнікаў спецыяльных фондаў мануфактуры і абутку. Аднак гэта хадайніцтва не было задаволена [8, арк. 315]. У маі таго ж года Наркам асветы Е. І. Уралава звярнулася цяпер ужо да ЦК КП(б)Б з просьбай: “Улічваючы вострую патрэбу ў адзенні і абутку, прашу ўзбудзіць хадайніцтва перад ЦК ВКП(б) аб водпуску для 7000 настаўнікаў мэтавым прызначэннем мануфактуры і абутку” [8, арк. 315].

Адным з вызначальных фактараў матэрыяльнага дабрабыту настаўнікаў у пасляакупацыйныя і першыя пасляваенныя гады была заработная плата, якая фарміравала асноўную крыніцу даходаў гэтай катэгорыі насельніцтва. У цэлым, у залежнасці ад узроўню адукацыі, стажу і педагагічнай нагрузкі яна складала 350–600 руб. у месяц, прычым настаўнікі школ сельскай мясцовасці атрымлівалі на 25–75 руб. менш, чым настаўнікі гарадоў і рабочых пасёлкаў.

Паколькі дзяржаўныя цэны на прадукты харчавання і прамысловыя тавары былі дастаткова высокімі, педагогі на свой заробак не маглі належным чынам забяспечыць сябе і сваю сям’ю нават самым неабходным.

Фактычна ў пасляакупацыйныя гады прафесія настаўніка ў большай ступені асацыіравалася з самааддачай, а не з дастойным заробкам.

З мэтай паляпшэння ўмоў паўсядзённага жыцця і працы настаўнікаў СНК БССР і ЦК КП(б)Б 5 снежня 1944 г. прынялі пастанову “Аб матэрыяльным забеспячэнні настаўнікаў”. Дакумент прадугледжваў выдзяленне настаўнікам прадуктовых пайкоў, забеспячэнне прамысловымі таварамі, жыллём, зямельнымі ўчасткамі для прысядзібнай гаспадаркі, ацяпленнем і асвятленнем. Паводле ўстаноўленых нормаў настаўнік, акрамя хлеба, меў магчымасць атрымаць 600 грамаў цукру ў квартал, чай, соль па 400 грамаў у месяц, гаспадарчае мыла па 400 грамаў у квартал і запалкі. Вопраткай і абуткам настаўнікі павінны былі забяспечвацца мэтавым прызначэннем [6, арк. 1].

Аднак, як вынікае з архіўных крыніц, пасля прыняцця пастановы істотных станоўчых змен у матэрыяльна-бытавым забеспячэнні педагагічных работнікаў рэспублікі не адбылося. Паўсюдна настаўнікі сутыкаліся з парушэннямі ў парадку выдачы заработнай платы, забеспячэннем прадуктамі харчавання і прамысловымі таварамі. Адной з прычын такога становішча з’яўлялася адсутнасць належнага клопату аб дабрабыце настаўнікаў з боку мясцовых партыйных і савецкіх органаў [7, арк. 45–46]. Так, Пінскі абкам КП(б)Б і аблвыканкам нават не абмеркавалі пастанову СНК БССР і ЦК КП(б)Б [7, арк. 65].

Як і раней, выключна вострым заставалася пытанне забеспячэння настаўнікаў жыллём. Так, у даведцы “Аб падрыхтоўцы школ г. Мінска да пачатку 1945/46 навучальнага года” адзначалася: “Пытанне з забеспячэннем настаўнікаў жылой плошчай не вырашана” [5, арк. 63]. У Брэсце жылля не мелі 11 настаўнікаў, у Пружанах – 8 [9, арк. 247]. Не мелі кватэр настаўнікі школ Гомеля, Рэчыцы [9, арк. 218]. У іншых гарадах забеспячэнне настаўнікаў жылой плошчай было не лепшым.

Калі ў гарадах праблема забеспячэння педагогаў жыллём у некаторай ступені паступова вырашалася, то ў сельскай мясцовасці яна заставалася катастрафічна вострай. Па прычыне адсутнасці неабходнага жыллёвага фонду мясцовыя ўлады не маглі забяспечыць настаўнікаў жылплошчай. У выніку большая частка сельскіх настаўнікаў рэспублікі ў 1945/46 навучальным годзе не была забяспечана кватэрамі [10, арк. 86]. “Пастанова партыі і ўрада аб выдзяленні настаўнікам сельскай мясцовасці бясплатнай кватэры і ацяплення поўнасцю не выконваецца”, – адзначалася ў справаздачы аддзела школ Маладзечанскага абкама КП(б)Б. З 1975 настаўнікаў вобласці толькі 692 жылі ва ўласных дамах, 587 мелі кватэры ў школьных будынках, 107 пражывалі ў камунальных кватэрах і 589 жылі ў прыватных кватэрах [11, арк. 57].

Настаўнікі Гершанскай сямігадовай школы Брэсцкага раёна штодня хадзілі начаваць за 7 км у Брэст [9, арк. 247].

Распаўсюджанай з’явай была несвоечасовая выплата грашовай кампенсацыі настаўнікам, якія жылі на кватэрах у мясцовых жыхароў [10, арк. 66]. У шэрагу школ Уздзенскага, Бярэзінскага, Плешчаніцкага раёнаў Мінскай вобласці запазычанасць па квартплаце дасягала 6–7 месяцаў

[10, арк. 86]. Дадзеная сітуацыя тлумачылася адсутнасцю і абмежаванасцю бюджэтных асігнаванняў.

Адным са шляхоў паляпшэння жыллёвых умоў настаўнікаў сельскіх школ павінна было стаць індывідуальнае жыллёвае будаўніцтва. Аднак яго стрымлівалі абмежаванасць дзяржаўных пазык і дэфіцыт будаўнічых матэрыялаў [11, арк. 57].

Трэба адзначыць, што ў грамадскай свядомасці, асабліва ў сельскай мясцовасці, прафесія настаўніка ацэньвалася даволі высока. Аб гэтым сведчыць імкненне насельніцтва ўсіх рэгіёнаў рэспублікі палепшыць жыллёвыя ўмовы настаўнікаў. Пацвярджэннем з'яўляецца той факт, што летам 1945 г. у працэсе падрыхтоўкі да 1945/46 навучальнага года сіламі насельніцтва ў Пінскай вобласці было адрамантавана 117 кватэр для настаўнікаў [11, арк. 34].

Нездавальняюча выконвалася і патрабаванне партыйна-ўрадавай пастановы аб забеспячэнні настаўнікаў прадуктамі харчавання і прамысловымі таварамі. На 1 верасня 1945 г. у школах рэспублікі працавала 41700 настаўнікаў. З іх у гарадах – 7000, у сельскіх школах – 34700 чалавек. На гарантаванае забеспячэнне па нормах рабочых прамысловасці, транспарту і сувязі былі прыняты толькі настаўнікі абласных цэнтраў – 3900 чалавек. Астатнія мелі права на забеспячэнне па нормах у адпаведнасці з пастановай СНК БССР і ЦК КП (б)Б "Аб матэрыяльным забеспячэнні настаўнікаў" [6, арк. 1].

Трэба адзначыць, што ўлады многіх раёнаў не надавалі належнай увагі кантролю за працэсам матэрыяльнага забеспячэння настаўнікаў [11, арк. 89]. У выніку частымі былі разбазарванне і крадзёж прызначаных для настаўнікаў тавараў. Больш таго, мелі месца шматлікія факты пераразмеркавання прадуктаў харчавання і прамысловых тавараў іншым асобам сакратарамі райкамаў і старшынямі райвыканкамаў [9, арк. 265–266].

Пры адсутнасці кантролю з боку ўлад абласныя і раённыя спажыўсаюзы, спасылаючыся на пастанову ўрада аб праве мясцовых органаў змяняць нормы забеспячэння, адвольна іх зніжалі. І нават гэта выдавалася нерэгулярна [7, арк. 45]. Аб дрэнным забеспячэнні прадуктамі харчавання і прамысловымі таварамі сведчаць шматлікія лісты настаўнікаў са скаргамі, якія паступалі ў аддзел школ ЦК ВКП(б)Б, Наркамасветы з усіх абласцей рэспублікі [6, арк. 1]. Праверкай, праведзенай Мінскім аблана, было ўстаноўлена, што факты нездавальняючага забеспячэння настаўнікаў мелі месца ва ўсіх раёнах. У прыватнасці, несвоечасова атрымлівалі хлебны паёк настаўнікі Барысаўскага раёна, а настаўнікі Вяляцкага, Зачысцкага, Бытчанскага сельсаветаў гэтага раёна наогул не забяспечваліся хлебам, прадуктамі харчавання і прамысловымі таварамі. Настаўнікі горада Барысава, згодна з планам размеркавання, павінны былі атрымаць прамтавараў на 16000 руб., аднак іх яны так і не атрымалі. Не атрымалі прамысловых тавараў і настаўнікі горада Мінска. У Заслаўскім раёне хлебны паёк настаўнікам быў выдадзены толькі пасля ўмяшання раённага пракурора [5, арк. 56].

Фонды мануфактуры, якая выдзялялася для настаўнікаў дзяржавай мэтавым прызначэннем, былі нязначнымі. Яны ні ў якім разе не вырашалі існуючую праблему забеспячэння настаўнікаў прыдатным для педагагічнай працы адзеннем і абуткам [6, арк. 1]. Набыць жа іх па камерцыйных коштах, якія былі ў шмат разоў вышэйшыя за пайковыя, педагогі не мелі магчымасці па прычыне невысокіх заробкаў. Звычайна ў гардэробе школьных настаўнікаў быў адзін камплект адзення, пераважна цёмнага колеру, сціплы і дастаткова стандартны.

Адсутнасць жылля, складаныя ўмовы працы, дрэннае забеспячэнне прадуктамі харчавання і прамысловымі таварамі, нізкія заробкі з'яўляліся прычынамі высокай цякучасці педагагічных кадраў.

Каб палепшыць матэрыяльна-бытавое становішча настаўніцкіх кадраў, зрабіць іх працу больш прывабнай, а грамадскі статус больш годным, Савет Міністраў БССР і ЦК КП(б)Б 6 лютага 1946 г. прынялі пастанову "Аб мерах па бытавым уладкаванні настаўнікаў і паляпшэнні іх забеспячэння харчовымі і прамысловымі таварамі" [10, арк. 66]. Пастанова прадугледжвала сацыяльную падтрымку школьных настаўнікаў па наступных напрамках: паляпшэнне жыллёвых умоў, забеспячэнне харчовымі і прамысловымі таварамі, выдзяленне ўчасткаў пад агароды ў сельскай мясцовасці і інш.

Урадава-партыйная дырэктыва была абмеркавана абкамамі КП(б)Б і выканкамамі абласных Саветаў рэспублікі. У прынятых пастановах, як правіла, адзначаліся нераспарадчасць мясцовых

органаў, іх нядбайнасць і няўвага да праблем настаўнікаў, прадпісвалася неадкладна прыступіць да выканання задач па паляпшэнні ўмоў паўсядзённага жыцця і працы педагагічных кадраў.

Аднак мясцовыя ўлады, як і раней, не надавалі належнай увагі матэрыяльна-бытавому становішчу настаўнікаў. Так, у Полацкай вобласці да пачатку 1946/47 навучальнага года пастанову Савета Міністраў БССР і ЦК КП(б)Б ад 6 лютага 1946 г. “Аб мерах па бытавым уладкаванні настаўнікаў і паляпшэнні іх забеспячэння харчовымі і прамысловымі таварамі” з 15 райкамаў і гаркамаў КП(б)Б абмеркавалі на сваіх пасяджэннях толькі два: Ветрынскі і Плісскі [10, арк. 68].

На практыцы многія загады, дырэктывы і законы, якія датычыліся матэрыяльна-бытавога становішча настаўнікаў, мясцовымі ўладамі, фінансавымі аддзеламі шэрагу выканкамаў і гандлюючымі арганізацыямі на месцах не выконваліся. Менавіта таму ўмовы паўсядзённага жыцця і працы настаўнікаў рэспублікі кардынальна не палепшыліся.

Аб гэтым сведчыць прыклад Полацкай вобласці. Нават на пачатак 1946/47 навучальнага года ў вобласці 30 настаўнікаў працягвалі жыць у зямлянках. Як і раней, па прычыне адсутнасці грошай на рахунках раённых фінансавых аддзелаў выплата кватэрных рабілася несвоечасова [10, арк. 66].

У шэрагу раёнаў вобласці (Браслаўскі, Відзаўскі, Дрысненскі, Асвейскі, Расонскі) парушаўся ўстаноўлены парадак забеспячэння настаўнікаў прамысловымі таварамі. У Расонскім і Асвейскім раёнах замест хлеба настаўнікі атрымлівалі зерне. У Браслаўскім раёне настаўнікі не атрымлівалі ніякіх харчоў, акрамя хлеба, забеспячэнне якім адбывалася з перабоямі [10, арк. 67].

У раёнах вобласці мела месца несвоечасовая выплата заработнай платы (Ветрынскі, Докшыцкі, Дрысенскі, Глыбоцкі, Плісскі). Запазычанасць настаўнікам па аплаце за студзень, люты, сакавік 1946 г. склала 354,3 тыс. руб. Па прычыне адсутнасці грашовых знакаў у дзяржбанку не былі выдадзены своечасова зарплата за чэрвень і адпускныя ў памеры 1574,3 тыс. руб. [10, арк. 68].

Істотна не палепшыліся матэрыяльна-бытавыя ўмовы настаўнікаў і ў Мінскай вобласці. На пачатак 1946/47 навучальнага года настаўнікі ў большасці школ не былі забяспечаны бясплатнымі кватэрамі. У многіх раёнах меліся затрымкі з выплатай квартплаты. У школах Уздзенскага раёна запазычанасць па квартплаце дасягала 6–7 месяцаў. Як і раней, мелі месца перабоі з забеспячэннем настаўнікаў прадуктамі харчавання. У школах Уздзенскага і Бярэзінскага раёнаў настаўнікі па 2–3 мясяцы не артымлівалі хлебнага пайка. Квартальны паёк на іншыя прадукты і прамысловыя тавары таксама выдаваўся несвоечасова [10, арк. 86].

Заключэнне. Такім чынам, з’яўляючыся часткай інтэлігенцыі, якой вышэйшае партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва адводзіла асаблівую ролю ў грамадстве, настаўнікі Беларусі ў пасляакупацыйныя і першыя пасляваенныя гады знаходзіліся ў вельмі складаных умовах у паўсядзённым жыцці і працы. Нягледзячы на тое, што савецкая ўлада шматлікімі пастановамі дэкларавала клопат пра матэрыяльнае становішча педагогаў, у тым ліку па жыллі і заробках, іх паўсядзённы быт, як вынікае з архіўных крыніц, быў выключна складаным: адсутнасць спрыяльных жыллёвых і элементарных бытавых умоў, нізкая і несвоечасовая выплата заработнай платы, нездавальняючае забеспячэнне харчовымі і прамысловымі таварамі. Гэта ў значнай ступені тлумачыцца тым, што ва ўмовах разрухі, голаду, недахопу фінансавання і матэрыяльных рэсурсаў мясцовыя органы кіравання выконвалі патрабаванні прынятых пастаноў па паляпшэнні матэрыяльных умоў настаўнікаў не ў поўным аб’ёме ці са значнай адтэрміноўкай.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 21.

2. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. док., 1917–1973 г.г. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М.: Педагогика, 1974. – 559 с.

3. Экономика Советской Белоруссии, 1917–1967 / Акад. наук БССР, Ин-т экономики; отв. ред. Ф. С. Мартинкевич. – Мн.: Наука и техника, 1967. – 571 с.

4. Освобожденная Беларусь: док. и материалы: в 2 кн. / Ком. по арх. и делопроизводству при Совете Министров Респ. Беларусь [и др.]; сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Мн.: НАРБ, 2004. – Кн. 1: Сентябрь 1943 – декабрь 1944. – 398 с.

5. НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 17. Спр. 30.

6. НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 17. Спр. 43.

7. НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 17. Спр. 28.

8. НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 17. Спр. 29.
9. НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 17. Спр. 27.
10. НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 17. Спр. 38.
11. НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 17. Спр. 41.

References

1. National Archives of the Republic of Belarus, coll. 4p, aids 17, fol. 21 (in Belarusian).
2. Abakumov A. A., Kuzin N. P., Puzyrev F. I., Litvinov L. F. (comp.). Public education in the USSR. Comprehensive school: collection of documents, 1917–1973. Moscow, Pedagogika Publ., 1974. 559 p. (in Russian).
3. Martinkevich F. S. (ed.). Economy of Soviet Belarus, 1917–1967. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1967. 571 p. (in Russian).
4. Adamushko V. I., Bondarenko N. A., Knat'ko G. D., Selemenev V. D. (comp.). Liberated Belarus: documents and materials. Book 1. September 1943 – December 1944. Minsk, National Archives of the Republic of Belarus, 2004. 398 p. (in Russian).
5. National Archives of the Republic of Belarus, coll. 4p, aids 17, fol. 30 (in Belarusian).
6. National Archives of the Republic of Belarus, coll. 4p, aids 17, fol. 43 (in Belarusian).
7. National Archives of the Republic of Belarus, coll. 4p, aids 17, fol. 28 (in Belarusian).
8. National Archives of the Republic of Belarus, coll. 4p, aids 17, fol. 29 (in Belarusian).
9. National Archives of the Republic of Belarus, coll. 4p, aids 17, fol. 27 (in Belarusian).
10. National Archives of the Republic of Belarus, coll. 4p, aids 17, fol. 38 (in Belarusian).
11. National Archives of the Republic of Belarus, coll. 4p, aids 17, fol. 41 (in Belarusian).

Информация об авторе

Андарало Игорь Александрович – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и психолого-педагогических дисциплин. Белорусский государственный университет культуры и искусств (ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь). E-mail: aia1106@mail.ru

Information about the author

Ihor A. Andaralo – Ph. D. (Pedagog.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of cultural studies and psychological-pedagogical sciences. Belarysian State University of Cultyre and Arts (17 Rabkorovskaya Str., Minsk 220007, Belarus). E-mail: aia1106@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.161.3’373.21(476.5+476.7)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-302-311

Паступіў у рэдакцыю 13.05.2026
Received 13.05.2026

В. Ю. Радзюль

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь

МІКРАТАПАНІМІЯ БЕЛАРУСКАГА ПААЗЕР’Я І ЗАХОДНЯГА ПАЛЕССЯ: ЛЕКСІКА-СЕМАНТЫЧНЫ АСПЕКТ

Аннотация. Проводится сопоставительный анализ микротопонимии Белорусского Поозерья и Западного Полесья, определяются как общие черты, так и региональные специфические особенности принципов номинации данных регионов. Рассматриваются лексико-семантические группы микротопонимов Белорусского Поозерья и Западного Полесья: микротопонимы, отражающие физические и географические особенности местности, флору и фауну; микротопонимы, отражающие хозяйственную деятельность человека, его образ жизни, религиозные представления и социальные отношения; микротопонимы, мотивированные именами собственными. На основе количественно-процентного соотношения определяются продуктивные и малопродуктивные типы и подтипы микротопонимов каждого из регионов.

Ключевые слова: микротопоним, Белорусское Поозерье, Западное Полесье, лексико-семантическая группа

Для цитирования: Радзюль, В. Ю. Мікратапанімія Беларускага Паазер’я і Заходняга Палесся: лексіка-семантычны аспект / В. Ю. Радзюль // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 4. – С. 302–311. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-302-311

Volha Yu. Radziul

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus

MICROTOPONYMY OF THE BELARUSIAN POOZERIE AND WESTERN POLESSIE: LEXICAL-SEMANTIC ASPECT

Abstract. This article provides a comparative analysis of the microtoponymy of the Belarusian Poozerie and Western Polesie, identifying both common features and regionally specific characteristics of the nomination principles for these regions. Lexical and semantic groups of microtoponyms in the Belarusian Poozerie and Western Polesie are examined: microtoponyms reflecting the physical and geographical features of the terrain, flora and fauna; microtoponyms reflecting human economic activity, lifestyle, religious beliefs and social relations; microtoponyms based on proper names. Based on the quantitative percentage ratio, productive and unproductive types and subtypes of microtoponyms of each region are determined.

Keywords: microtoponym, Belarusian Poozerie, Western Polesie, lexical-semantic group

For citation: Radziul V. Yu. Microtoponymy of the Belarusian Poozerie and Western Polessie: lexical-semantic aspect. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 4, pp. 302–311 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-302-311

Уводзіны. Мікратапонімы з’яўляюцца неад’емнай часткай гісторыка-культурнай спадчыны краіны: яны захоўваюць каштоўную інфармацыю пра рэльеф пэўнай тэрыторыі, асаблівасці раслiннага і жывёльнага свету, характар засялення, заняткі насельніцтва, асаблівасці эканамічнага развіцця пэўнага рэгіёна. Як заўважае Я. М. Адамовіч, «мікратапонімы – гэта россыпы народнай мудрасці, творчасць народнага генія, вынік тонкіх назіранняў чалавека над навакольнаю прыродаю» [1, с. 8].

© Радзюль В. Ю., 2026

Тым не менш наяўнасць у беларускім мовазнаўстве толькі пяці буйных прац, прысвечаных разгляду розных аспектаў мікратапаніміі Беларусі (дысертацыйныя даследаванні Я. М. Адамовіча, А. М. Прышчэпчык, В. М. Емельяновіч, Г. А. Івановай, В. А. Шклярыка), сведчыць пра недастатковую на сённяшні дзень распрацаванасць гэтага напрамку ў айчыннай анамастыцы. Таму найважнейшымі задачамі анамастыкі на сучасным этапе з'яўляюцца збор, сістэматызацыя і навуковае апісанне мікратапонімаў. Неабходнасць вывучэння ўласных найменняў дробных геаграфічных аб'ектаў у першую чаргу абумоўлена экстралінгвістычнымі фактарамі: адсутнасцю пісьмовай фіксацыі мікратапанімічных адзінак, масавым знікненнем населеных пунктаў, зменай пакаленняў, носьбітаў анамастычнай інфармацыі.

Мэта даследавання – параўнальна-супастаўляльны аналіз мікратапанімічнай прасторы Беларускага Паазер'я і Заходняга Палесся ў лексіка-семантычным аспекце.

Задачы даследавання – сістэматызаваць фактычны матэрыял, сабраны падчас дыялекталагічных практык, а таксама шляхам выбаркі з даступных друкаваных і рукапісных крыніц (слоўнікаў, манаграфій, артыкулаў, падборак мікратапонімаў і інш.); размеркаваць мікратапонімы Беларускага Паазер'я і Заходняга Палесся па лексіка-семантычных групах; на аснове колькасна-працэнтных суадносін вызначыць прадуктыўныя і малапрадуктыўныя тыпы мікратапонімаў кожнага з гісторыка-этнаграфічных рэгіёнаў; выявіць агульныя рысы і адрозненні ў сістэме паазерскай і заходнепалескай мікратапаніміі.

Матэрыялам даследавання паслужылі назвы дробных геаграфічных аб'ектаў: Беларускае Паазер'е – 2489 адзінак, Заходняе Палессе – 2500 адзінак.

Асноўнымі метадамі, выкарыстанымі ў дадзенай працы, з'яўляюцца апісальны, параўнальна-супастаўляльны, а таксама элементы статыстычнага аналізу.

Асноўная частка. Выбар дадзеных гісторыка-этнаграфічных рэгіёнаў абумоўлены тым, што і Беларускае Паазер'е, і Заходняе Палессе маюць ярка выяўленыя прыродныя, гістарычныя, лінгвістычныя і этнакультурныя асаблівасці. Унікальнасць Беларускага Паазер'я заключаецца ў тым, што «дадзены рэгіён мяжуе з трыма дзяржавамі – Літвой, Латвіяй і Расіяй, а пагранічча заўсёды ўяўляе сабой складаны сацыякультурны феномен, для якога характэрна ўзаемадзеянне і ўзаемаўплыў розных груп людзей, іх культур, светапоглядаў і моў» [2, с. 98]. Заходняе Палессе, якое з'яўляецца часткай арэала былой прарадзімы славян, найстаражытнай этнакантактнай зонай, захавала многія рэлікты агульнаславянскай і ўсходнеславянскай культуры, вывучэнне якіх уяўляе вялікую навуковую цікавасць [3, с. 3].

У анамастычнай літаратуры існуе вялікая колькасць лексіка-семантычных класіфікацый тапонімаў і мікратапонімаў (класіфікацыі Г. М. Мезенка, В. П. Лемцюговай, В. М. Емельяновіч, В. А. Шклярыка, Б. А. Крука, Ю. Г. Сагановіч, Н. Р. Якубук, В. А. Жучкевіча і інш.). Пры правядзенні лексіка-семантычнай класіфікацыі мікратапонімаў Беларускага Паазер'я і Заходняга Палесся за аснову прынята класіфікацыя Н. Р. Якубук [4, с. 184–187]. Аднак спецыфіка даследуемага мікратапанімікону дыктуе неабходнасць на базе гэтай класіфікацыі выпрацаваць больш канкрэтную класіфікацыйную схему, якая б улічвала ўсе адметнасці наяўнага мікратапанімічнага матэрыялу. Мікратапонімы Беларускага Паазер'я і Заходняга Палесся выразна падзяляюцца на тры лексіка-семантычныя групы: 1) мікратапонімы, якія адлюстроўваюць фізіка-геаграфічныя асаблівасці мясцовасці, флору і фаўну; 2) мікратапонімы, якія адлюстроўваюць гаспадарчую дзейнасць чалавека, яго побыт, вераванні, грамадскія адносіны; 3) мікратапонімы, суадносныя з уласнымі імёнамі.

1. Мікратапонімы, якія адлюстроўваюць фізіка-геаграфічныя асаблівасці мясцовасці, флору і фаўну. Апелятывы, што адлюстроўваюць прыродныя асаблівасці мясцовасці, паслужылі крыніцай для ўтварэння вялікай колькасці мікратапонімаў, якія складаюць прыблізна аднолькавую колькасць на тэрыторыях абодвух гісторыка-этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі: Беларускае Паазер'е – 42 % (1047 адзінак), Заходняе Палессе – 40 % (997 адзінак) – ад агульнай колькасці даследаваных мікратапонімаў. У залежнасці ад прыкмет, пакладзеных у аснову намінацыі, дадзены тып назваў дробных геаграфічных аб'ектаў дыферэнцыруецца на шэсць тэматычных падтыпаў:

1) *мікратапонімы, якія адлюстроўваюць асаблівасці рэльефу.*

На тэрыторыі Беларускага Паазер'я намі зафіксавана 290 адзінак (27,7 % ад агульнай колькасці мікратапонімаў, што адлюстроўваюць фізіка-геаграфічныя асаблівасці мясцовасці, флору і фаўну), якія суадносяцца з узвышанымі і нізіннымі формамі рэльефу: *Амша́ра* б. (Кальнік Докш.), *Бало́тнікі* л. (Прудзінкі В.-Дзв.), *Бало́тца* с. (Загацце Докш.), *Бало́ты* ўр. (Задоры Леп.), *Бало́цежа* л. (Абруб Беразвецкі Глыб.), *Бе́лае Бало́та* б. (Вілейка Докш.), *Высо́кія* л. (Казлы Мёр.), *Гара́* ўр. (Баранаўшчына Брасл.), *Гарава́тка* л. (Мярэцкія Глыб.), *Гары́шча* ўр. (Альгова Віц.), *Го́ркі* ч. в. (Астроўна Беш.), *Курга́н* узв. (Таўкіні Шарк.), *Паднізо́ўе* ўр. (Якубава Рас.), *Чо́рная Гара́* ўзв. (Лялеўшчына Гарад.), *Я́мішча* ўр. (Мішневічы Шум.) і інш.

У Заходнім Палессі гэты падтып прадстаўлены 194 назвамі (19,4 % у межах разглядаемага тыпу мікратапонімаў): *Боло́тцэ* сж. (Намакрава Лун.), *Во́вча Гора́* л. (Забалоцце Малар.), *Гора́* п. (Заямнае Драг., Еўлаты Ів.), *Го́рі* п. (Сінкевічы Лун.), *Горова́та* ўр. (Парэчча Пін.), *Горочкы́* п. і л. (Навасёлкі Кам.), *Града́* сж. (Бастынь Лун.), *Груд* п. (Горск Бяроз.), *Доліна* сж. (Азарычы Пін.), *Заболо́цье* п. (Сінкевічы Лун.), *Курганы́* п. (Лумна Кам.), *Луплёвскэ Бул́о́то* ўр. (Дубіца Брэсц.), *Ніз* п. (Бастынь Лун.), *Оболо́нне* сж. (Шумакі Брэсц.), *Острово́ы* п. (Бастынь Лун.), *Плёса* п. (Чыжэўшчына Жаб.), *Подгі́р'е* п. і б. (Хадасы Жаб.), *Я́міца* ўр. (Ланская Малар.) і інш.;

2) *мікратапонімы, матываваныя гідралагічнымі тэрмінамі.*

Дадзены падтып у мікратапаніміконе Беларускага Паазер'я прадстаўлены 196 мікратапонімамі, што складае 18,7 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу намінацыі: *Азе́рцы* б. (Лісна В.-Дзв.), *Азёрка* воз. (Саламір'е Пол.), *Ахрэ́маўская Лука́* ч. воз. (Ахрэмаўцы Брасл.), *Бе́лы Руч э́й* руч. (Каменка Брасл.), *Бы́цінская То́ня* ч. воз. (Лісна В.-Дзв.), *Вале́р'еў Аму́т* ч. р. (Сар'я В.-Дзв.), *За Азяро́м* ур. (Арлея Пол.), *Заво́зер'е* сж. (Саламір'е Пол.), *Зарэ́чный* л. (Рыгораўшчына Шарк.), *Крыні́ца* п. (Мярэцкія Глыб.), *Паазе́р'е* ч. в. (Бярозаўка Докш.), *Падрэ́чачка* ўр. (Гарэлае Докш.), *Прудо́к* б. (Ахрэмаўцы Брасл.), *Ставо́к* саж. (Павяцце Мёр.), *Ручэ́й* ур. (Зайцава В.-Дзв.), *Чо́рны Вір* ур. (Барсеева Лёзн.), *Яки́маўскі Брод* р. (Мішневічы Шум.) і інш.

У мікратапаніміі Заходняга Палесся гідралагічнымі тэрмінамі матывавана 121 назва (12,1 % ад агульнай колькасці мікратапонімаў дадзенага тыпу): *Броды́* сж. (Трасцянка Пін.), *Бу́йстрая Стру́га* сж. (Сітніца Лун.), *Вір* ур. (Хаціслаў Малар.), *Во́лянське Го́зыро* п. (Вулька Сіманавіцкая Драг.), *Водзяно́е* б. (Чыжэўшчына Жаб.), *Глыбо́кый Брід* луг (Востраў Пін.), *Зарі́ччэ* сж. (Хойна Пін.), *Крыні́ца* п. і сж. (Еўлашы Ів.), *Озэры́ско* б. (Вялікі Лес Драг.), *Под Рі́чкою* п. (Боркі Бяроз.), *Пруд* ур. (Колкі Стол.), *Пыдкрыні́ца* п. (Турная Івац.), *Радзівілова Са́жалка* саж. (Брашэвічы Драг.), *Рэ́чкі* б. (Гошчава Івац.), *Рэ́чышчо* ўр. (Іванкавічы Бяроз.) і інш.;

3) *мікратапонімы, якія адлюстроўваюць асаблівасці глебы.*

Значна меншую колькасць складаюць мікратапонімы Беларускага Паазер'я, суадносныя з відам, якасцю глебы (66 адзінак, 6,3 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу): *Глей* ур. (Лазічы Глыб.), *Гліна́ўка* л. (Павяцце Мёр.), *Гліні́шча* п. (Баяры Пол.), *Жвіро́к* п. (Галубаўшчына Брасл.), *Каме́ннае* ўр. (Перавоз Глыб.), *Каме́нне* п. (Саламір'е Пол.), *Лы́саўка* ўр. (Ласвіцкія Шум.), *Пагно́й* п. (Даравое Глыб.), *Пескава́тка* п. (Манякова Мёр.), *Пішча́ная Ме́ста* ўр. (Уладычына В.-Дзв.), *Пусты́р* ур. (Прудзінкі В.-Дзв.), *Пусты́льнік* ур. (Войтава В.-Дзв.), *Пяскі́* п. (Карасіна Брасл.) і інш.

У мікратапаніміконе Заходняга Палесся дадзены падтып назваў адзначаны таксама ў невялікай колькасці (54 адзінкі, 5,4 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу): *Гліні́шчэ* п. (Бастынь Лун.), *Глінó́вое* ўр. (Багданаўка Пін.), *Глы́ныска* п. (Дубіца Брэсц.), *Гнілу́ха* ўр. (Рэчыца Стол.), *Гно́і* п. (Радастава Драг.), *Ка́менка* п. (Трасцянка Пін.), *Лы́ска* п. і сж. (Асаўляны Драг.), *Пустого́лец* л. (Сітніца Лун.), *Пыскы́* ўр. (Юхнавічы Ів.), *Пышча́нка* п. (Сухоўчыцы Кобр.) і інш.;

4) *мікратапонімы, матываваныя фларыстычнымі назвамі.*

Вялікую па колькасці падгрупу мікратапонімаў Беларускага Паазер'я складаюць намінацыі, матываваныя фларыстычнымі назвамі (272 назвы, 26 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу). Спектр найменняў дадзенага падтыпу разнастайны, у якасці матывавальных асноў выступаюць назвы лясных і садовых масіваў: *Баро́к* л. (Казлы Мёр.), *Барсуко́ўскі Сад* ур. (Матырына Леп.), *Бе́лы Гай* л. (Вярэнькі Паст.), *Бярэ́знік* л. (Паметнікі Пол., Шэмітаўка Сен.), *Дубра́ва* ўр. (Галубова Рас.), *Е́лачнік* л. (Старыя Крукі Мёр.), *Лясі́нкі* ўр. (Цотава Чаш.), *Лясо́чак* ур. (Ноў Лёзн.), *Пу́шча* л. (Вілейка Докш.), *Рассе́яная Ро́шча* л. (Лапушніца Гарад.), *Узле́сак* п. (Дуброва Гарад.) і інш.;

найменні дрэў, кустарнікаў і паўкустарнікаў: *Асі́наўка* п. (Мураж Брасл.), *Ёлачкі* ўр. (Канавалава Гарад.), *Бярозы* ўр. (Барсукі Докш.), *Дубкі́* ўр. (Дуброва Гарад.), *Вя́зішча* ўр. (Лазічы Глыб.), *Калі́нава* ўр. (Мазалава Віц.), *Крушы́нка* л. (Лісна В.-Дзв.), *Лі́павіца* сж. (Беразіно Докш.), *Пад Іграўшыну* п. (Валынцы В.-Дзв.), *Падрабі́ніна* ўр. (Якубова Рас.) і інш.; назвы сельскагаспадарчых культур, травяністых раслін і кветак: *Васілёк* п. (Лагаўцы Рас.), *Капу́сцішча* п. (Сяляўшчына Рас.), *Капу́сьнікі* ўр. (П'яны Лес Докш.), *Лапу́шнік* л. (Серкавіцы Тал.), *Плюшчо́ўнік* ур. (Стайкі В.-Дзв.), *Хвашчава́цік* сж. (Лагаўцы Рас.), *Хвашча́нка* сж. (Пяцюлёва Пол.) і інш.; агульныя назвы кустарнікаў, зараснікаў і відаў раслін: *Агее́нкавы кусты́* ўр. (Мішневічы Шум.), *Лаза́* п. (Савуткі Шарк.), *Карчы́* ўр. (Слабада Докш., Сасноўка Пол., Лаўцы Глыб.), *Карчо́ўя* ўр. (Рожна Леп.), *Кусты́* ўр. (Яроміна Віц.), *Я́гадна* ўр. (Петракова Рас.), *Я́гады* ўр. (Уладычына В.-Дзв.) і інш.

Сярод даследаваных назваў дробных геаграфічных аб'ектаў Заходняга Палесся таксама зафіксавана вялікая колькасць мікратапонімаў, суадносных з назвамі расліннага свету (334 назвы, 33,5 % ад агульнай колькасці намінацый дадзенага тыпу). Дадзеная падгрупа прадстаўлена назвамі лясных і садовых масіваў: *Баро́к* л. (Пескі Бяроз.), *Берэ́знікі* сж. (Азарычы Пін.), *Бір* п. (Дзеткавічы Драг.), *Боровóе* п. (Ушкавіца Кобр.), *Гаёк* п. і л. (Пескі Кобр.), *Дубро́ва* п. (Хотамель Стол.), *Зале́ссе* п. (Валішча Пін.), *Лесо́к* п. (Азарычы Пін.), *Садо́к* п. (Ласіцк Пін.) і інш.; найменнямі дрэў, кустарнікаў і паўкустарнікаў: *Асі́на* п. і л. (Сенькавічы Івац.), *Багно́* сж. (Хойна Пін.), *Бэзо́к* сж. (Сітніца Лун.), *Бэро́зовэ* сж. і п. (Валішча Пін.), *Ве́рбнэ* ўр. (Аздамічы Стол.), *Вы́шня* сж. (Бастынь Лун.), *В'язо́дуб'е* п. (Сітніца Лун.), *Гру́шкы* п. (Лапацін Пін.), *Дубкі́* ўр. (Колкі Стол.), *За Хво́йкай* п. (Гошчава Івац.), *Калі́на* ўр. (Глінка Стол.), *Клёны* п. і ч. в. (Гошава Драг.), *Крушына́* п. (Пярэспа Драг.), *Подмалі́ннік* ч. в. (Сінкевічы Лун.), *Рокі́тнік* сж. (Харава Пруж.), *Со́сна* п. (Горск Бяроз.), *Чыро́мха* ўр. (Броннае Драг.), *Я́сень* л. (Сітніцкі Двор Лун.) і інш.; назвамі сельскагаспадарчых культур, травяністых раслін і кветак: *Бульбо́в'і* ўр. (Дубай Стол.), *Капу́снык* п. (Сычы Брэсц.), *Кропы́ўныца* луг (Жоўкіна Пін.), *Ма́кавішча* ўр. (Доўгае Івац.), *Па́пороць* ур. (Травы Кобр.), *Хвошчэва́цец* п. (Бастынь Лун.), *Хмылны́к* ур. (Сычы Брэсц.) і інш.; агульнымі назвамі кустарнікаў, зараснікаў і відаў раслін: *Корчы́шчэ* ўр. (Парэчча Пін.), *Ку́стоўе* ўр. (Купяцічы Пін.), *Ло́зы* сж. (Сітніца Лун.) і інш.;

5) *мікратапонімы, матываваныя фаўністычнымі назвамі.*

У Беларускім Паазер'і (52 назвы, 5 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў) прадстаўлены найменні, матываваныя назвамі жывёл: *Бабры́* ўр. (Прудзінкі В.-Дзвін.), *Барсукі́* л. (Бягомль Докш.), *Ваўчы́ца* ўр. (Зазыбы Віц.), *Зме́еўка* ўр. (Гогалеўка Чашн.), *Каро́ўе* п. (Шатрова В.-Дзвін.), *Сыба́чына* сж. (Шэмітаўка Сен.) і інш.; птушак: *Усле́* сж. (Вярхоўе Беш.), *Варо́нішча* п. (Казлы Мёр.), *Ву́тачкі* б. (Шэмітаўка Сен.), *Гуся́тнік* ўр. (Купчэлі Брасл.), *Лебядзі́нец* воз. (Казлы Мёр.), *Ла́стаўшчына* ўр. (Ісаі Брасл.) інш.; насякомых: *Жукі́* п. (Высачаны Лёзн.), *Камары́* п. (Бортнікі Глыб.) і інш.; рыб: *Акунёўка* воз. (Лісна В.-Дзвін.), *Ляшчо́ўка* ч. воз. (Крывасельцы Брасл.).

У мікратапаніміі Заходняга Палесся (52 назвы, 5,3 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў) асноўную колькасць назваў складаюць мікратапонімы, матываваныя назвамі жывёл: *Бара́н* ур. (Дубіца Брэсц.), *Барсукі́* п. (Сітніцкі Двор Лун.), *Быкі́* л. (Горск Бяроз.), *Во́ўча* луг (Жоўкіна Пін.), *За́йчык* сж. (Пацы Драг.), *Коза́* п. (Шумакі Брэсц.), *Лосі́нец* л. (Белавуша Стол.), *Мідвэ́жэ* п. (Закляценне Драг.), *Свінья́* ўр. (Колкі Стол.), *Чэрэпа́ха* ўр. (Дубай Стол.). Радзей у якасці ўтваральных асноў выступаюць назвы птушак і насякомых: *Воро́нне* ўр. (Падрэчаны Кам.), *Гусь* л. (Плоскінь Пін.), *Мура́шнікі* л. (Дубіца Брэсц.);

6) *мікратапонімы, матываваныя характарыстыкай аб'екта.*

У мікратапаніміі Беларускага Паазер'я (171 назва, 16,3 % ад агульнай колькасці разглядаемага тыпу намінацый) гэты падтып фарміруюць назвы, суадносныя з лакалізацыяй аб'екта ў прасторы, з яго канфігурацыяй: *Ву́зенькія* п. і сж. (Хвасты Брасл.), *Вэлі́кае* ўр. (Казлы Мёр.), *До́ўгая* б. (Хвасты Брасл.), *Зады́* п. (Лагаўцы Рас.), *Кане́ц* ўр. (Поціна В.-Дзвін.), *Кары́цішча* ўр. (Лазукі Чаш.), *Качарга́* лес (Беразіно Докш.), *Клін* ур. (Якубова Рас.), *Кут* ур. (Мяжно Пол.), *Крук* ур. (Рудая Глыб.), *Рог* луг (Бярозава Уш.), *Угль́* п. (Старыя Валосавічы Леп.), *Штань́* п. (Шчарбацкія Глыб., Галубоўшчына Брасл.), *Шыро́кая* сж. (Шчаперня Пол.) і інш.; з якаснай характарыстыкай аб'екта, яго асаблівасцямі, колерам: *Бе́лае* воз. (Казлы Мёр.), *Гарэ́лік* л. (Вераб'і, Жарнасекі Пол.), *Зялёнка* сж. і л. (Казлы Міёр.), *Не́маразь* кр., якая не замярзае (інфарм.) (Ходцы Сен.), *Пало́мы* л.

(Залессе Пол.), *Ржа́вае* б. (Камень Леп.), *Серабра́нка* кр. (Якубава Рас.), *Сы́рнік* п., якое заўсёды застаецца сырым (інфарм.) (Рачнёва Мёр.), *Чо́рнае* воз. (Казлы Мёр.) і інш.

Паказчыкі дадзенага падтыпу ў заходнепалескім мікратапаніміконе склалі 242 адзінкі і 24,3 % адпаведна. Сюды ўвайшлі мікратапонімы, суадносныя з лакалізацыяй аб'екта ў прасторы, з яго канфігурацыяй: *Бле́жнэ* п. (Стрыгава Кобр.), *Вели́кі Коне́ц* ч. в. (Горталь Івац.), *Верхі́* л. (Манасеева Лун.), *Ві́лы* сж. (Сітніца Лун.), *Грань* п. (Азярніца Лун.), *Гры́вка* сж. (Еўлашы Ів.), *Да́льшэе* п. (Сітніца Лун.), *До́ўгае* ўр. (Дубай Стол.), *Кары́то* сж. (Сіманавічы Драг.), *Край* ур. (Медная Брэсц.), *Кру́глэ* ўр. (Радзеж Малар.), *Крукы́* ч. в. (Стрыгава Кобр.), *Крыво́е* л. (Навасёлкі Кам.), *Малы́і* п. і паша (Сіманавічы Драг.), *Подко́ва* воз. (Сычы Брэсц.), *Шыро́кі* л. (Лінова Пруж.), *Ш́йка* ўр. (Варатынічы Кобр.), *Ўзка* п. (Хмелева Кам.) і інш.; з якаснай характарыстыкай аб'екта, яго асаблівасцямі, колерам: *Буе́нне* б. (Брашэвічы Драг.), *Выго́да* л. (Сітніцкі Двор Лун.), *Гла́ткэ* л. (Субаты Драг.), *Глу́ха* п. (Бастынь Лун.), *Горы́лэ* л. (Дзеткавічы Драг.), *Грузко́е* ўр. (Варатынічы Кобр.), *Замо́крэ* ўр. (Лунін Лун.), *Зелёное* п. і сж. (Елна Лун.), *Кра́сное* ўр. (Вулька Другая Лун.), *Руды́е* п. (Бастынь Лун.), *Стра́шнэ* б. (Лунін Лун.), *Суховы́шча* сж. (Гошава Драг.), *Холо́днэ* л. (Лунін Лун.), *Чо́рна* п. (Дарапеевічы Малар.) і інш. (табл. 1).

Табліца 1. **Мікратапонімы, якія адлюстроўваюць фізіка-геаграфічныя асаблівасці мясцовасці, флору і фаўну**

Table 1. **Microtoponyms reflecting the physical and geographical features of the area, flora and fauna**

Падтыпы	Беларускае Паазер'е	Заходняе Палессе
1. Мікратапонімы, якія адлюстроўваюць асаблівасці рэльефу	**290** (27,7 %)	**194** (19,4 %)
2. Мікратапонімы, матываваныя гідралагічнымі тэрмінамі	**196** (18,7 %)	**121** (12,1 %)
3. Мікратапонімы, якія адлюстроўваюць асаблівасці глебы	**66** (6,3 %)	**54** (5,4 %)
4. Мікратапонімы, матываваныя флярыстычнымі назвамі	**272** (26 %)	**334** (33,5 %)
5. Мікратапонімы, матываваныя фаўністычнымі назвамі	**52** (5 %)	**52** (5,3 %)
6. Мікратапонімы, матываваныя характарыстыкай аб'екта	**171** (16,3 %)	**242** (24,3 %)
Усяго	**1047** (100 %)	**997** (100 %)

2. Мікратапонімы, якія адлюстроўваюць гаспадарчую дзейнасць чалавека, яго побыт, вераванні, грамадскія адносіны. Назвы, якія адпавядаюць гэтаму тыпу, у мікратапанімічнай сістэме Беларускага Паазер'я налічваюць 590 адзінак, што складае 23,7 % ад агульнай колькасці найменняў, у мікратапаніміконе Заходняга Палесся – 471 адзінку і 18,8 % адпаведна. Назвы дробных геаграфічных аб'ектаў дадзенага тыпу характарызуюцца разнапланавым з лексічнага пункту гледжання ўтварэннем і вылучаюцца ў наступныя падтыпы:

1) *мікратапонімы, матываваныя тыпам, часткай паселішча.*

На тэрыторыі Беларускага Паазер'я неаднаразова сустракаюцца назвы, матываваныя назвамі тыпаў паселішча і жылля (72 назвы, 12,2 % ад агульнай колькасці разглядаемага тыпу намінацыі): *Асе́ліца* п. (Бягомль Докш.), *Гарадзе́ц* ўзв. (Лісна В.-Дзвін.), *Гарадзі́шча* ўзв. (Слабада Леп.), *Дво́рышча* п. (Вітунічы Докш.), *Засце́нак* ур. (Гарачэвічы Леп.), *Кі́слы Ху́тар* ч. в. (Чысці Вардамскія Докш.), *Пад Се́лішчам* сж. (Казлы Мёр.), *Пасёлак* ч. в. (Сіманавічы Чаш.), *Слабада́* ўзв. (Белая Ліпа Сен.), *Сядзі́бы* п. (Караліно Докш.), *Сяліба́шча* ўр. (Галубоўшчьша Брасл.) і інш.

У сістэме мікратапаніміі Заходняга Палесся дадзены падтып прадстаўлены 51 адзінкай (10,8 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў): *Асе́ліца* ўр. (Галік Івац.), *Гарады́* ўр. (Гурка Драг.), *Дво́рышча* п. (Жоўніна Пін.), *Засці́нкы* п. і сж. (Стрыгава Кобр.), *Село́* ч. в. (Горталь Івац.), *Сыды́ба* ўр. (Гарадзец Кобр.), *Хуторцы́* ўр. (Колбікі Стол.) і інш.;

2) *мікратапонімы, матываваныя назвамі будынкаў жыллёвага і гаспадарчага прызначэння* (Беларускае Паазер'е – 28 назваў, 4,7 % ад агульнай колькасці разглядаемага тыпу намінацыі): *Драўні́к* л. (Марцюхова Тал.), *До́мікі* л. (Верамееўшчына Дубр.), *Загуме́ння* ўр. (Мяжно Пол.), *Звяры́нец* ур. (Рудая Глыб.), *Зо́раў Ток* ур. (Навасёлкі Паст.), *Зы́гарадзь* ур. (Казлы Мёр., Матырына Леп.), *Камо́ркі* сж. (Сяляўшчына Рас.), *Маркаяна́ва Пу́ня* л. (Канстантова Сен.), *Пагробо́к* л. (Антонава В.-Дзв.), *Фе́рма* п. (Чэміса Пол.) і інш.

Назвамі будынкаў жыллёвага і гаспадарчага прызначэння матываваны 27 мікратапонімаў Заходняга Палесся (5,7 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў): *Гу́мна* п. (Сіт-

ніца Лун.), *Звэры́нэць* ур. (Ляжыткавічы Драг.), *Погрыба́* п. (Лумна Кам.), *Токові́шчэ* п. (Бастынь Лун.), *Хлывы́шчэ* п. (Броннае Драг.), *Хе́рма* л. (Асаўляны Драг.) і інш.;

3) *мікратапонімы, матываваныя назвамі зямельных участкаў.*

У Беларускім Паазер'і колькасць назваў дадзенай групы налічвае 218 адзінак (37 % ад агульнай колькасці разглядаемага тыпу мікратапонімаў). Сюды ўвайшлі назвы дробных геаграфічных аб'ектаў, суадносныя са спосабамі распрацоўкі зямлі: *Асцяро́бы* п. (Богіна Брасл.), *Вы́гары* ўр. (Нарушова В.-Дзв.), *Вы́дзерыца* луг (Забабуры Гарад.), *Ля́ды* ўр. (Ісаі Брасл., Задуброўе Віц.), *Па́секі* ўр. (Барсукі Докш.), *Церабе́ж* п. (Вераб'і Пол.) і інш.; спосабамі набыцця зямельнага ўчастка: *Дзіля́нка* л. (Атрубак Докш.), *Драбня́* ўр. (Пруднікі Докш.), *Куплёнка* ўр. (Ноў Лёзн.), *Надда́ткі* п. (Караліно Докш.), *Прыро́з* п. (Смалоўка Гарад.) і інш.; мэтай выкарыстання зямельнага ўчастка: *Вы́ган* ур. (Павяцце Мёр.), *Вялі́кая По́жня* сж. (Мярэцкія Глыб.), *Гаро́д* л. (Парэчча Докш.), *Муро́жніца* ўр. (Лабуноўшчына Уш.), *Па́сбішча* ўр. (Гарадзец Уш.), *Пастаўні́к* (Богіна Брасл.) і інш.; назвамі ворнай зямлі: *Ма́лае По́льца* п. (Леснікі Глыб.), *Ні́ўкі* ўр. (Залессе Глыб.), *Па́хата* ўр. (Паметнікі Пол.), *Па́шня* п. (Ворань Леп.) і інш.; назвамі зямельных участкаў у залежнасці ад даўнасці распрацоўкі: *За́леж* п. (Мураж Брасл.), *Дзірва́н* п. (Мураж Брасл.), *Наві́нка* п. (Вараб'і Пол.), *Паме́ты* сж. (Сяляўшчына Рас.), *Старына́* лес (Запруддзе Глыб.) і інш.; назвамі мер зямлі: *Імша́рныя Шнуры́* п. (Караліно Докш.), *Маргі́* п. (Караліно Докш.) і інш.

На тэрыторыі Заходняга Палесся адзначана 217 (46,1 %) назваў, суадносных са спосабамі распрацоўкі зямлі: *Выгары́* сж. (Мацы Кобр.), *Вы́дранка* п. (Лунін Лун.), *Гмы́раў Пацяро́б* л. (Сенькавічы Івац.), *Ля́до* ч. в. (Горталь Івац.), *Па́сека* п. (Турная Івац.), *По́тырэб* ур. (Батарэя Бяроз.), *Церце́ж* п. (Бастынь Лун.) і інш.; спосабамі набыцця зямельнага ўчастка: *Дыля́нка* луг (Жоўкіна Пін.), *Ку́пленіца* п. (Азарычы Пін.), *Мэнятэ́ця* ўр. (Замосце Кобр.), *Прыда́ткі* п. (Тамашоўка Брэсц.), *Ры́зка* п. (Каўняцін Пін.) і інш.; мэтай выкарыстання зямельнага ўчастка: *Вы́гон* ур. (Падрэчаны Кам.), *Пастоўны́к* луг (Закляценне Драг.) і інш.; назвамі ворнай зямлі: *Ні́ўка* п. (Турная Івац.), *Політо́к* п. (Сычы Брэсц.), *Поля́нка* ўр. (Колбікі Стол.), *Хомыны́вськы Поля́* п. (Сімманавічы Драг.) і інш.; назвамі зямельных участкаў у залежнасці ад даўнасці распрацоўкі: *Навіна́* ўр. (Вялікі Краснік Пруж.), *Старына́* п. (Лунін Лун.) і інш.; назвамі мер зямлі: *Волóка* п. (Боркі Бяроз.), *Дысяты́на* ўр. (Навасёлкі Кобр.), *Моргі́* ўр. (Сочыўкі Ів.) і інш.;

4) *мікратапонімы, матываваныя былым размяшчэннем прадпрыемства, установы, былым месцам промыслу, прызначэннем аб'екта* (Беларускае Паазер'е – 47 назваў, 8 % ад агульнай колькасці разглядаемага тыпу намінацыі): *Бу́дзішча* сж. (Застадолле Сен.), *Ільнозаво́д* ч. в. (Сініцы Рас.), *Ку́зня* ўр (Дуброва Гарад.), *Масцярскі́я* ўр. (Хутар Дзедзіна Мёр.), *Млын* ур. (Папшычы Глыб.), *Піваварны́шча* (Ворань Леп.), *Піларáма* л. (Гута Паст.), *Рум* ур. (Луг Сен.), *Смалянýха* п. (Мішневічы Шум.), *Цагéльня* п. (Вяркуды Уш.) і інш.

У мікратапаніміі Заходняга Палесся зафіксаваны 34 (7,2 %) намінацыі, матываваныя назвамі вытворчых пабудоў і прадпрыемстваў: *Брова́ршчына* п. (Імянін Драг.), *Бу́дышча* п. (Мацы Кобр.), *Гу́та* п. (Гутава Драг.), *Млíны́ско* п. (Лука Стол.), *Смоля́рня* п. (Гошава Драг.), *Цыге́льня* п. (Дзеткавічы Драг.) і інш.;

5) *мікратапонімы, суадносныя з дзеяннем, якое адбывалася на аб'екце, ці з прадметам на аб'екце.*

Дадзены падтып уключае 48 найменняў на тэрыторыі Беларускага Паазер'я (8,1 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў): *Абла́ва* п., дзе раней учынялі аблаву на ваўкоў (Ваўненкі Гарад.), *Анто́севы Ля́пці* ч. в., дзе мужык згубіў лапці (інфарм.) (Пыршчына Глыб.), *Газо́ўня* ч. в., дзе раней запраўлялі газавыя балоны (Бабічы Глыб.), *Купа́нка* саж. (Таўкіні Шарк.), *Мачу́лішча* ўр., дзе мачылі лён (інфарм.) (Круткі Глыб.), *Па́нская Купа́льня* ўр. (Узрэчча Глыб.), *Пу́шка* ўзв., на якой стаіць помнік воінам-артылерыстам (інфарм.) (Крынкі Лёзн.), *Ра́да* ч. в., дзе збіраліся, каб пагаварыць, парадзіцца (інфарм.) (Баталі Гарад.), *Стрэ́льбішча* л. (Пруднікі Докш.) і інш.

У мікратапаніміі Заходняга Палесся зафіксавана 45 назваў дадзенага падтыпу, што складае 9,6 % ад агульнай колькасці разглядаемага тыпу мікратапонімаў: *Гу́лін* л., калісьці тут гулялі, праводзілі ўсе вясковыя святы (інфарм.) (Сенькавічы Івац.), *Заса́дка* ўр., дзе паляўнічыя рабілі

засады на звяроў (інфарм.) (Гаравіца Драг.), *Копані́* б., дзе капаюць торф (Галоўчыцы Драг.), *Купа́ля* саж. (Брашэвічы Драг.), *Мо́рдык* п., калісьці паны тут мардавалі сялян (інфарм.) (Брашэвічы Драг.), *Сідзено́к* л., дзе адпачывалі пастухі (інфарм.) (Лунін Лун.), *Ховані́* б., у час шведаў людзі хаваліся ў гэтых балотах (інфарм.) (Крушына Брэсц.), *Чоўнові́ца* д., насыпаная праз балота; па абодва бакі яе былі равы, па якіх чаўнамі вывозілі сена з балота (інфарм.) (Харава Пруж.) і інш.;

6) *мікратапонімы, матываваныя назвамі шляхоў зносін і мастоў.*

У мікратапаніміі Беларускага Паазер'я гэты падтып назваў прадстаўлены 78 адзінкамі (13,2 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў): *Асфальто́ўка* ур. (Дуброва Гарад.), *Гасці́нец* д. (Бярозаўка Докш.), *Зага́ць* ур. (Зазыбы Віц.), *Задаро́жжа* ўр. (Навасёлкі Віц.), *Кла́дка* ч. в. (Падбярэззе Віц.), *Масты́* ўр. (Курына Віц.), *Шлях* ч. в. (Пнявічы Дубр.), *Яки́маўскі Брод* ур. (Мішневічы Шум.) і інш.

У Заходнім Палессі зафіксавана 36 мікратапонімаў (7,6 % у межах разглядаемага тыпу мікратапонімаў): *Гаць* ур. (Батарэя Бяроз.), *Госці́нец* л. (Турная Івац.), *Грэ́бля* д. (Сычы Брэсц.), *Доро́га* ўр. (Дубай Стол.), *Замосто́ччэ* п. (Валішча Пін.) і інш.;

7) *мікратапонімы, якія адлюстроўваюць рэлігійныя вераванні, міфалогію.*

На тэрыторыі Беларускага Паазер'я гэтая група ўключае ў сябе 45 найменняў (7,6 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў): *Змяі́ная Магі́ла* ўзв. (Завідзічы Леп.), *Касцёл* д. (Баравыя Чашн.), *Крыж* д., на баку якой стаіць крыж для малітвы (інфарм.) (Падбярэззе Віц.), *Свята́рня* ч. в. (Асада Дзедзіна Мёр.), *Царкаві́шча* ўр. (Марчанкі Гарад.), *Царко́ўнае* ўзв. (Свілы Шарк.), *Чо́ртава Ме́сца* б. (Падбярэззе Віц.) і інш.

У мікратапаніміі Заходняга Палесся зафіксавана ўсяго 10 (2,1 %) такіх назваў: *Манасты́рськэ* л. (Дубіца Брэсц.), *Могы́лнэ* ўр. (Добрае Кобр.), *Свято́е* сж. (Асобавічы Пін.), *Тры Крыжы́* ўр., дзе знаходзяцца тры магілы (інфарм.) (Дзеткавічы Драг.), *Цэрко́ўная* ч. в. (Выганашчы Івац.) і інш.;

8) *мікратапонімы, матываваныя назвай прафесіі, родам заняткаў* (Беларускае Паазер'е – 19 назваў, 3,2 % ад агульнай колькасці разглядаемага тыпу намінацыі): *Бо́ндараўка* сж. (Беразіно Докш.), *Ганчаро́ва* ўр. (Замошша Леп.), *Кавалёўка* л. (Паметнікі Пол.), *Канава́лішча* ўр. (Баннікі Гарад.), *Катляро́ўка* ч. в. (Пашкі Шарк.), *Рыбакі́* п. (Рачнёва Мёр.), *Папо́ўка* ўр. (Гарачэвічы Леп.) і інш.

У мікратапаніміконе Заходняга Палесся налічваецца 11 адзінак разглядаемага падтыпу назваў дробных геаграфічных аб'ектаў (2,3 % у межах дадзенага тыпу мікратапонімаў): *Бондаро́ўшчына* ўр. (Багданаўка Пін.), *Бо́ртнічча* ўр. (Замосце Кобр.), *Ковалёвэ* п. (Галоўчыцы Драг.), *Конюх* сж. (Намакрава Лун.), *Попо́ўшчына* п. (Пруж. Брэсц.) і інш.;

9) *мікратапонімы, матываваныя назвамі сацыяльных груп і іх удзельнікаў, сацыяльных статусаў* (Беларускае Паазер'е – 20 назваў, 3,4 % ад агульнай колькасці разглядаемага тыпу намінацыі): *Ба́цькаўшчына* ч. в. (Вялікая Выдрэя Лёзн.), *Баярка* ч. в. (Бароўка В.-Дзв.), *Браткі́* п. (Сенькавічы Івац.), *Дзе́даўка* п. (Расна Сен.), *Казакі́* ч. в. (Сакольнікі Віц.), *Кня́жынка* воз. (Бабруйшчына Глыб.), *Купчы́ха* ўзв. (Лісна В.-Дзвін.), *Ма́чаха* б. (Крынкі Лёзн.), *Па́нічына* ўр. (Баркова Гарад.) і інш.

Паказчыкі дадзенага падтыпу ў мікратапаніміконе Заходняга Палесся склалі 21 адзінку і 4,6 % адпаведна: *Ба́ба'е* сж. (Шумакі Брэсц.), *Ба́бушка* п. (Вулька Лоеўская Пін.), *Батракі́* п. (Лумна Кам.), *Дзі́довська* ўр. (Батарэя Бяроз.), *Козакі́вка* ўр. (Добрае Кобр.), *Па́ново* сж. (Азарычы Пін.), *Шляхе́тскэе* б. (Елка Лун.) і інш.;

10) *мікратапонімы, матываваныя этнонімамі.*

Нягледзячы на тое, што тэрыторыя Беларускага Паазер'я гістарычна заўсёды была месцам перасячэння народаў і культур, яе мікратапанімія, суадносная з этнічнымі назвамі, налічвае ўсяго 15 адзінак (2,6 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў): *Белару́сы* ч. в. (Кошчава Беш.), *Латы́гава* ч. в. (Нябышына Докш.), *Літо́ўка* ўр. (Пятроўшчына Глыб.), *Ля́хаўка* ўр. (Маргавіца Докш.), *Маскалі́ха* ўр. (Станіслаўцы Глыб.), *Ру́скае* ўр. (Гальніца Рас.), *Тата́рскія* ч. в. (Сакольнікі Віц.), *Цыга́нка* ўзв. (Чапаеўскі В.-Дзв.), *Шве́даўка* ўзв. (Заскаркі Пол.) і інш.

Мікратапонімы, утвораныя ад этнонімаў, у складзе заходнепалескай мікратапаніміі складаюць усяго 4 % (19 адзінак) ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў: *Літві́нуўка* ўр. (Глінка Стол.), *Ля́хы* ч. в. (Гумнішча Драг.), *Не́мцы* ўр. (Колкі Стол.), *Поля́цкэе* б. (Лунін Лун.), *Тата́рка* л. (Сітніца Лун.), *Турэ́чына* п. (Чыжэўшчына Жаб.), *Цыгано́вэ* л. (Лунін Лун.) і інш. (табл. 2).

Табліца 2. **Мікратапонімы, якія адлюстроўваюць гаспадарчую дзейнасць чалавека, яго побыт, вераванні, грамадскія адносіны**

Table 2. **Microtoponyms reflecting a person's economic activity, his way of life, beliefs, and social relations**

Падтыпы	Беларускае Паазер'е	Заходняе Палессе
1. Мікратапонімы, матываваныя тыпам, часткай паселішча	**72** (12,2 %)	**51** (10,8 %)
2. Мікратапонімы, матываваныя назвамі будынкаў жыллёвага і гаспадарчага прызначэння	**28** (4,7 %)	**27** (5,7 %)
3. Мікратапонімы, матываваныя назвамі зямельных участкаў	**218** (37 %)	**217** (46,1 %)
4. Мікратапонімы, матываваныя былым размяшчэннем прадпрыемства, установы, былым месцам промыслу, прызначэннем аб'екта	**47** (8 %)	**34** (7,2 %)
5. Мікратапонімы, суадносныя з дзеяннем, якое адбывалася на аб'екце, ці з прадметам на аб'екце	**48** (8,1 %)	**45** (9,6 %)
6. Мікратапонімы, матываваныя назвамі шляхоў зносін і мастоў	**78** (13,2 %)	**36** (7,6 %)
7. Мікратапонімы, якія адлюстроўваюць рэлігійныя вераванні, міфалогію	**45** (7,6 %)	**10** (2,1 %)
8. Мікратапонімы, матываваныя назвай прафесіі, родам заняткаў	**19** (3,2 %)	**11** (2,3 %)
9. Мікратапонімы, матываваныя назвамі сацыяльных груп і іх удзельнікаў, сацыяльных статусаў	**20** (3,4 %)	**21** (4,6 %)
10. Мікратапонімы, матываваныя этнонімамі	**15** (2,6 %)	**19** (4 %)
Усяго	**590** (100 %)	**471** (100 %)

3. Мікратапонімы, суадносныя з уласнымі імёнамі. У мікратапаніміконе Беларускага Паазер'я налічваецца 314 адзінак найменняў дадзенага тыпу, што складае 12,6 % ад агульнай колькасці мікратапонімаў рэгіёна, у мікратапаніміконе Заходняга Палесся – 335 адзінак (13,4 % ад агульнай колькасці мікратапонімаў). Гэты тып мікратапонімаў падзяляецца на два падтыпы:

1) *мікратапонімы, матываваныя антрапонімамі.*

У Беларускім Паазер'і дадзеная група мікратапонімаў прадстаўлена 267 назвамі дробных геаграфічных аб'ектаў, што складае 85 % ад агульнай колькасці мікратапонімаў, суадносных з уласнымі імёнамі. У асновах такіх мікратапонімаў зафіксаваны асабовыя імёны ў поўнай форме: *Ада́маўшчына* п. (Запруддзе Глыб.), *Аляксе́яўка* ўр. (Сценкі Докш.), *Андрэ́еўшчына* сж. (Абухава Беш.), *Архі́паўшчына* ўр. (Пушкі Лёзн.), *Багданы́* п. (Мішневічы Шум.), *Іва́наўшчына* л. (Казігорка Тал.), *Рама́нава* ўр. (Сарочына Уш.), *Сяргéеўшчына* л. (Папіна Сен.), *Я́нава* п. (Чэрасы Мёр.) і інш.; асабовыя імёны ў размоўнай форме: *Гара́сімаўка* сж. (Караліно Докш.), *За Ко́сцікам* ч. в. (Хутар Дзедзіна Мёр.), *Ро́мка* ўзв. (Асада Дзедзіна Мёр.), *Я́сеўшчына* ч. в. (Параф'янава Докш.) і інш.; мянушкі: *Гале́вічыха* п. (Таўкіні Шарк.), *Гуса́к* л. (Бортнікі Глыб.), *Жако́ва* п. (Мікуліна Глыб.), *Ку́хцевіна* л. (Бортнікі Глыб.), *Рахму́сіха* п. (Бабічы Глыб.) і інш.; прозвішчы: *Бабы́шкі* п. (Рачнёва Мёр.), *Бужы́ншчына* п. (Манякова Мёр.), *Дзяткó́ўшчына* ўр. (Зазыбы Віц.), *Кісялёўшчына* п. (Запруддзе Глыб.), *Лукінчóва* ўр. (Есіпава Арш.), *Рыкуно́ўшчына* ўзв. (Новы Пагост Мёр.), *Салаўёўшчына* п. (Мярэцкія Глыб.), *Шылаёўшчына* ўр. (Зазыбы Віц.), *Ю́чкава* луг (Параф'янава Докш.) і інш.

Адантрапанімічныя назвы Заходняга Палесся налічваюць 309 адзінак (92 % ад агульнай колькасці дадзенага тыпу мікратапонімаў). Матывавальнай асновай тут паслужылі асабовыя імёны ў поўнай форме: *Анто́новка* ўр. (Хмелева Кам.), *Боры́совка* п. (Галоўчыцы Драг.), *Мака́рувшчына* ўр. (Дзмітравічы Кам.), *Па́влово* ч. в. (Дарапеевічы Малар.), *Пытры́вкы* сж. (Галоўчыцы Драг.), *Рама́наўка* п. (Гошчава Івац.) і інш.; асабовыя імёны ў размоўнай форме: *Бро́ньское* п. (Імянін Драг.), *Гры́цікова* сж. (Сіманавічы Драг.), *Дмы́трык* п. (Ланская Малар.), *Міхалко́во* ўр. (Колбікі Стол.), *Саўчуко́ва* ч. в. (Лука Стол.), *Ю́рковэ* л. (Сялец Бяроз.) і інш.; мянушкі: *Камчэ́й* л. (Сень-

кавічы Івац.); прозвішчы: *Баку́н* ур. (Чухава Пін.), *Банко́вськэ* л. (Суткі Драг.), *Бурачо́ўшчына* п. (Какорыца Драг.), *Вышне́вськэ* п. (Аляксеевічы Драг.), *Гы́рново* сж. (Бастынь Лун.), *Жыгуны́* ч. в. (Сычы Драг.), *Кру́па* сж. (Намакрава Лун.), *Рыпыхы́* ч. в. (Сіманавічы Драг.), *Скырукы́* ч. в. (Сіманавічы Драг.), *Слізнёвае* л. (Сенькавічы Івац.) і інш.;

2) *мікратапонімы, матываваныя тапонімамі*.

У мікратапаніміі Беларускага Паазер'я разглядаемы падтып (47 назваў, 15 % у межах дадзенага тыпу) складаецца з наступных катэгорый дробных геаграфічных аб'ектаў: матываваныя камонімамі: *Вя́лі* ўр. (Багуцкія Мёр.), *Жму́ркава* ч. в. (Альгова Віц.), *Зу́ева* п. (Мішневічы Шум.), *Каты́* ч. в. (Каўшэлева Шарк.), *Кра́снаўка* л. (Сталюгі Леп.) і інш.; матываваныя гідронімамі: *Вя́та* п. (Рачнёва Мёр.), *Дзві́нка* луг (Падбярэззе Віц.), *Дняпро́ўка* ўр. (Харкаўка Арш.), *Забайка́лле* ч. в. (Зубава Арш.), *Захо́ціна* ўр. (Вялікае Жэжліна Леп.) і інш. Адзінкавымі прыкладамі прадстаўлены мікратапонімы, матываваныя астыонімамі: *Мадры́д* п. (Ланенка Дубр.); харонімамі: *Швейца́рыя* ўзв. (Высачаны Лёзн.); гадонімамі: *Ду́ліна* д. (Старое Сяло Віц.).

На тэрыторыі Заходняга Палесся намі адзначана 26 (8 %) назваў, матываваных камонімамі: *Бобро́віцкэ* л. каля в. Бабровічы (Выганашчы Івац.), *Брашыво́ччэ* ч. в. (Брашэвічы Драг.), *Былэ́ньскэ* л. каля в. Бялынь (Ласінскі Драг.), *Вя́до* ўр. (Бабровічы Івац.), *Ковалі́цькэ* п., дзе працавалі сяляне з вёскі Кавалікі (інфарм.) (Лумна Кам.), *Ла́хаўскае* сж. (Лахаўка Лун.) і інш.; гідронімамі: *Запры́пець* сж. (Баравікі Лун.), *Падбе́лы* п. каля Белага возера (Нівы Бяроз.), *Узла́не* ўзв. на беразе ракі Лані (Намакрава Лун.) і інш. Найменні, утвораныя ад астыонімаў, харонімаў і гадонімаў, намі не выяўлены (табл. 3).

Табліца 3. **Мікратапонімы, суадносныя з уласнымі імёнамі**

Table 3. **Microtoponyms corresponding to proper names**

Падтыпы	Беларускае Паазер'е	Заходняе Палессе
1. Мікратапонімы, матываваныя антрапонімамі	**267** (85 %)	**309** (92 %)
2. Мікратапонімы, матываваныя тапонімамі	**47** (15 %)	**26** (8 %)
Усяго	**314** (100 %)	**335** (100 %)

Высновы. Вынікі параўнальна-супастаўляльнага аналізу мікратапаніміконаў Беларускага Паазер'я і Заходняга Палесся паказваюць, што лексіка-семантычныя групы намінацый у цэлым супадаюць. Тым не менш існуе некаторае разыходжанне колькасці мікратапанімічных адзінак у межах гэтых лексіка-семантычных груп. Так, у абодвух рэгіёнах пераважаюць мікратапонімы, якія адлюстроўваюць фізіка-геаграфічныя асаблівасці мясцовасці, флору і фаўну, але ў мікратапаніміі Беларускага Паазер'я пераважаюць назвы, якія адлюстроўваюць асаблівасці рэльефу, а ў мікратапаніміі Заходняга Палесся – фларыстычныя назвы, што сведчыць аб істотнай розніцы прыродных умоў на поўначы і поўдні Беларусі. Яшчэ адной адметнай асаблівасцю з'яўляецца тое, што ў Беларускім Паазер'і сярод мікратапонімаў, якія адлюстроўваюць гаспадарчую дзейнасць чалавека, яго побыт, вераванні, грамадскія адносіны, меншы працэнт найменняў складаюць мікратапонімы, матываваныя этнонімамі, а ў Заходнім Палессі – мікратапонімы, якія адлюстроўваюць рэлігійныя вераванні, міфалогію. Невялікія адрозненні ў мікратапаніміі дадзеных рэгіёнаў абумоўлены асаблівасцямі гісторыі іх засялення, прыроды, эканомікі і гаспадаркі.

Спіс скарачэнняў

Раёны: Арш. – Аршанскі, Беш. – Бешанковіцкі, Брасл. – Браслаўскі, В.-Дзв. – Верхнядзвінскі, Віц. – Віцебскі, Гарад. – Гарадоцкі, Глыб. – Глыбоцкі, Докш. – Докшыцкі, Дубр. – Дубровенскі, Леп. – Лепельскі, Лёзн. – Лёзненскі, Мёр. – Мёрскі, Паст. – Пастаўскі, Пол. – Полацкі, Рас. – Расонскі, Сен. – Сенненскі, Тал. – Талачынскі, Уш. – Ушацкі, Чаш. – Чашніцкі, Шум. – Шумілінскі; Брэсц. – Брэсцкі, Бяроз. – Бярозаўскі, Драг. – Драгічынскі, Жаб. – Жабінкаўскі, Ів. – Іванаўскі, Івац. – Івацэвіцкі, Кам. – Камянецкі, Кобр. – Кобрынскі, Лун. – Лунінецкі, Малар. – Маларыцкі, Пін. – Пінскі, Пруж. – Пружанскі, Стол. – Столінскі; *аб'екты:* б. – балота, в. – вёска, воз. – возера, д. – дарога, кр. – крыніца, л. – лес, п. – поле, р. – рака, руч. – ручай, с. – сад, саж. – сажалка, сж. – сенажаць, узв. – узвышша, ур. – урочышча, ч. в. – частка вёскі; *іншае:* інфарм. – інфарматар, ч. – частка.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Адамовіч, Я. М. Мікратапанімічныя назвы / Я. М. Адамовіч. – Мн.: Выш. шк., 1971. – 112 с.

2. Капылоў, І. Л. Мікратапанімія Беларускага Паазер'я як важная крыніца гісторыка-культурнага ландшафту рэгіёна / І. Л. Капылоў // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск, 2018. – С. 96–99.

3. Полесье. Материальная культура / В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская [и др.]; редкол.: В. К. Бондарчик [и др.]. – Киев: Наук. думка, 1988. – 446 с.

4. Якубук, Н. Р. Мікратапонімы Брэстчыны, матываваныя земляробчай лексікай / Н. Р. Якубук, В. Янусік // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі: зб. навук. арт.: у 2 ч. / Брэсц. дзярж. ун-т. – Брэст, 2012. – Ч. 2. – С. 184–187.

References

1. Adamovich Y. M. *Microtoponymic names.* Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1971. 112 p. (in Belarusian).

2. Kapylou I. L. Microtoponymy of the Belarusian Poozerie as an important source of the historical and cultural landscape of the region. *Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya: sbornik nauchykh statei* [Regional onomastics: problems and research prospects: collection of scientific articles]. Vitebsk, 2018, pp. 96–99 (in Belarusian).

3. Bondarchik V. K., Braim I. N., Burakovskaya N. I. [et al.]. *Polesie. Material culture.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1988. 448 p. (in Russian).

4. Yakubuk N. R., Yanusik V. Microtoponyms of the Brest region, motivated by agricultural vocabulary. *Aktual'nyya prablemy movaznaўstva i lingvadydaktyki: zbornik navukovykh artykulau* [Current problems of linguistics and language didactics: collection of scientific articles]. Brest, 2012, pt. 2, pp. 184–187 (in Belarusian).

Информация об авторе

Радюль Ольга Юрьевна – аспирант. Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Московский проспект, 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: letoshneva33@mail.ru

Information about the author

Volha Yu. Radziul – Postgraduate student. Vitebsk State University named after P. M. Masherov (33 Moskovskiy Ave., Vitebsk 210038, Belarus). E-mail: letoshneva33@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 39:77.033:728.1(476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-312-322

Паступіў у рэдакцыю 06.04.2026
Received 06.04.2026

А. М. Нароўская

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ЭТНАГРАФІЧНАЯ ФАТАГРАФІЯ ЯК МЕТАД ДАСЛЕДАВАННЯ ТРАДЫЦЫЙНАГА ЖЫЛЛЯ БЕЛАРУСАЎ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ ФОТААРХІВАЎ)

Аннотация. Статья посвящена анализу этнографической фотографии как метода исследования традиционного жилища. Автор рассматривает эволюцию визуальной фиксации жилища в конце XIX – начале XXI в. Предлагается авторская периодизация этапов развития этнографической фотографии, прослеживается история формирования музейных фотоархивов как основополагающих источников для изучения материальной культуры этноса. Рассматривается трансформация экспедиционной методологии от первых попыток визуальной документации к систематизированной научной фиксации традиционного жилища белорусов. На основе анализа архивных материалов музеев и фотоархива Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси раскрывается роль фотографии как средства семиотического моделирования внутреннего пространства жилища. Рассматривается, как систематизация экспедиционных фотографий в музеях преобразовала их из разрозненных свидетельств в структурированные фотоархивы, позволяющие современным исследователям реконструировать эволюцию традиционного жилища, его пространственную организацию в культурные смыслы.

Ключевые слова: этнографическая фотография, традиционное жилище, музей, фотоархив, музейные коллекции

Для цитирования: Нароўская, А. М. Этнаграфічная фатаграфія як метад даследавання традыцыйнага жылля беларусаў (па матэрыялах фотаархіваў) / А. М. Нароўская // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 4. – С. 312–322. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-312-322

Ala N. Narouskaya

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ETHNOGRAPHIC PHOTOGRAPHY AS A METHOD OF RESEARCHING THE TRADITIONAL DWELLING OF BELARUSIANS(BASED ON PHOTO ARCHIVE MATERIALS)

Abstract. This article analyzes ethnographic photography as a method for studying traditional dwellings. The author examines the evolution of visual recording of dwellings from the late 19th to early 21st centuries. The paper offers a periodization of the development of ethnographic photography and traces the history of the formation of museum photo archives as fundamental sources for studying the material culture of an ethnic group. The transformation of the expeditionary method from the first attempts at visual documentation to the systematic scientific recording of the traditional Belarusian dwelling is analyzed. Based on an analysis of archival materials from museums and the photo archive of the Institute of Art History, Ethnography, and Folklore of the National Academy of Sciences of Belarus, the role of photography as a means of semiotic modeling of the interior space of a dwelling is revealed. The article demonstrates how museum systematization transformed expeditionary photographs into structured museum photo archives, allowing contemporary researchers to reconstruct the spatial representations and social characteristics of the traditional dwelling.

Keywords: ethnographic photography, traditional dwelling, museum, photo archive, museum collections

For citation: Narouskaya A. N. Ethnographic photography as a method of researching the traditional dwelling of belarusians (based on photo archive materials). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 4, pp. 312–322 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-312-322

© Нароўская А. М., 2026

Уводзіны. Этнаграфічная фатаграфія з'яўляецца ключавым кампанентам музейных і архіўных фондаў. Такія фотаздымкі змяшчаюць унікальную інфармацыю аб матэрыяльнай і нематэрыяльнай культуры, якую немагчыма цалкам атрымаць з рукапісных крыніц. У кантэксце этнаграфіі любая фатаграфія, зробленая з мэтай наступнага навуковага аналізу, адразу становіцца навуковай крыніцай.

Актуальнасць дадзенага даследавання абумоўлена неабходнасцю пераасэнсавання ролі візуальных крыніц у этнаграфічнай навуцы. У перыяд урбанізацыі і страты помнікаў традыцыйнай архітэктуры фатаграфія XIX–XX стст. становіцца важнай крыніцай па даследаванні матэрыяльнай культуры, у тым ліку традыцыйнага жылля беларусаў.

Сёння існуе праблема фрагментарнасці і распыленасці архіўных крыніц. Этнаграфічныя фатаграфіі па традыцыйным жыллі размеркаваны па мноcтве разрозненых беларускіх і замежных архіваў (напрыклад, Кунсткамера, РЭМ, РГТ). Адсутнасць адзінай каталагізацыі і доступу да архіваў ускладняе комплексны аналіз традыцыйнага жылля. Правядзенне кампаратыўнага аналізу здымкаў з розных архіваў, зробленых у час шматлікіх экспедыцый, дазволіць верыфікаваць этнаграфічныя даныя, выявіць рэгіянальныя асаблівасці і запоўніць "пустыя лакуны" асобных фотакалекцый. Сучасная этнасеміётыка прапануе пераход ад назапашвання этнаграфічных візуальных крыніц да іх інтэрпрэтацыі. Даследаванне этнаграфічнай фатаграфіі як знакавай сістэмы дасць магчымасць не толькі рэканструяваць традыцыйнае жыллё, але "прачытаць" яго невербальныя аспекты. Мэта даследавання – выявіць інфармацыйны патэнцыял этнаграфічнай фатаграфіі як рэпрэзентатыўнай крыніцы па гісторыі архітэктурна-прасторавай арганізацыі традыцыйнага жылля, які дазволіць верыфікаваць і дапоўніць этнаграфічныя апісанні XIX – пачатку XX ст.

Асноўная частка. Фатаграфія як крыніца фіксацыі і перадачы этнаграфічнай інфармацыі традыцыйна прыцягвае ўвагу спецыялістаў па этналогіі і антрапалогіі. Выкарыстанне візуальных даных у антрапалагічных і этнаграфічных даследаваннях стала тэмай работ замежных і савецкіх этнографаў з 1960-х гг. У работах даследчыкаў, апублікаваных у 1960–1970-я гг., былі вызначаны крытэрыі адбору фотакрыніц у асноўны фонд музея, распрацавана сістэма прыватных класіфікатараў па відавой прыкмеце, фотажанрах, матэрыяле і тэхніцы каталагізацыі. Важнае значэнне для даследавання мае публікацыя Г. Г. Громава "Методыка этнаграфічных экспедыцый" (1966), у якой падрабязна разглядаецца методыка этнаграфічнай фатаграфіі. Аўтар дае парады, як праводзіць фотаздымкі ў этнаграфічных экспедыцыях. Г. Г. Громаў разглядае пытанне выкарыстання маштабных прадметаў, апісвае прымальныя для здымак умовы надвор'я, пералічвае найбольш распаўсюджаныя тэмы і прадметы фіксацыі [1, с. 38–39]. З 1970-х гг. у замежных даследаваннях узрастае цікавасць да старых фотаматэрыялаў, якія захоўваюцца ў архівах і музеях. Звесткі па вывучэнні этнаграфічнай фатаграфіі архіваў можна знайсці ў зборніку артыкулаў "Антрапалогія і фатаграфія 1860–1920" [2]. Увядзенне фотадакументаў у навуковы ўжытак у канцы XX – пачатку XXI ст. звязана з фарміраваннем новых уяўленняў аб «візуальнасці» ў гуманітарных навуках. Доўгі час візуальным крыніцам адводзілася толькі ілюстрацыйная функцыя, бо галоўнае месца ў гістарычных даследаваннях займалі пісьмовыя крыніцы. Таму ўзнікла задача распрацоўкі тэарэтычнай асновы вывучэння фатаграфіі.

Важнае значэнне мае таксама даследаванне Р. А. Абілавай аб фотадакументах у музейных калекцыях XXI ст. Аўтар прадстаўляе асноўныя напрамкі крыніцазнаўчай работы з фотадакументамі ў межах іх тэматычнай разнастайнасці, асобную ўвагу надае этнаграфічным фатаграфіям [3, с. 288–289]. Цікавым з'яўляецца артыкул А. С. Собалевай, у якім аўтар раскрывае патэнцыял тэматычных фотакомплексаў, а не асобных кадраў. Адметнае месца ў артыкуле займае даследаванне этнаграфічных фотакомплексаў [4, с. 190–195]. У далейшым гэта ідэя была распрацавана ў дысертацыі К. Б. Талмачовай, дзе яна вылучыла тры тыпы этнаграфічных фотаздымкаў: 1) навуковая этнаграфічная фатаграфія; 2) навуковая фатаграфія сумежных навук. Гэта здымкі, зробленыя, напрыклад, археолагамі, якія могуць быць карысныя этнографу, але яны не з'яўляліся асноўнай мэтай даследавання; 3) фатаграфіі з этнаграфічным сюжэтам, часцей аматарскія здымкі традыцыйнага жылля [5].

Такім чынам, сучасныя падыходы да візуальнай фіксацыі этнаграфічных даных грунтуюцца на глыбокай прапрацоўцы метадалогіі, якая датычыцца як тэхнічнай дакладнасці, так і кантэкстуальнай значнасці здымка. Аднак каб зразумець эвалюцыю гэтых патрабаванняў, неабходна рэтраспектыўна прааналізаваць вытокі палявой фатаграфічна-этнаграфічнай практыкі.

Перыядызацыя. Аналіз гістарыяграфіі паказаў, што візуальныя крыніцы часта разглядаліся даследчыкамі як ілюстрацыйны матэрыял без уліку храналагічнай сістэмнасці. Між тым этнаграфічная фатаграфія як інструмент пазнання і спосаб фіксацыі ў рэальнасці не была статычнай. Яна прайшла эвалюцыю, абумоўленую развіццём навуковай метадалогіі і музейнай практыкі. Перыядызацыя, распрацаваная ў Расійскім этнаграфічным музеі (РЭМ), вылучае пяць этапаў фарміравання этнаграфічных фотакалекцый (ад антрапалагічных тыпаў да прадметаў побыту) [6]. Акцэнт пры фарміраванні фотакалекцый зроблены на тыпалогіі прадметаў. У нашым даследаванні, прысвечаным этнаграфічнай фатаграфіі традыцыйнага жылля, – акцэнт зроблены на тыпалогіі прасторавых структур. У сувязі з гэтым прапануем перыядызацыю, якая складаецца з чатырох этапаў фарміравання фотакалекцый традыцыйнага жылля ў фондах музеяў і фотаархіве Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі (ІМЭФ).

Першы этап – перыяд фотафіксацыі і дакументавання традыцыйнага жылля (канец XIX ст. – 1917 г.). Гэты перыяд звязаны з комплекснымі этнаграфічнымі экспедыцыямі, арганізаванымі Імператарскім Рускім Геаграфічным Таварыствам. Для гэтага перыяду характэрна: 1) фіксацыя традыцыйнага жылля як цэласнай сістэмы; 2) фіксацыя тыпаў жылля і гаспадарчых пабудоў; 3) інтэр'ер здымаўся рэдка, што было звязана з тэхналагічнымі абмежаваннямі. Першы этап звязаны з дзейнасцю этнографаў-даследчыкаў, якія ўмелі абыходзіцца з фотакамерай. Гэта фатаграфіі, зробленыя ў 1902–1910-х гг. у беларускіх вёсках захавальнікам музея М. М. Магілянскім, этнографамі Ф. К. Волкавым, Я. А. Ляцкім, [6], А. К. Сержпутоўскім [7, арк. 10–10 адв.], В. К. Косткам [8, арк. 23]. У 1911–1912 гг. падчас навуковых экспедыцый па Беларусі этнограф І. А. Сербаў стварае серыю фотаздымкаў традыцыйнага жылля і гаспадарчых пабудоў, вулічных планіровак [9]. Этнаграфічныя экспедыцыі праходзілі па заданні Паўночна-Заходняга аддзела Імператарскага Рускага Геаграфічнага Таварыства ў Вільні.

Другі этап – акадэмічны (1920–1950-я гг.). У гэты час этнаграфічная фатаграфія канчаткова інтэгруецца ў структуру навуковага тэксту. Фундаментальныя працы Н. І. Лебедзевай [10], А. Харузіна [11] дэманструюць новы падыход. Фатаграфія традыцыйнага жылля становіцца не проста фіксацыяй архітэктурнай формы. Жылыя і гаспадарчыя пабудовы становяцца аб'ектам сістэмнага фатаграфавання. З'яўляюцца планы, чарцяжы, дэталёвыя здымкі інтэр'ераў. Калі ў працах 1920-х гг. этнаграфічная фатаграфія выступае ў ролі палявога сведчання, то да 1950-х гг. яна ператвараецца ў інструмент навуковай класіфікацыі. Асобна можна вылучыць манаграфію Е. Э. Бломквіст (1956 г.) [12]. Этнограф выкарыстоўвае фатаграфію як сродак параўнальнага аналізу відаў жылля і тыпаў планіроўкі і прапануе тыпалагічную класіфікацыю ўсходнеславянскага традыцыйнага жылля. У працах Я. Бломквіст візуальны матэрыял з'яўляецца візуальным кодам, дзе кожная фатаграфія служыць пацвярджэннем выяўленай даследчыкам заканамернасці. Трэба адзначыць, што на гэтым этапе фатаграфія адыходзіць ад унікальнасці і дапамагае даследаваць тыпалогію жылля. Інтэр'ер становіцца важным для дэманстрацыі зместу сацыяльнага жыцця, але яго сакральны аспект часта ігнаруецца.

Трэці этап – перыяд архітэктурнай рэстаўрацыі і музеефікацыі помнікаў дряўлянага дойлідства (1960–1980-я гг.). У гэты перыяд функцыя фатаграфіі мяняецца. Яна становіцца інструментам выратавання помнікаў драўлянага дойлідства. Ствараюцца музеі пад адкрытым небам (Строчыца, Заслаўе) і фотаздымкі пачынаюць абслугоўваць патрэбы рэстаўрацыі. Традыцыйнае жыллё здымаецца з выкарыстаннем маштабных лінеек. Фатаграфуецца не толькі агульны выгляд традыцыйнага жылля, але і канструктыўныя дэталі: шчыты, замкі вянкоў, канструкцыі мацавання крокваў, трамы, вільчыкі і інш. На гэтым этапе адбываецца рэзкі рост зацікаўленасці інтэр'ерам традыцыйнага жылля. Часта ў фатаграфіях асноўны фокус робіцца на інтэр'еры. Для музейнай экспазіцыі неабходна была дэталёвая фіксацыя напаўнення (інвентарызацыя прадметаў: лаўкі, куфры, сталы, посуд, тканіны). Адбываецца здымка дробных артэфактаў жылля: разьбы ліштваў, клямак дзвярэй, прызбаў і інш., якія немагчыма было апісаць тэкстам. Фатаграфія становіцца адначасова інструментам каталагізацыі і рэстаўрацыі. Найбольшая колькасць фатаграфій

традыцыйнага жылля з этнаграфічных экспедыцый гэтага перыяду размяшчаецца ў манаграфіях А. І. Лакоткі [13] і С. А. Сергачова [14].

Чацвёрты этап – этап актуалізацыі і рэтраспектыўнага аналізу архіўнай спадчыны (1990 гг. – да сённяшняга часу). Гэта час "вяртання" забытых экспедыцый, матэрыялы аб якіх захоўваюцца ў архівах. Вызначаны этап прынцыпова адрозніваецца тым, што сучасныя даследчыкі не проста выкарыстоўваюць фатаграфіі як ілюстрацыі, яны праводзяць комплексную працу па дэшыфроўцы архіўнага фонду. Калі на першым этапе (1920–1950-я гг.) фатаграфія з'яўлялася часткай манаграфій, то ў XXI ст. яна становіцца самастойным аб'ектам вывучэння. Важным даследаваннем такога напрамку з'яўляецца альбом В. А. Лабачэўскай [15], у якім упершыню апублікавана 442 фатаграфіі этнографа І. А. Сербава, якія захоўваюцца ў аддзеле рукапісаў Бібліятэкі Вільнюскага ўніверсітэта і Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі. Найбольш знакавым даследаваннем ІМЭФ НАН Беларусі па этнаграфічнай фатаграфіі з'яўляецца манаграфія С. У. Грунтова [16], прысвечаная этнаграфічнай экспедыцыі 1923 г. Аснову манаграфіі складаюць 59 фотаздымкаў (з іх 32 – выявы жылых і гаспадарчых пабудоў, планіроўкі вуліц), якія захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь. Манаграфіі даследчыкаў сведчаць аб тым, што візуальны патэнцыял архіўных матэрыялаў пачатку XX ст. толькі пачынае даследавацца.

Важным аспектам чацвёртага этапу з'яўляецца перавод фондаў і архіваў у лічбавы фармат, які дазваляе ўжываць метады камп'ютарнага мадэлявання і семіятычнага аналізу этнаграфічна-фатаграфічнай спадчыны. Прапанаваная перыядызацыя дазваляе не толькі ўпарадкаваць візуальны матэрыял, але і вызначыць прынцыпы фарміравання асноўных музейных і архіўных калекцый этнаграфічнай фатаграфіі. Фарміраванне этнаграфічных фотакалекцый было цесна звязана з развіццём палявой этнаграфічнай практыкі, якая трансфармавала жыллё з аб'екта візуальнага назірання ў аб'ект навуковай фіксацыі. Для разумення гэтага працэсу неабходна звярнуцца да вытокаў: прасачыць, як змяняліся падыходы этнографаў да здымкі традыцыйнага жылля на працягу больш за стагоддзе – ад першых этнаграфічных фатаграфій канца XIX ст. да сучасных метадаў каталагізацыі і аналізу візуальнай спадчыны.

У канцы XIX – пачатку XX ст. этнаграфічная фатаграфія толькі пачынае ўваходзіць у этнаграфічную практыку, фіксацыя часта вялася ў рамках маштабных экспедыцый, арганізаваных Імператарскім Рускім Геаграфічным Таварыствам. У гэты час фатаграфія разглядалася як найважнейшы інструмент для стварэння этнаграфічных калекцый і каталогаў матэрыяльнай культуры. Першыя фатаграфіі традыцыйнага жылля, зробленыя ў час этнаграфічных экспедыцый, мелі дакументальны і апісальны характар. Яны абмяжоўваліся вонкавым аналізам крыніц. Этнографы ў сваіх справаздачах прыводзілі атрыбутыўныя даныя, указвалі месца і час здымкі, месца захоўвання, памер, дату. У гэты ж час этнографы і фатографы пачынаюць распрацоўваць строгія методыкі фатаграфіі традыцыйнага жылля – гэта фіксацыя фасадаў і тарцовых сценак жылля, фотаздымка інтэр'ераў, прывязка да мясцовасці, прапорцыі і інш.

Даследчыкаў, якія займаліся распрацоўкай метадаў і зборам этнаграфічнай фатаграфіі традыцыйнага жылля, можна падзяліць на тых, хто заклаў асновы стандартызацыі, і тых, хто паглыбіў метадалогію аналізу. Неабходна адзначыць, што каштоўнасць фатаграфічнай крыніцы напрамую залежыць ад метадалогіі яе стварэння. Каб здымак з фотаархіва стаў надзейным навуковым дакументам, неабходна разумець, якімі прынцыпамі кіраваўся этнограф на этапе палявой працы. Адным з такіх этнографаў, які распрацаваў методыку збору і сабраў калекцыю фатаграфій традыцыйнага жылля беларусаў, быў супрацоўнік Этнаграфічнага аддзела Рускага музея (пазней – Расійскі этнаграфічны музей) А. К. Сержпутоўскі. Этнограф зрабіў вялікі ўклад у фарміраванне музейнага фонду па этнаграфіі, ім было сабрана 6368 прадметаў и 1460 фатаграфій [6]. У архіве Расійскага этнаграфічнага музея знаходзіцца "Кароткая праграма для збірання этнаграфічных прадметаў у Беларусі", складзеная А. К. Сержпутоўскім. У Праграме даюцца рэкамендацыі А. К. Сержпутоўскага па выяўленні адметнасцей беларускага жылля. Этнограф адзначае, што пажадана па "магчымасці рабіць карты, планы і фатаграфіі…" [17, арк. 2]. Нягледзячы на тое, што праграма кароткая, у ёй даюцца скрупулёзныя прадпісанні па даследаванні беларускага традыцыйнага жылля. Этнограф пералічвае розныя назвы паселішчаў, відаў жылля, якім падчас этнаграфічных экспедыцый трэба надаць увагу: "…Селішчы: мястэчка, сяло, вёска, выселак,

пасёлак, хутар і т. п. Планы вуліц, дарог і размяшчэнне двароў, а таксама гумнаў… Ізба (хата), святліца… варыўня, свіран, гумно, хлеў… склеп… бані (лазні … і да т. п.)" [17, арк. 5–6]. Трэба адзначыць, што важную ролю адыграў той факт, што ў пачатку XX ст. пры Этнаграфічным аддзеле Рускага музея імператара Аляксандра III (далей – РЭМ) у першай трэці XX ст. была арганізавана фоталабараторыя. У выніку этнографам музея ў пачатку XX ст. для вядзення палявой этнаграфічнай працы выдаваліся фотаапараты. У адным з лістоў, адпраўленых з экспедыцыі ў музей, навуковы супрацоўнік А. К. Сержпутоўскі пісаў: "Вялікі фатаграфічны апарат я адаслаў разам з рэчамі ў вялікай дубовай скрыні, акаванай жалезам… Маленькі апарат я пакуль пакінуў сабе" [18, арк. 42 адв. – 43]. З негатываў, якія прывозіліся з паездак, у музейнай лабараторыі друкаваліся адбіткі, да якіх іх аўтары рабілі тэкставыя апісанні, якія змяшчалі важную інфармацыю аб зафіксаваных на фатаграфіях выявах.

Пры вывучэнні дарожных сшыткаў А. К. Сержпутоўскага быў выяўлены спіс фотаздымкаў, зробленых ім у с. Лучыцы падчас экспедыцый у Мінскую губерню ў 1906 г. Складанне падобнага спісу было выклікана спецыфікай тэхналагічнага працэсу правядзення фотаздымкі ў экспедыцыйных умовах. Для захавання інфармацыі аб знятых кадрах існавала неабходнасць у іх пісьмовым уліку. У якасці носьбіта фатаграфічнай інфармацыі А. К. Сержпутоўскі выкарыстоўваў шкляныя пласцінкі, пакрытыя эмульсійным пластом. Яны транспартаваліся ў адмысловых касетах, і таму этнограф быў змушаны прастаўляць іх нумарацыю і ўказваць назву аб'ектаў. Такі падыход дазваляў пазбегнуць узнікнення блытаніны пры наступнай ідэнтыфікацыі палявога матэрыялу (мал. 1). У рукапісным архіве РЭМ прадстаўлена справаздача А. К. Сержпутоўскага Этнаграфічнаму аддзелу (ад 1 снежня 1924 г.) аб экспедыцыі ў Мінскую і Магілёўскую губерні. Аналіз матэрыялаў справаздачы паказаў, што у спісе змяшчаецца 47 фатаграфій, зробленых этнографам у час экспедыцыі [9, арк. 10–10 адв.]. З вопісу аўтар артыкула выпісала толькі назвы фотаздымкаў, звязаных з відамі вёсак, жылых і гаспадарчых памяшканняў, прадметаў унутранага абсталявання: "хутор", "хата новая – изба новая", "поветка і імбар – навес и амбары", "хлеў і свінушнік – сараи", "сядзіба – усадьба", "ёўня", "імбар – амбар", "хата – изба", "печ – печь"

Мал. 1. Выгляд сялянскай сядзібы, в. Заполле, Мазырскі павет, Мінская губерня.
Фота А. К. Сержпутоўскага, 1906 г. РЭМ 1013-29

Fig 1. View of a peasant estate, Zapolye village, Mozyr district, Minsk province.
Photo by A. K. Serzhputovsky, 1906. REM 1013-29

(с. Сова, в. Ермакі Горацкага пав. Магілёўскай губ.). Усе фатаграфіі маюць нумар, пад якім яны былі зарэгістраваны.

У рукапісным архіве РЭМ у іншай справаздачы этнографа аўтарам быў зафіксаваны другі спіс з 62 фотаздымкамі, якія былі зроблены А. К. Сержпутоўскім па даручэнні Этнаграфічнага аддзела ГРМ у 1925 г. У справаздачы прыводзіцца наступны спіс фотаздымкаў "хата" (м. Вызна, в. Жываглодавічы, х. Крычын), "постройка хаты", "хлев и свинух", "хлев – конюшня", "хлев", "постройка хлева", "истопка или варивня", "видлярня – коптильня" [9, арк. 12–12 адв.]. Дзякуючы таму, што даследчык дэталёва фіксаваў звесткі пра выгляд сядзіб, рабіў фотаздымкі з розных ракурсаў, яны набылі дакументальнае навуковае значэнне. Значную каштоўнасць уяўляюць фатаграфіі супрацоўніка РЭМ В. К. Косткі, зробленыя ў час экспедыцый. Этнограф зрабіў унікальную серыю фотаздымкаў, куды ўвайшлі розныя віды жылых і гаспадарчых пабудоў, двароў, агульных планаў паселішчаў Мінскай і Магілёўскай губерняў. Напрыклад, цікавым узорам з'яўляецца фатаграфія галоўнай вуліцы в. Любячка Ігуменскага пав. Мінскай губ., на якой даецца агульная планіроўка вёскі, добра зафіксаваны малыя архітэктурныя формы, франтоны, адлегласць паміж дамамі. На фотаздымках з выявамі жылых пабудоў беднага і багатага селяніна (в. Парэчча Ігуменскага пав. Мінскай губ.) увага сфакусіравана на канструкцыйных асаблівасцях жылля розных сацыяльных груп насельніцтва [8] (мал. 2).

Музейныя вопісы змяшчаюць інфармацыю аб населеных пунктах, якія з мая па жнівень 1905 г. наведваў В. К. Костка: Вяззе, Жарабковічы, Міластава, Шчыткавічы, Падліпцы, Парэчча Слуцкага і Ігуменскага паветаў. Гэта інфармацыя і фатаграфіі этнографа даюць магчымасць вызначыць арэал распаўсюджвання тых альбо іншых планіровак жылля.

Паводле звестак сайта архіў РЭМ налічвае каля 180 тыс. адзінак захоўвання (негатываў і пазітываў), якія ахопліваюць перыяд з сярэдзіны 40-х гг. XIX ст. да сённяшняга часу. Дарэвалюцыйныя калекцыі налічваюць каля 50 тыс. фотаздымкаў. Гэта ўнікальныя візуальныя сведчанні, якія захавалі ландшафт, селішчы, жыллё, хатнія заняткі і рамёствы, нацыянальны беларускі строй. Архіў змяшчае працы і фотаздымкі такіх вядомых этнографаў, як Я. Ф. Карскі, У. М. Дабравольскі,

Мал. 2. Хата старасты, в. Вялікія Заходы, Горацкі павет, Магілёўская губерня.
Фотакалекцыя РЭМ 761-20. Фота В. К. Косткі, 1903–1904 гг.

Fig. 2. The village headman's dwelling. Bol'shiye Zakhody village, Gorki district, Mogilev province.
REM photo collection 761-20. Photo by V. K. Kostko, 1903–1904

А. К. Сержпутоўскі, В. К. Костка, Б. А. Рыбакоў, А. В. Лысенка і інш. Такім чынам, фонды Расійскага этнаграфічнага музея выключна багатыя матэрыяламі па культуры беларусаў, паколькі ў XIX – пачатку XX ст. гэты рэгіён быў зонай актыўнай навуковай цікавасці. Архіў змяшчае фатаграфіі, зробленыя ў рамках ранніх комплексных экспедыцый, калі этнографы мэтанакіравана дакументавалі тыпалогію сялянскіх сядзіб. Фотаздымкі звязаны з наступнымі тэмамі: тыпы дахаў (саламяныя, дранкавыя), размяшчэнне сядзібы (хата, хлеў, гумно і інш.), дэталі фасадаў. Архіў РЭМ, як правіла, захоўвае серыйныя здымкі (10–20 кадраў), якія паказваюць традыцыйнае жыллё ў розных ракурсах, што з'яўляецца ідэальным матэрыялам для даследавання аб'екта.

Фотаархіў ІМЭФ імя К. Крапівы НАН Беларусі. Фотаархіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі – гэта вузкаспецыялізаваны і нацыянальна арыентаваны фотаархіў, які зберагае ўнікальную інфармацыю аб матэрыяльнай культуры беларусаў, у тым ліку традыцыйным жыллі. Галоўная перавага фотаархіва ІМЭФ у тым, што ён збіраўся і працягвае папаўняцца з мэтай дакументавання этнаграфічнай спадчыны Беларусі.

Асноўны масіў фатаграфій архіва ІМЭФ – гэта канец 1940–1980-х гг. Першыя фотаздымкі традыцыйнага жылля ў фотаархіве ІМЭФ, зроблены этнографамі М. Я. Грынблатам і Л. А. Малчанавай (Любанскі р-н, 1949 г.) [19]. Назва гэтай этнаграфічнай экспедыцыі не ўказваецца ў архіўных картках. Пачынаючы з 1950-х гг. у картках-пратаколах зафіксаваны назвы наступных этнаграфічных экспедыцый: Гродзенска-Палеская экспедыцыя (1953 г.); Віцебска-Магілёўская (1955 г.), Паўднёва-беларуская (1955 г.), Мінска-Гомельская экспедыцыя (1956 г.) і інш. (мал. 3).

Фотафонд з'яўляецца выключна моцным па дакументацыі пачынаючы з 1950-х гг., калі этнаграфічныя даследаванні ў БССР былі вельмі актыўныя. У гэты перыяд вялася сістэматычная праца па фіксацыі змен у побыце насельніцтва. Этнографы фіксавалі як традыцыйныя, яшчэ не закранутыя зменамі пабудовы, так і новыя тыпы жылля, якія ўзнікалі ў 1940–1950-х гг. Фотаархіў ІМЭФ НАН Беларусі сістэматызаваны па геаграфічным і экспедыцыйным прынцыпах. Фотадакументацыя захоўваецца ў 12 драўляных каталожных скрынях. Кожная скрыня ўяўляе сабой самастойны сістэматызаваны блок (які змяшчае каля 500 картак-пратаколаў). У фотаархіве прыблізна каля 6000 тыс. фатаграфій, з іх каля 2000 тыс. фотаздымкаў традыцыйнага жылля

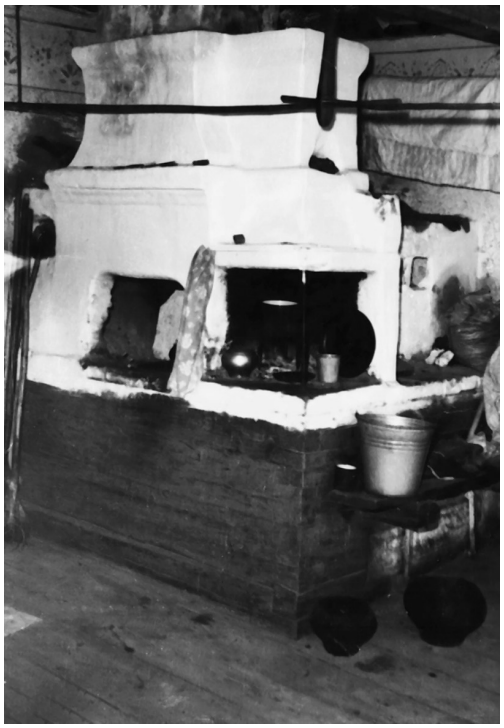
Мал. 3. Вяночны (круглы) двор, в. Званец, Журавіцкі р-н, Гомельская вобл.
Фота Л. А. Малчанавай, 1955 г. Віцебска-Магілёўская экспедыцыя

Fig. 3. Wreath (round) yard, Zvonets village, Zhuravitsky district, Gomel region.
Photo by L. A. Molchanova, 1955. Vitebsk-Mogilev expedition

Мал. 4. Покуць, в. Неглюбка, Веткаўскі р-н, Гомельская вобл. Фота П. Захаранка, 1965 г.

Fig. 4. Pokuts', Neglyubka village, Vetkovsky district, Gomel region. Photo by P. Zakharanka, 1965

Мал. 5. Печ, в. Рыскаў, Рагачоўскі р-н, Гомельская вобл. Фота П. Захаранка, 1965 г.

Fig. 5. Bake, Ryskov village, Rogachevsky district, Gomel region. Photo by P. Zakharanka, 1965

і яго фрагментаў, а таксама выяў гаспадарчых пабудоў. У асобнай скрыні захоўваюцца фатаграфіі прадметаў інтэр'ера традыцыйнага жылля (печ, сталы, абразы, лавы, палаці і інш.). Негатывы фотаархіва захоўваюцца асобна (мал. 4, 5).

Большая частка фатаграфій экспедыцый 1950–1960-х гг. захоўваецца ў першай каталожнай скрыні. У другой скрыні прадстаўлены фотаздымкі жылля і гаспадарчых пабудоў 1960–1970-х гг., у трэцяй – 1970–1980-х гг.

Фотаархіў цесна звязаны з палявымі этнаграфічнымі экспедыцыямі, якія праводзіліся на працягу шматлікіх дзесяцігоддзяў навуковымі супрацоўнікамі аддзела этнаграфіі ІМЭФ НАН Беларусі. Фатаграфіі прывязаны да падрабязных палявых справаздач, маюць навуковыя анатацыі, складзеныя у адпаведнасці з тагачаснымі і сучаснымі навуковымі праграмамі ІМЭФ НАН Беларусі. Для аналізу традыцыйнага жылля беларусаў (асабліва з улікам рэгіянальных адрозненняў – Заходняе і Усходняе Палессе, Панямонне, Цэнтральная Беларусь, Паазер'е і Падняпроўе) архіў ІМЭФ змяшчае больш грунтоўныя даныя, чым фотаархіў Расійскага этнаграфічнага музея.

Фотаархіў ІМЭФ утрымлівае больш фатаграфій тыпалагічных варыянтаў жылля, якія не з'яўляліся прыярытэтнымі для агульнарасійскіх музеяў. Матэрыялы, сабраныя беларускімі этнографамі, часта лепш адлюстроўваюць лакальныя асаблівасці будаўніцтва ў вызначанай вёсцы ці раёне. Калі правесці кампаратыўны аналіз з фотаархівам РЭМ, то там змяшчаюцца вельмі цікавыя раннія калекцыі (да 1920-х гг). Фотаздымкі, якія змяшчаюцца ў фотаархіве ІМЭФ, адлюстроўваюць канец 1940 – пачатак 1990-х гг. Такім чынам, фотаматэрыялы, сабраныя этнографамі РЭМ, дапамагаюць прасачыць эвалюцыю агульнай методыкі фотаздымкі праз работы буйных вучоных (канец XIX – пачатак XX ст.), а архіў ІМЭФ НАН Беларусі ўяўляе найбольш дэталізаваную калекцыю фатаграфій беларускага традыцыйнага жылля.

Фотаархіў Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту. Беларускі дзяржаўны музей народнай архітэктуры і побыту, заснаваны ў 1976 г., меў зусім іншую першасную мэту дакументацыі, чым ІМЭФ НАН Беларусі. Улічваючы, што асноўнымі задачамі музея з'яўляліся збор і музеефікацыя помнікаў драўлянага дойлідства, яго фотаархіў – самая поўная

і дэталізаваная крыніца па архітэктурных тыпах жылля. На пачатковым этапе работы музея былі праведзены дзясяткі экспедыцый, у якіх фіксаваліся даныя аб наяўнасці традыцыйнага жылля, сакральных аб'ектах, гаспадарчых і вытворчых пабудовах на тэрыторыі Беларусі. Першая этнаграфічная экспедыцыя адбылася ў 1977 г., аб чым сведчаць архіўныя матэрыялы музея [20, арк. 99–101]. На сённяшні дзень у архіве Беларускага дзяржаўнага музея народной архітэктуры і побыту (БДМНАП) захоўваецца некалькі дзясяткаў тысяч фатаграфій, а ў фондах музея – больш за 3000 негатываў. У фондах БДМНАП праведзена атрыбуцыя негатываў – усталяванне аўтарства, месца здымкі, часу і сюжэту, які ўключае візуальны аналіз, вывучэнне маркіроўкі на канвертах, прыцягненне архіўных матэрыялаў. Большая частка негатываў адлічбавана для скрупулёзнага даследавання дэталяў архітэктурнага аб'екта. У табліцы і на мал. 6 прыведзены прыклад атрыбуцыі аднаго з негатываў «негатыў "Вуліца"» з фотаархіва Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту.

Атрыбуцыйныя даныя фотанегатыва "Вуліца". Фотаархіў БДМНАП. КП 009960

Attributive data for the photo negative "Street". Photo archive of the BDMNAP. KP 009960

№ п/п	Прадметнае імя і назва, аўтар, кароткае апісанне, месца і час стварэння, матэрыял, тэхніка, памер	Ідэнтыфікацыйны нумар	Захаванасць
1	Негатыў "Вуліца"; А. І. Лакотка; змяшчае выяву вясковай вуліцы з двухбаковай забудовай. Абапал грунтовай вясковай дарогі забудаваныя сядзібы, якія павернуты тарцовымі фасадамі да вуліцы. Фасады з франтонамі, закотамі. Пераважна з двума вокнамі (з правага боку на здымку тры хаты); БССР; Гродзенская вобласць; Астравецкі раён; Спонды, вёска; 1979; фотастужка; апрацоўка хіміка-фатаграфічная (негатыўны працэс); 2,4 × 3,6	КП 009 960	1990/03/15 – на паверхні драпіны, плямы, адбіткі пальцаў, пашкоджана перфарацыя

Аналіз працэсаў камплектавання фотаархіваў выяўляе прынцыповае адрозненне ў структуры і форме дакументавання паміж навукова-даследчымі і музейнымі ўстановамі. У навукова-даследчай практыцы (напрыклад, у архівах ІМЭФ) першасная фіксацыя ажыццяўляецца ў форме каталожных картак (адзінак захоўвання), якія змяшчаюць фотавыяву і кароткую анатацыю. Гэта забяспечвае аператыўную выбарку даных. У фондах музея пад адкрытым небам фотафік-

Мал. 6. Вуліца, в. Спонды, Астравецкі р-н, Гродзенская вобл. Фотаархіў БДМНАП. КП 009960. Фота А. І. Лакоткі, 1979 г.

Fig. 6. Street, Spondy village, Ostrovets district, Grodno region. Photo archive BDMNAP. KP 009960. Fhoto A. I. Lakotka, 1979

сацыя інтэграваная ў абавязковыя экспедыцыйныя справаздачы. Гэтыя справаздачы, сшытыя па гадах або пэўных экспедыцыях, уяўляюць сабой збрашураваныя дакументальныя комплексы. У іх дэталёва фіксуюцца архітэктурныя асаблівасці (тып двара, канструкцыйныя элементы і г. д.) з непасрэдным прымацаваннем (наклейваннем) адпаведных фатаграфій у якасці ілюстрацыйнага матэрыялу. Такім чынам, сістэма захоўвання ў музеі арыентавана на цэласнасць палявога апісання, у той жа час сістэма фотаархіва ІМЭФ – на зручнасць каталагізацыі асобных аб'ектаў. Для фотаархіва ІМЭФ была характэрна фотафіксацыя этнаграфічнага кантэксту (традыцыйнае жыллё, інтэр'ер, штодзённае жыццё сялян і інш.), шмат здымкаў з людзьмі ў кадры (як носьбітаў культуры). У фотаархіве музея пад адкрытым небам адбывалася фіксацыя матэрыяльнай структуры, рабіўся акцэнт на архітэктурна-будаўнічых рашэннях, прысутнічала нізкая доля людзей у кадры.

Заключэнне. Такім чынам, фотаархівы музеяў і ІМЭФ НАН Беларусі з'яўляюцца важнай крыніцай для даследавання традыцыйнага жылля. Расійскі этнаграфічны музей змяшчае вялікую колькасць метадычна каштоўных фатаграфій, зробленых у канцы XIX – пачатаку XXI ст. У фотаархіве прысутнічае рэпрэзентатыўны корпус здымкаў традыцыйнага беларускага жылля, зафіксаваны рознымі пакаленнямі этнографаў, што дазваляе прасачыць эвалюцыю самой тэхнікі фіксацыі. Фотаархіў Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту ўдзяляе ўвагу архітэктурна-канструктыўным дэталям з мэтай захавання помніка. Акадэмічны архіў (ІМЭФ) акцэнтуе ўвагу на крыніцазнаўчай атрыбуцыі. Поўнае навуковае разуменне традыцыйнага жылля беларусаў магчыма толькі праз сінтэз будаўнічай дакументацыі, бытавой фіксацыі і метадалагічных верыфікаваных даных. Усе фотаархівы ўзаемадапаўняюць адзін аднаго і даюць найбагацейшы і дэталізаваны матэрыял па структуры і тыпалогіі самога жылля.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Громов, Г. Г. Методика этнографических экспедиций / Г. Г. Громов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 107 с.
2. Anthropology and Photography 1860–1920. – London: Yale University Press in Association with the Royal Anthropological Institute, 1997. – 275 p.
3. Абилова, Р. О. Основные направления источниковедческой работы с фотодокументами из музейных коллекций в современной российской историографии / Р. О. Абилова // Филология и культура. Исторические науки. – 2015. – № 2 (40). – С. 287–292.
4. Соболева, Е. С. Иллюстративные музейные коллекции как этнографический источник (на примере индонезийского фонда МАЭ) / Е. С. Соболева // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 2000. – Т. 48. – С. 190 – 195.
5. Толмачева, Е. Б. Фотография как этнографический источник: по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: дис… канд. ист. наук: 07.00.07 / Толмачева Екатерина Борисовна; Музей антропологии и этнографии им. П. Великого (Кунсткамера). – СПб., 2011.– 246 с.
6. Онлайн-проект «Собрание фотографий Российского этнографического музея» // Российский этнографический музей [сайт]. – URL: https://www.ethnomuseum.ru/collections/collection/sobranie-fotografij/ (дата обращения: 11.02.2026).
7. Архіў Расійскага этнаграфічнага музея (АРЭМ). – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 583.
8. АРЭМ. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 352.
9. Сербов, И. А. Поездки по Полесью в 1911 и 1912 гг. / И. А. Сербов. – Вильна: Сев.-Зап. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва, 1914. – 51 с.
10. Лебедева, Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР: Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам: материалы экспедиции 1927 г. / Н. И. Лебедева. – Вып. 1. – М., 1929. – 81 с.
11. Харузин, А. Славянское жилище в Северо-Западном крае: из материалов по истории развития славянских жилищ / А. Харузин. – Вильна: Типолитогр. Т-ва «Н. Мац и К°», 1907. – 341 с.
12. Бломквист, Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) / Е. Э. Бломквист // Восточнославянский этнографический сборник / [отв. ред. С. А. Токарев]. – М., 1956. – 458 с. – (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР; т. 31).
13. Локотко, А. И. Белорусское народное зодчество: середина XIX–XX в. / А. И. Локотко. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 287 с.
14. Сергачев, С. А. Белорусское народное зодчество / С. А. Сергачев. – Мн.: Ураджай, 1992. – 255 с.
15. Беларусы ў фотаздымках Ісака Сербава. 1911–1912 = The Belarusians in the photos by Isaac Serbau = Baltarusiai Isako Serbovo metu fotografijose / склад., аўт. уступ. арт. В. А. Лабачэўская; рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – 456 с.: іл.
16. Грунтоў, С. У. Забытая экспедыцыя 1923 года: ля вытокаў акадэмічнай этнаграфіі ў Беларусі: альбом-манаграфія / С. Я. Грунтоў, Я. Грыневіч, Н. Саўчанка. – Мн.: Бел. навука, 2023. – 216 с.

17. АРЭМ. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 573.

18. АРЭМ. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 578.

19. Фотаархіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Фота № 39. – Экспедыцыя ў Любанскі р-н Мінскай вобл., 1949 г.

20. Архіў Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту (БДМНАП). – Кн. 2. Справаздачы аб навуковых камандзіроўках па Рэспубліцы Беларусь (05.09.1977 – 25.12.1977).

References

1. Gromov G. G. *Methodology of ethnographic expeditions.* Moscow, University Publishing House, 1966. 107 p. (in Russian).

2. *Anthropology and Photography 1860–1920.* London, Yale University Press in Association with the Royal Anthropological Institute, 1997. 275 p.

3. Abilova R. O. The main directions of source study work with photographic documents from museum collections in modern Russian historiography. *Filologiya i kultura. Istoricheskie nauki = Philology and Culture. Historical Sciences,* 2015, no. 2 (40), pp. 287–292 (in Russian).

4. Soboleva E. S. Ilustrative museum collections as an ethnographic source (using the example of the Indonesian MAE collection). *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii = Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography,* 2000, vol. 48, pp. 190–195 (in Russian).

5. Tolmacheva E. B. *Photography as an ethnographic source: based on materials from the photo collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.* Abstract of D. Sc. diss. St. Petersburg, 2011. 246 p. (in Russian).

6. *Online project "Collection of photographs of the Russian Ethnographic Museum".* Available at: https://www.ethnomuseum.ru/collections/collection/sobranie-fotografij/ (accessed 11.02.2026) (in Russian).

7. *Archives of the Russian Ethnographic Museum (AREM),* coll. 1, aids 2, fol. 583 (in Russian).

8. *Archives of the Russian Ethnographic Museum (AREM),* coll. 1, aids 2, fol. 352 (in Russian).

9. Serbov I. A. *Trips to Polesie in 1911 and 1912.* Vilna, North-West Separate Imperial Russian Geographical Islands, 1914. 51 p. (in Russian).

10. Lebedeva N. I. *Dwelling and outbuildings of the Byelorussian SSR: Mozyr and Bobruisk districts along the left bank of the Pripyat and its tributaries:* materials of the 1927 expedition, iss. 1. Moscow, 1929. 81 p. (in Russian).

11. Haruzin A. *Slavic dwellings in the Northwestern region: from materials on the history of the development of Slavic dwellings.* Vilna, Typographical Society of N. Mats and Co., 1907. 341 p. (in Russian).

12. Blomkvist E. E. Peasant buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians (settlements, dwellings and farm buildings). *Vostochnoslavyanskij etnograficheskij sbornik = East Slavic Ethnographic Collection.* Proceedings of the N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. New Series. USSR Academy of Sciences. Moscow, 1956, vol. 31. 458 p. (in Russian).

13. Lokotko A. I. *Belarusian folk architecture: Mid 19th – 20th centuries*. Minsk, Navuka i technika Publ., 1991. 287 p. (in Russian).

14. Sergachev S. A. *Belarusian folk architecture.* Minsk, Uradjai Publ., 1992. 255 p. (in Russian).

15. Labacheŭskaya V. A. (ed). *The Belarusians in the photos by Isaac Serbau = Baltarusiai Isako Serbovo metu fotografijose.* Minsk, Belarus. Encycl. Name P. Brovka Publ., 2012. 456 p. (in Belarusian).

16. Gruntoŭ S. U. *Forgotten expedition of 1923: for the release of academic ethnography in Belarus: album-manography.* Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 2023. 216 p. (in Belarusian).

17. *Archives of the Russian Ethnographic Museum (AREM),* coll. 1, aids 2, fol. 573 (in Russian).

18. *Archives of the Russian Ethnographic Museum (AREM),* coll. 1, aids 2, fol. 578 (in Russian).

19. *Photo archives of the Institute of Cultural Studies, Ethnagraphy and Folklore of the National Academy of Sciences of Belarus.* Photo no. 39. Expeditions in Lyuban district, Minsk region, 1949 (in Russian).

20. *Archives of the Belarusian State Museum of Folk Architecture and Life.* Book 2. Information on scientific trips to the Republic of Belarus (05.09.1977 – 25.12.1977) (in Belarusian).

Информация об авторе

Наровская Алла Николаевна – кандидат исторических наук, доцент. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: anarovskaya@gmail.com. https://orcid.org/0009-0005-9066-5149

Information about the author

Alla N. Narouskaya – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: anarovskaya@gmail.com. https://orcid.org/0009-0005-9066-5149

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3-311.6’06.09
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-323-331

Паступіў у рэдакцыю 01.06.2026
Received 01.06.2026

Л. Г. Дуктава

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ ЖАНОЧЫХ ВОБРАЗАЎ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЕ ПРЫ АДЛЮСТРАВАННІ ТЭМЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Аннотация. Рассматриваются особенности репрезентации женских образов в прозе белорусских писателей трех поколений, отражающих тему Великой Отечественной войны. В эпических произведениях В. Быкова, И. Чигринова, В. Гниломедова, Е. Браво, М. Познякова созданы выдающиеся женские образы, с помощью которых многогранно проявляются черты национального характера: мужество, преданность родной земле, самопожертвование, милосердие, трудолюбие. Анализируются особенности репрезентации образа женщины в произведениях белорусских писателей, принимавших участие в боевых действиях в Великой Отечественной войне, на примере образа Франи в рассказе В. Быкова «Полюби меня, солдатик». Раскрывается специфика восприятия женских образов в романах писателей поколения «детей войны» И. Чигринова, В. Гниломедова; прослеживаются особенности изображения женщин на войне в романном цикле И. Чигринова; показаны традиции и новаторство в изображении дендрологических образов, имеющих женское начало, в эпических произведениях писателей разных поколений; охарактеризован потенциал в рецепции образа женщины в творчестве писателей – представителей наследников поколения победителей с учетом новой литературной ситуации в изображении темы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: военная проза, женский образ, эпическое произведение, Е. Браво, В. Быков, И. Чигринов

Для цитирования: Дуктава, Л. Г. Рэпрэзентацыя жаночых вобразаў у сучаснай беларускай прозе пры адлюстраванні тэмы Вялікай Айчыннай вайны / Л. Г. Дуктава // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 4. – С. 323–331. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-323-331

Liubou G. Duktava

Belarusian State University, Minsk, Belarus

REPRESENTATION OF FEMALE IMAGES IN MODERN BELARUSIAN PROSE WHEN ILLUSTRATING THE THEME OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article examines the features of the representation of female images in the prose of writers of three generations who reflect the theme of the Great Patriotic War. The epic works of V. Bykau, I. Chygrinau, U. Gnilomedau, E. Brava, and M. Paznyakou create outstanding female images, with the help of which the multifaceted traits of the national character are shown: courage, devotion to the native land, self-sacrifice, mercy, and hard work. The paper highlights the features of the depiction of women in the works of Belarusian writers who participated in the hostilities of the Great Patriotic War, focusing on the consideration of the image of Frani in the story “Love Me, Soldier” by V. Bykau; the specifics of the reception of female images in the novels of writers of the generation of “children of war” I. Chigrynau, U. Gnilamedau are revealed, the features of the depiction of women in war within the novel cycle of I. Chigrynau are traced; traditions and innovations in the depiction of dendrological images that have a female origin in the epic works of writers of different generations are revealed; the potential in the representation of female images in the work of writers – representatives of the descendants of the generation of winners is characterized, taking into account the new literary situation in the depiction of the theme of the Great Patriotic War.

Keywords: military prose, female image, an epic work, E. Brava, V. Bykau, I. Chygrinau

For citation: Duktava L. G. Representation of female images in modern belarusian prose when illustrating the theme of the Great Patriotic War. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academyof Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 4, pp. 323–331 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-323-331

© Дуктава Л. Г., 2026

Уводзіны. Ваенная тэматыка адносіцца да ліку магістральных у беларускай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI ст. Тэма батальных падзей 1940-х гг. гучыць шматаспектна, прадстаўлена літаральна ва ўсіх эпічных, лірычных, ліра-эпічных, драматычных жанрах у нацыянальнай літаратуры Беларусі. Да асаблівасцей адлюстравання ваеннай тэмы ў эпічных творах сучасных беларускіх пісьменнікаў, якія асэнсоўваюць падзеі Другой сусветнай вайны на вялікай часавай адлегласці, праз некалькі дзесяцігоддзяў, звяртаюцца даследчыкі М. Курыпка (дысертацыйнае даследаванне “Гераічны і трагічны модусы мастацкасці ў сучасным рамане пра Другую сусветную вайну ў англійскай і беларускай літаратурах (канец XX – пачатак XXI ст.)”) [7], А. Крыклівец (манаграфія “Сучасная беларуская літаратура аб Вялікай Айчыннай вайне: традыцыі, ідэалогія, паэтыка”) [6] і інш. Аднак адным з актуальных і мала распрацаваных з’яўляецца пытанне выяўлення асаблівасцей рэцэпцыі жаночых вобразаў у творах беларускіх празаікаў, якія напісаны ў перыяд новай літаратурнай сітуацыі (пачынаючы з 1986 г.), што абумоўлівае актуальнасць і вызначае мэту дадзенага даследавання. Культурна-гістарычны, параўнальны, апісальны метады аналізу мастацкага тэксту даюць магчымасць вылучыць тэндэнцыі ў паказе жаночых вобразаў у сучасных празаічных творах беларускіх пісьменнікаў розных пакаленняў.

Асноўная частка. Варта адзначыць, што над тэмай адлюстравання падзей Вялікай Айчыннай вайны працуюць прадстаўнікі літаратараў *трох пакаленняў*: удзельнікі ваенных дзеянняў, “дзеці вайны”, а таксама прадстаўнікі нашчадкаў пакалення пераможцаў. Сярод задач даследавання – вылучыць асаблівасці адлюстравання вобраза жанчыны ў творах беларускіх пісьменнікаў – удзельнікаў баявых дзеянняў Вялікай Айчыннай вайны, акцэнтуючы ўвагу на разглядзе вобраза Франі ў аповесці “Пакахай мяне, салдацік” В. Быкава; раскрыць спецыфіку рэцэпцыі жаночых вобразаў у раманах пісьменнікаў пакалення “дзяцей вайны” І. Чыгрынава, У. Гніламедава, прасачыць асаблівасці паказу жанчыны ў вайне ў межах раманнага цыкла І. Чыгрынава; раскрыць традыцыі і наватарства ў адлюстраванні дэндралагічнх вобразаў, якія маюць жаночы пачатак, у эпічных творах пісьменнікаў розных пакаленняў; ахарактарызаваць патэнцыял у рэпрэзентацыі жаночых вобразаў у творчасці пісьменнікаў – прадстаўнікоў нашчадкаў пакалення пераможцаў з улікам новай літаратурнай сітуацыі ў адлюстраванні тэмы Вялікай Айчыннай вайны.

У 1990–2000-я гг. працягваюць свой жыццёвы і творчы шлях пісьменнікі – *удзельнікі ваенных дзеянняў*, чый талент раскрыўся ў савецкі час. Гэта Янка Брыль (1917–2006), Васіль Быкаў (1924–2003), Іван Навуменка (1925–2006), Алесь Адамовіч (1927–1994), Іван Шамякін (1921–2004). У творах савецкага перыяду гэтых аўтараў створаны выдатныя жаночыя вобразы, з дапамогай якіх шматгранна паказаны рысы нацыянальнага характару, лепшыя ўзоры ўвайшлі ў літаратурную скарбніцу айчыннага прыгожага пісьменства. Непакорнасць і моц духу перад ворагам-захопнікам занатаваны ў вобразе Сцепаніды Багацька ў аповесці В. Быкава “Знак бяды” (1982). Жыццястойкасць і ахвярнасць – у вобразе-архетыпе маці, для якой не існуе чужых сыноў, у апавяданні “Маці” (1957) Я. Брыля. У дакументальнай кнізе А. Адамовіча, Я. Брыля, У. Калесніка “Я з вогненнай вёскі…” (1970–1973) жанчыны – жывыя сведкі карніцкіх дзеянняў, тыя, хто захаваў памяць пра пекла па знішчэнні членаў іх сям’і і аднавяскоўцаў. Жаночы пачатак адзначаецца ў шэрагу прыродных вобразаў-сімвалаў ваеннай прозы, падобных па сваёй жыццёвай сімволіцы, – маўклівае супраціўленне, адданасць роднай зямлі і трывушчасць. Гэта вобраз адзінокай сасны ў раманах І. Навуменкі, вобраз самотнай птушкі ў аповесці В. Быкава “Жураўліны крык” (1959).

У 1980–1990-я гг. у беларускай ваеннай прозе з’яўляецца новая плынь пры асэнсаванні падзей 1940-х гг., калі акцэнтуецца ўвага на псіхалогіі “дэфармаванага” вайной пакалення, пра што сведчаць творы і літаратараў гэтага пакалення – “Палон” (1991) М. Аўрамчыка, “Ахвяры” (1988–1989) І. Шамякіна, “Выканаўца” (1994) А. Асіпенкі.

У аповесці В. Быкава “Пакахай мяне, салдацік” адлюстраваны трагічны вобраз беларускі Франі. Дзеянні адбываюцца ў Аўстрыі ў 1945 г. Малады камандзір узвода супрацьтанкавых гармат, лейтэнант Змітрок Барэйка, сустракае на чужыне фактычна напярэдадні доўгачаканай Перамогі сваю зямлячку Франю. Здаецца, нават у час, калі вайна “кацілася пад адхон”, героі знаходзяцца ў атмасферы напружання і трывогі, але іх гутаркі паміж сабой нагадваюць пра звычайнае чалавечае жыццё, дзе ёсць месца каханню, міру, шчасцю, Богу. Выхаваная як ваяўнічая

атэістка, нягледзячы на жахі, з якімі сутыкнулася зашмат у час ваеннага ліхалецця, Франя, пачуўшы арган ды спевы “Аве, Марыя!”, становіцца хрысціянкай, сцвярджае, што Бога не можа не быць. Жанчына на вайне паказана ў аповесці В. Быкава як духоўна трывалая асоба, якую не надламала, “не агрубіла” вайна, яна засталася вернай спрадвечным агульначалавечым каштоўнасцям. Гераіня аповесці адзначае, што галоўнае – гэта чалавечнасць, а не розум, бо разумным можа быць і злачынца. Разам з тым пісьменнік у творы зусім не рамантызуе жаночы лёс у вайне, аўтар акцэнтаваў увагу на “аголенай праўдзе” (Франя загінула), дэтэрмінаванасці трагічнага лёсу дзяўчыны цяжкімі абставінамі ваеннага перыяду, у якіх, здаецца, праходзіць самая лепшая пара чалавека – пара маладосці. Жаночы вобраз у аповесці “Пакахай мяне, салдацік” В. Быкава адлюстраваны ў кантэксце асэнсавання праблемы страчанага пакалення.

У творах пісьменнікаў *пакалення “дзяцей вайны”* Івана Чыгрынава (1934–1996), Уладзміра Гніламедава (1937–2024) прысутнічае трагічнае і гераічнае: трагічнае гучанне народнай бяды падчас ваеннага ліхалецця і гераічны пафас, скіраваны на ўслаўленне подзвігу абаронцаў краіны.

У сярэдзіне 1990-х гг. народны пісьменнік Іван Чыгрынаў працягвае працу над пенталогіяй, якую пачаў у 1970-я гг. Да гэтага часу былі надрукаваны і экранізаваны тры першыя раманы эпічнага цыкла: “Плач перапёлкі” (1972), “Апраўданне крыві” (1977), “Свае і чужыя” (1984). У 1994 г. быў надрукаваны раман “Вяртанне да віны”, у 1996 г. – “Не ўсе мы згінем”. У цэнтры ўвагі эпапеі – народная барацьба, жыццё акупаванай беларускай вёскі падчас ваеннай навалы. Асноўная ўвага літаратуразнаўцаў пры вызначэнні мастацкіх вартасцей раманнага цыкла, герояў твораў сканцэнтравана на вобразах Радзівона Чубара, Дзяніса Зазыбы, але не засталіся па-за ўвагай даследчыкаў літаратуры і жаночыя персанажы ў эпапеі І. Чыгрынава. Т. Грамадчанка адзначае: “Чыгрынаўскіх гераінь цяжка ўявіць са зброяй у руках. Яны думаюць пра тое, чым накарміць дзяцей, трывожацца за лёс мужоў, сыноў, бацькоў” [2, с. 559].

У час, калі ўжо з’явіліся першыя два раманы пенталогіі, пісьменнік у інтэрв’ю ў газеце “Літаратура і мастацтва” выказвае пашану беларускай жанчыне на вайне: “Гэта ж не сакрэт, што яны, можа, зрабілі ў вайне найбольш. Бо неяк умелі і з мужчынамі жыць, неяк умелі і дзяцей нарадзіць, неяк умелі і працаваць, і патомства захаваць, і ваяваць, і хлеб сеяць, і паспагадаць, і раны перавязаць, умелі любіць і ненавідзець. Гэта нейкая ўсёабдымная з’ява – жанчыны ў вайне, асабліва ж вясковыя. Сваіх жонак я найперш пішу са сваёй маці Хадоскі Ігнатаўны” [1, с. 8]. Узгадаем, што ў рамане “Плач перапёлкі” маці пісьменніка выступае прататыпам да персанажа Хадоскі Гаўрыліхі (старшыніхі), паказанай у рамане працавітай і клапатлівай жонкай і маці: «Пакуль верамейкаўцы збіраліся ў гурты ды гаманілі, абмяркоўваючы вясковыя навіны, а больш – тое, што павінны былі сёння рабіць, Гаўрыліха паспела нажаць снапоў на цэлы ўмалот на таку, займаючы паласу як найшырэй. Аксюта Драніцава дарэмна казала – жанчына гэтая ніколі не “ўладала”, хоць была замужам за чалавекам, які доўгі час працаваў старшынёй суседняга з Верамейкамі сельскага Савета, бо ў хаце мела багата малых дзяцей, здаецца, пяцёра ажно, і ёй ці было калі нават адысці ад ночваў» [9, с. 37]. У пенталогіі створана галерэя жаночых вобразаў: Марфа Зазыба, Дуня Пракопкіна, Ганна Карпілава, Палага Хахлова, Вольга Макавец, Анюта Жмэйдава.

З аднаго боку, у раманным цыкле І. Чыгрынава вобраз жанчыны сімвалізуе працяг жыцця. Нават у ваенны час беларуская жанчына нараджае, натхняе, дбае пра сваю сям’ю, тым самым не дазваляе ні сабе, ні іншым блізкім ёй людзям скарыцца перад выклікам часу. Д. Бугаёў адзначае: «Разуменне цяжару жаночай долі, асабліва ў часы ваеннага ліхалецця, ды і агульная стылёвая арыентацыя стрымлівалі пісьменніка ад наўмыснага прыхарошвання вясковых жанчын, вымушалі яго звяртацца да падкрэслена рэалістычных фарбаў. Толькі пра Дуню Пракопкіну гаворыцца, што яе голас “вылятаў з грудзей, як пасярэбраны”. Ёсць таксама свая паэтычнасць, адчувальная больш у падтэксце, чым у прамым стылёвым выяўленні, у паказе радзінаў у Сахвеі Меляшонкавай, на якія, не зважаючы на ўсе нягоды вайны, збіраюцца верамейкаўскія жанчыны. Гэтыя радзіны можна ўспрымаць як сімвал трываласці жыцця, яго ўстойлівасці на разбуральных вятрах часу» [9, с. 14].

З другога боку, у пенталогіі паказана, як спее рашучасць у вермайкаўцаў па супрацьстаянні ворагу, яна датычыцца і жанчын. У рамане “Свае і чужыя” апісана сітуацыя, калі былі забіты нямецкія лётчыкі, якія зрабілі вымушаную пасадку за паўсотню кіламетраў ад лініі фронту.

Па адной версіі, аперацыяй па іх знішчэнні кіравала краснапольская міліцыя і “галоўнай ударнай сілай былі мясцовыя мужыкі, якія аблажылі немцаў з усіх бакоў, маючы на ўзбраенні тапары ды аглоблі” [9, с. 569]. Па другой версіі, знясіленых ворагаў забілі матыгамі сялянскія жанчыны, калі знянацку тыя патрапіліся на іх шляху: “Баранаў цяпер дакладна не ведаў, што здарылася з тымі нямецкімі лётчыкамі пасля, аднак чуў ад кагосьці, што нібыта міліцыянерам не ўдалося давесці іх да Краснаполля. Усе чацвёра палеглі пад ударамі матыг, з якімі накідваліся на іх па дарозе раз’юшаныя вясковыя кабеты… Такая нянавісць ужо была ў людзей да фашыстаў. Вось і сёння гаспадыня гэтай хаты адразу нагадала пра тое, што менавіта вясковыя кабеты, а ні хто іншы, пабілі тады нямецкіх лётчыкаў” [9, с. 569].

Варта адзначыць, што ў першых трох раманах пенталогіі аўтар звяртае ўвагу на тое, што вясковыя жанчыны атаясамліваюцца з маральным стрыжнем народа, які грунтуецца на стойкасці, вернасці роднай зямлі, адданасці сям’і, самаахвярнасці. Гэтыя традыцыі маюць працяг у мастацкім увасабленні жаночых вобразаў, адлюстраваных на старонках раманаў, напісаных у 1990-я гг., – “Вяртанне да віны”, “Не ўсе мы згінем”.

Выпрабаванне на чалавечнасць праз пакуты і жахі праходзіць Ганна, гэты жаночы вобраз адлюстраваны ў рамане “Вяртанне да віны”. На яе вачах была знішчана вёска Бароўка, загінулі родныя. У творы прадстаўлены вобраз не зламанай асобы, а здольнай перажыць сваё гора, працягваць жыць, выхоўваць дзяцей. У творы падкрэсліваецца, што яна не цураецца горкіх успамінаў, а захоўвае памяць, якая для яе не проста памяць пра ўласную старонку біяграфіі, а гэта народная памяць.

І. Чыгрынаў у творы “Вяртанне да віны” закранае пытанне здрадніцтва на вайне. Глыбокім псіхалагізмам прасякнуты вобраз маці паліцая Рэйдзіхі, што з’яўляецца мастацкім увасабленнем мацярынскай трагедыі. Клубок негатыўных пачуццяў суправаджае жанчыну з-за выбару, які зрабіў яе сын Якаў, калі перайшоў на варожы бок. Гэта і пачуццё сораму перад людзьмі за яго ўчынкі, а таксама пачуццё страху і вялікай віны за тое, што не можа сабе адмовіць знайсці і пахаваць цела свайго дзіцяці. Пісьменнік пазбягае адназначнасці ў адлюстраванні жаночых персанажаў, прадстаўленыя ў рамане вобразы паказаны ў віхуры перажыванняў, думак, страхаў, якімі жыве жанчына ў вайне.

У рамане “Не ўсе мы згінем” паказана некалькі пакаленняў вясковых жанчын, яны выступаюць сімвалам стойкасці і рашучасці, што адпавядае аптымістычнай назве твора. Вобраз жонкі Масея Зазыбы з’яўляецца ўвасабленнем такіх якасцей, як прыродная кемлівасць, цярплівасць, мудрасць, самаахвярнасць і чалавечнасць. Нягледзячы на боль, які перажывае Зіна Зазыба, калі сутыкаецца з несправядлівасцю падчас вайны, захоўвае сваю чалавечую годнасць перад тварам ворага, духоўную чысціню.

Вобраз жанчыны ў раманным цыкле І. Чыгрынава – нястомная працаўніца і добрая гаспадыня, верная жонка і клапатлівая маці, а таксама мужная салдатка.

У рамане “Вайна” (2010) У. Гніламедава – пятым творы акталогіі – паказана жыццё жыхароў прыпушчанскага краю ў часы ваеннага ліхалецця. У цэнтры ўвагі – жыццё вясковай сям’і заходнебеларускай вёскі. Шэраг персаніфікаваных раслінных вобразаў твора звязаны з жаночым пачаткам, што ўзбагачае мастацкую тканіну твора, задае пэўную эмацыянальную танальнасць у паказе ваенных падзей. Дэндралагічны код у рамане “Вайна” У. Гніламедава звязаны з вобразамі вішні і сасны. М. Курыпка звяртае ўвагу на сімвалічнае гучанне вобраза сасны ў рамане “Вайна”: “З чалавечай крывёю параўноўвае У. Гніламедаў раны расшчэпленай артылерыяй сасны з праславянскім дрэвам вечнасці, смала якога нібы кроў чалавечая” [7, с. 14]. Адлюстраваная выява, калі быў парушаны ствол сасны, выступае знакам страты мірнага ўсталяванага спакою і парадку. Разам з тым мастацкае ўвасабленне вобраза сасны ў творы У. Гніламедава працягвае традыцыі ў выкарыстанні гэтага вобраза ў ваеннай прозе І. Навуменкі. Надзяленне дрэва “чалавечымі якасцямі” набліжае да прачытання яго кодавага значэння як дрэва-салдата.

Што датычыцца вобраза вішні, адзначым, што ў творах вуснай паэтычнай творчасці ён звязаны з матывам нараджэння, плоднасці. Квітнеючае дрэва сямейства ружовых сімвалізуе дзяўчыну шлюбнага ўзросту.

У сцэне варожага наступлення ў рамане У. Гніламедава “Вайна” вайскоўцы зламалі дрэва, пасля чаго аголенае і скалечанае “цела-ствол” смакоўнай вішні застаецца ляжаць на доле:

«На прыгуменні ў Кужалёў, каля склепа, буйна зарадзіла вішня. Яна пайшла на дэсерт. Ягады яшчэ не даспелі, але кіслінка, мусіць, была дарэчы, таму што вайскоўцы паваліліся на вішаньку ў адначассе і ўсе разам. Дружна, з гоманам, абабралі ніжнія галіны, а вось да верхніх было не дабрацца. А наверсе вішні самыя спелыя. Немцы пераглянуліся паміж сабой, пагергеталі і пачалі з бессаромным нахабствам гнуць дадолу ўсё дрэва. Учапіліся за галіны, за ствол. Дрэва ўпарта не паддавалася.

– Verfluechte! (у перакладзе з нямецкай мовы “праклятае”. – *Л. Д.*) – лаяўся той, што іграў на гармоніку.

Повар прынёс сякеру. Пачалі секчы пад корань. Нарэшце вішню павалілі і, весела зарагатаўшы, абабралі дашчэнту. Ссечанае дрэва ляжала на зямлі голае, згвалтаванае, вываленае ў пяску, зможанае» [3, с. 29]. Зламаная вішня – персаніфікаваны вобраз прыгнечанай дзяўчыны – сімвалізуе маладую і прыгожую Беларусь у трагічны перыяд пачатку Вялікай Айчыннай вайны.

Жанчына ў творы У. Гніламедава паказана як руплівая працаўніца. У творы прысутнічае шэраг сцэн, у якіх адлюстравана калектыўная праца аднавяскоўцаў, падрабязна апавядаецца і пра зладжаны працоўны працэс у вясковым жаночым асяроддзі. Так, у рамане “Вайна” адлюстраваны трагічны момант: калі былі спалены вёскі Ліпна і Лёска Камянецкага павета, прускаўцы прымаюць рашэнне паставіць крыж з ручніком каля царквы як даніну традыцыі аховы падчас вялікай бяды. Да таго ж напярэдадні захопнікі скінулі з прускаўской царквы званы на пераплаўку для патрэб арміі. Згодна з хрысціянскай традыцыяй, і крыж, і ручнік вяскоўцы павінны былі зрабіць у адну ноч: мужчыны – зрабіць крыж, жанчыны – саткаць ручнік. У творы падрабязна распісаны ўвесь працэс працы па вырабу кужальнага палатна, у якім удзельнічаюць жанчыны. У працэсе калектыўнай работы над ручніком, які давялося ствараць за адну ноч, адчуваецца атмасфера адказнасці падчас пачэснай і руплівай працы з ільном: “Церніцу паставілі ў тым жа хляве, дзе ляжаў забыты лён, і хутка прапусцілі праз яе некалькі пакамечаных снапкоў. Адны пры запаленай лампе церлі, другія трапалі, чацвёртыя ладзілі калаўроты і кросны. Асабліва стараліся Света і Ганна Бочка, але праца спорылася і ў іншых. Рабілі як утрапёныя. За кудзелі, запусціўшы пявучыя калаўроты, селі Прося з Гэлькай Відэрка ды яшчэ Шведава Люба. Астатнія, у тым ліку і Фёкла, рабілі аснову і ўток, намотвалі ніткі на цэўкі. Якасць прадзіва прыдзірліва правярала Амелія, якая таксама ўдзельнічала ў агульнай справе – давала парады” [3, с. 437–438]; “Аснову заклалі ручную – як на ручнік. Ткала Фёкла, абазначаная ў гэтай справе. Праз гадзіну-другую атрымалася тонкае кужальнае палатно. Ручнік быў ужо гатовы, заставалася толькі вышыць на канцах арнамент і аздобіць карункамі. Вышывалі Фядора з Хомкавай Волькай, а карункі прынесла жонка Фёдара-японца Паліксена” [3, с. 438].

У раманах У. Гніламедава “Вайна” (2010), “Пасля вайны” (2015) паказаны вобраз славянскай жанчыны, які надзелены такімі рысамі нацыянальнага характару, як гасціннасць, шчырасць, спагада і дабрыня. У рамане “Пасля вайны” Фёкла дзеліцца хлебам, бульбай з жабраком-пагарэльцам, які наведаўся ў вёску: «“На падаянне жыву. Хто што дасць. Можа, хоць варыўца сырога? Можа, картоплі ёсць? У прысаку спяку… Здаецца, каб пад’есці хлеба даволі, дык і бяды б не было. Есці надта хочацца”. Фёкла прынесла з дзясятак бульбін і лусту хлеба з рэшткамі запечаных кляновых лісцяў. Не дай, дык тады самой соромна хлеб той есці. Але які там хлеб? Хлеб яна пякла дамешчваючы грэцкую муку, а часцей – драную бульбу, дадавала льняны або канапляны жмых» [4, с. 9]. Сутнасць гасціннасці заключаецца ў прадстаўленні чужынцу ўвагі і абароны. Разам з хлебам звязана ўяўленне пра долю чалавека. Хлеб выступае ўвасабленнем добрага лёсу чалавека. Сімвалічнае пажаданне лепшай долі ў творы паказана ў сцэне, калі Фёкла не толькі частуе, але і дае жабраку з сабой гасцінец: “Прасівец, атрымаўшы лусту хлеба, печанага з бульбай, перакінуў цераз плячо свае хатулі, яшчэ раз падзякаваў і патэпаў сваёй дарогай. Фёкла доўга пазірала яму ўслед, пра нешта думала” [4, с. 10].

У характары славян – павага да госця, адна з праяў якой выражаецца ў жаданні падзяліцца лепшым пачастункам. У рамане “Вайна” такой гасціннай гаспадыняй паказана ўдава Аграфена, што жыве на хутары, які наведалі партызаны: “Сапраўды, Аграфена была такая, што не магла не адгукнуцца на людскую бяду і не падтрымаць тых, хто ступіў на сцяжыну змагання са злом, якое прыйшло аднекуль на яе зямлю. Яна моўчкі абварыла бульбы, падагрэла боршч, разлажыла

ў міскі салёныя гуркі і капусту, паклала на стол некалькі пузакаватых цыбулін. Знайшла нават пляшку самагонкі. Гасцінная была кабета, бо ў дадатак да ўсяго пачала яшчэ з яечнай мукі пячы аладкі" [3, с. 171]. Але цёплая сустрэча скончылася трагічна, бо партызаны на хутары папалі ў акружэнне, трапіўшы ў "пастку" часцей вермахта. Здаецца, што ў момант, калі Аграфена адчувае, што фактычна нічым не можа дапамагчы і абараніць ад бяды завітаўшых у яе хату людзей, ёй застаецца толькі маліцца перад абразом Багародзіцы-заступніцы. І яна "упала ў покуце перад абразом на калені і пачала гучна маліцца, а потым не вытрымала і роспачна залямантавала" [3, с. 173]. Сапраўды, любая вайна – гэта ў першую чаргу супрацьстаянне ідэй, духоўнай моцы. І нават калі ў чалавека няма ў руках зброі, яго духоўная еднасць з абаронцамі на нябачным сілавым полі ўзнімае на барацьбу, дае магчымасць не страчваць надзеі і, канешне, набліжаць момант Перамогі.

Тэма Вялікай Айчыннай вайны набывае новае гучанне ў творчасці пісьменнікаў, якія нарадзіліся пасля Перамогі 1945 г., – *прадстаўнікоў нашчадкаў пакалення пераможцаў*, – Міхася Пазнякова (нар. 1951), Зінаіды Дудзюк (нар. 1950) і інш.

Гуманістычны падмурак мае вобраз Марфы ў апавяданні "Дабрыня" (2015) М. Пазнякова. Нягледзячы на вялікі матчын боль, яна гатовая сагрэць і падтрымаць кожнага. Нагадаем пра традыцыі беларускай літаратуры па стварэнні велічнага і праніклівага вобраза беларускай жанчыны-сялянкі, у якой баліць сэрца не толькі за сваіх дзяцей, але і за чужых. Вобраз-архетып маці прысутнічае ў творах трох пакаленняў літаратараў беларускай ваеннай прозы розных перыядаў развіцця беларускай літаратуры. Гэта апавяданне "Маці" (1957) Я. Брыля, раман "Вайна" (2010) У. Гніламедава, апавяданне "Дабрыня"(2015) М. Пазнякова.

У апавяданні "Дабрыня" М. Пазнякова прысутнічае матыў мацярынскай самаахвярнасці. Падобны жаночы вобраз адлюстраваны ў пранікнёным апавяданні "Маці" Я. Брыля, у якім гераіня твора ў адным з эпізодаў, нягледзячы на смяротную пагрозу, вырашае дапамагчы беглым з лагера і пачаставаць прасіўцаў, але сама пападае ў пастку за тое, што пашкадавала чужых сыноў, як магла б дбаць пра сваіх. Але ў апавяданні "Дабрыня" М. Пазнякова гэты вобраз жанчыны набывае асаблівы накал, бо паказана маці, якая, нягледзячы на страту закатаванага захопнікамі сына, здольная шкадаваць варожага салдата. Марфа шэпча ўслед разгубленаму і заплаканаму немцу, які пакідае вёску, не праклёны, а пажаданне вярнуцца як мага хутчэй да сваіх родных: "Хай дачакаюцца дзеткі бацьку. Хай дабярэцца да сям'і салдат" [8, с. 15]. Разуменне чалавечага болю сведчыць пра духоўную веліч і мужнасць, якія адлюстраваны ў гэтым жаночым вобразе. Сэрца маці мацнейшае за варожую ўзброеную сілу і яе салдат.

Традыцыі дакументальна-мемуарнай прозы пры адлюстраванні вобраза жанчыны падчас вайны працягвае З. Дудзюк, гэта шматгалоссе ўспамінаў прадстаўлена ў выданні "Выжыць на дарозе смерці".

Асаблівае месца ў творах сучасных празаікаў на тэму Вялікай Айчыннай вайны надаецца асэнсаванню жаночага подзвігу. Назіраецца эвалюцыя вобраза жанчыны, для якой характэрна ваяўнічасць, рашучасць падчас супраціўлення ворагу. Калі для твораў савецкага часу характэрны стрыманы паказ, то паступова мастакі слова звяртаюцца да пранікнёнага псіхалагізму ў адлюстраванні жанчыны на фронце, у тыле, у акупацыі. Яны не проста выконвалі ваенную працу (санітаркі, сувязісткі, разведчыцы, падпольшчыцы, партызанкі), але і станавіліся ўвасабленнем мужнасці, стойкасці і міласэрнасці ў самых нечалавечых умовах.

Тэма Вялікай Айчыннай вайны прысутнічае ў творах сучасных беларускіх празаікаў на маральна-этычную тэматыку, у якіх разам з адлюстраваннем рэалій сучаснага жыцця беларускага грамадства закранаюцца хвалюючыя пытанні здрадніцтва на вайне ("Па веры вашай" У. Гаўрыловіча), забойства або пакарання ("Свая філасофія вайны" У. Мароз), віны і прабачэння за карніцкія дзеянні ("Дараванне" А. Брава).

Пасля вайны наступае мірнае жыццё і паўстае новае пытанне – пытанне прабачэння. Прайшло некалькі дзесяцігоддзяў пасля Перамогі, нарадзіліся ўнукі і праўнукі тых, чыё жыццё было апалена вайной, з'явіўся новы дзяржаўны лад на абсягах былой савецкай краіны, сталі адкрытымі межы паміж дзяржавамі, якія раней прадстаўлялі сабой розныя – сацыялістычны і капіталістычны – блокі. Свет скіраваўся да пашырэння і развіцця сувязей паміж рэгіёнамі, краінамі, людзьмі,

але ў гісторыі кожнай беларускай сям'і жыве памяць пра трагедыю пякельных саракавых гадоў як асабістую бяду, крыўду і непрабачэнне за людскія страты. Цяжка папрасіць прабачэння за карніцкія дзеянні, але і дараваць таксама цяжка.

Тэму віны і прабачэння закранае А. Брава (нар. 1966) у аповесці "Дараванне" (2011). Дзеянні ў творы адбываюцца ў канцы XX стагоддзя падчас адкрыцця "жалезнай заслоны" паміж былымі савецкімі рэспублікамі і замежжам. Адна з прыкметных сацыяльных з'яў таго часу – сітуацыя, калі дзяўчаты і жанчыны былой краіны саветаў сталі выходзіць замуж за замежнікаў, іх лёс надалей складаўся за мяжой. Галоўная гераіня твора Ларыса Вашкевіч-Краўз узяла шлюб з немцам Ральфам, пераехала ў Германію. Яны жывуць у доме разам з хворым свёкрам Гансам, ветэранам вайны, які пакутуе на хваробу Альцгеймера і паступова страчвае сувязь з рэальнасцю. Беларускай эмігрантцы выезд за мяжу матываваны жаданнем палепшыць матэрыяльнае становішча. Але мары пра замежную казку і бесклапотнае жыццё разбіваюцца ўшчэнт, калі ў Германіі яна сутыкаецца з тым, што вымушана працаваць даглядчыцай старога хворага чалавека. Спачуванне, цярплівасць, пакора – якасці, якімі валодае галоўная гераіня, не губляе іх, здаецца, ні пры якіх абтавінах. Але своасаблівым іспытам на чалавечнасць з'яўляецца сітуацыя, якая звязана з ваеннай тэмай у аповесці.

"Рэха вайны" ў творы адчувальнае, асабліва гэта паказана ў сцэне, калі Ларыса даведалася пра тое, што былы салдат Ганс у гады вайны быў на яе малой радзіме: "А калі ён, каверкаючы, вымавіў назву з дзяцінства знаёмага ёй горада, яна не магла больш падманваць сябе: менавіта так усё і было – невыпадкова ён тады распытваў яе, і пра аэрадром дакладна ведаў… Унутры яе нібыта штосьці абарвалася… Некалькі начэй пасля гэтага яна ляжала без сну, і патрабавальнае гуканне старога, гучнае, як баявая труба, выдатна чутнае нават на другім паверсе, гуканне, якое раздавалася звычайна каля чатырох, апярэджваючы ўсе ранішнія гукі вёскі, заспявала яе з мокрым ад слёз тварам" [5, с. 31–32]. Аўтар паказвае цяжкі ўнутраны крызіс. З аднаго боку, Ларыса адчувае боль і нянавісць, а трэба знайсці сілы, каб іх пераступіць. З другога боку, далёка ад малой радзімы яна не згубіла еднасці з роднай зямлёй, бо ніякае матэрыяльнае дабро не можа знішчыць з памяці Ларысы крэўную сувязь.

Ларыса паўстала перад выбарам: прабачыць або не дараваць? Зразумела, што яна не можа дараваць чалавеку, які на яе малой радзіме калісьці ўдзельнічаў у карніцкіх аперацыях. Пякельныя ўспаміны пра трагічную гісторыю роднай вёскі, пра лёс аднавяскоўцаў і сям'і ў часы ваеннага ліхалецця не даюць спакою і быццам правакуюць на помсту. Яна адчувае, што не хоча дапамагаць хвораму свёкру Гансу Краўзу, былому нямецкаму салдату, лёс якога быў звязаны з трагічнымі часамі ў яе родных мясцінах. Аднак і не дапамагчы хвораму чалавеку, які знаходзіцца ў такім цяжкім стане, гучыць як прысуд. Прабачыць або не дараваць? Пісьменніца вымушае чытача падумаць над гэтым пытаннем, хоць і не дае на яго прамога адказу.

Атмасфера напружанасці і драматызму ў творы мяняецца, калі нечакана Ларыса трапіла на дзённікавыя запісы Ганса. Пачаўшы чытаць яго ўспаміны, змешчаныя ў сшытку, які быў выпадкова знойдзены, Ларыса даведалася пра каханне Ганса і дзяўчыны Зосі падчас вайны, пра яго шчырае жаданне ўратаваць яе ад бяды і трагедыю, якую ён перажыў, убачыўшы яе забітай. Да канца жыцця Ганс шукае адказы на складаныя пытанні сэнсу гвалтоўнага нападу на землі савецкай краіны: «У лесе мне паказалі сляды партызанскага лагера: папялішчы, крэпасці з бярвення. Раніцай бачыў у вёсцы павешанага партызана. На грудзях у яго дошчачка з надпісам: "Я забіваў нямецкіх салдат". Навошта мы прыйшлі на гэтую зямлю? Каб забіваць і быць забітымі?» [5, с. 69].

Кульмінацыйны момант аповесці – момант даравання. Знаходзячыся ў іншай краіне, Ларыса, па ўспамінах Ганса, зноў перажывае мінулую трагедыю сваёй сям'і, спаленай вёскі. Суперажыванне быццам яднае, робіць роднаснымі душы Ларысы і былога нямецкага салдата Ганса, які спрабаваў адвесці бяду ад тых, хто быў блізкім яе сэрцу.

Высновы. Такім чынам, у эпічных творах беларускіх празаікаў мяжы XX–XXI стст. адчуваецца захаванне традыцыі асэнсавання вайны, а таксама адлюстравання жаночых вобразаў – клапатлівай маці, для якой не існуе "чужых сыноў", вернай жонкі, нястомнай працаўніцы, салдатцы.

Новая хваля ў паказе вайны і вобраза жанчыны датычыцца таго, што празаікі трох пакаленняў літаратараў ад звароту да гераічнага пафасу скіраваліся да выкрыцця псіхалагічных перапетый пры адлюстраванні трагедыі “маленькага чалавека”, паказе жанчыны на вайне. Звяртаючыся да вобраза Франі ў аповесці “Пакахай мяне, салдацік”, В. Быкаў узнімае пытанне, як вайна крадзе ў дзяўчат маладосць і будучыню, у фокусе аўтарскай увагі знаходзіцца тэма страчанага пакалення. Разам з тым у творы падкрэсліваецца, што вайна “не агрубіла” людзей, маладая жанчына паказана як высока духоўная асоба.

У раманных цыклах пісьменнікаў пакалення “дзяцей вайны” І. Чыгрынава, У. Гніламедава выразна акрэслена тэма жанчыны-маці і вясковай працаўніцы. У пенталогіі І. Чыгрынава жаночыя вобразы Марфы Зазыба, Ганны Карпілавай, Зіны Зазыба вылучаюцца неверагоднай стойкасцю, унутранай высакароднасцю. Для жанчын у раманным цыкле характэрна стрыманасць на словы, жыццёвая мудрасць, што дазваляе ім захаваць чалавечнасць нават на папялішчы. Праз асобы сваіх гераінь (напрыклад, Фёкла, Аграфена) у раманах “Вайна”, “Пасля вайны” пісьменнік У. Гніламедаў паказвае ўменне знаходзіць сілы перажыць любыя трагедыі, міласэрнасць, маральную чысціню, гатоўнасць да самаахвярнасці. Абодва пісьменнікі, засноўваючыся на асабістых дзіцячых успамінах пра вайну, паказваюць сваіх гераінь са спачуваннем, падкрэсліваюць іх пакутніцкі лёс. Па сутнасці, на іх плечы кладзецца адказнасць за захаванне роду і маральных каштоўнасцей.

У рамане “Вайна” У. Гніламедава дэндралагічныя вобразы маюць жаночы пачатак, іх выкарыстанне ў прозе на тэму Вялікай Айчыннай вайны – працяг традыцыі, закладзенай у літаратуры савецкага часу, скіраваны на падкрэсленне трагічнага стану, у якім аказалася жанчына на вайне, як і ў цэлым краіна.

У творчасці празаікаў, якія з’яўляюцца прадстаўнікамі нашчадкаў пакалення пераможцаў, адзначаецца новая хваля ў асэнсаванні гістарычнага канфлікту, рэпрэзентацыі жаночых вобразаў. Вайна часта разглядаецца не толькі як мінулая падзея, а праз прызму памяці, якая баліць, гэта па сутнасці траўма, якая ўплывае на нацыянальную свядомасць і сучаснасць. У творах сучасных празаікаў пры асэнсаванні падзей Вялікай Айчыннай вайны жаночыя вобразы падаюцца ў звязцы з адлюстраваннем тэмы міласэрнасці (выратаванні жыцця іншых людзей) і захаваннем духоўнасці ў любых умовах.

У цэлым, у беларускай прозе вобраз жанчыны паказаны ў кантэксце адлюстравання спалучэння трагізму вайны і пошуку асабістага шчасця. Гэтая тэма развіваецца ў рэчышчы дакументалістыкі і псіхалагічнай рэфлексіі. Мастацкая думка сучасных празаікаў Беларусі надзвычай чуйная да памяці пра трагічныя старонкі ваенных часоў сярэдзіны мінулага стагоддзя і яе шматгалосных адбіткаў у сучасным жыцці. Вобраз жанчыны ў беларускай ваеннай прозе падчас новай літаратурнай сітуацыі – шматаблічны, шматсімвалічны, адлюстраваны ў кантэксце адвечнага, маштабнага і шматаспектнага пошуку трывалых асноў духоўнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гіль, М. Раман – гэта народ: [інтэрв’ю з лаўрэатам прэміі БССР Іванам Чыгрынавым] / М. Гіль // Літаратура і мастацтва. – 1979. – 29 чэрв. (№ 26). – С. 7–9.

2. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы; навук. рэд.: У. В. Гніламедаў, С. С. Лаўшук. – Мн.: Бел. навука, 2002. – Т. 4, кн. 1: 1966–1985. – 928 с.

3. Гніламедаў, У. Вайна: раман / У. Гніламедаў. – Мн.: Бел. навука, 2014. – 626 с.

4. Гніламедаў, У. Пасля вайны: раман / У. Гніламедаў. – Мн.: Бел. навука, 2021. – 522 с.

5. Дараванне: аповесці / А. Ждан, А. Брава, А. Федарэнка [і інш.]. – Мн.: Аверсэв, 2023. – 317 с.

6. Крикливец, Е. В. Современная белорусская литература о Великой Отечественной войне: традиции, идеология, поэтика / Е. В. Крикливец. – Витебск: ВГУ, 2025. – 132 с.

7. Курыпка, М. Гераічны і трагічны модусы мастацкасці ў сучасным рамане пра Другую сусветную вайну ў англійскай і беларускай літаратурах (кан. XX – пач. XXI ст.): аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук: 10.01.03; 10.01.01 / Курыпка Мікалай Алегавіч; Бел. дзярж. ун-т. – Мн., 2022. – 24 с.

8. Пазнякоў, М. П. Хлеб для партызанаў: апавяданні, эсэ, аповесць / М. П. Пазнякоў. – Мн.: Чатыры чвэрці, 2015. – 93 с.

9. Чыгрынаў, І. Выбраныя творы / І. Чыгрынаў. – Мн.: Харвест, 2008. – 992 с.

References

1. Gil' M. Roman is a people. *Litaratura i mastatsva* [Literature and Art], 1979, June 29, pp. 7–9 (in Belarusian).

2. *History of Belarusian literature of the 20th century. Vol. 4, book 1: 1966–1985.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2002. 928 p. (in Belarusian).

3. Gnilamedau U. *The war.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014. 626 p. (in Belarusian).

4. Gnilamedau U. *After the war.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021. 522 p. (in Belarusian).

5. Zhdan A., Brava A., Fedarenka A., Badak A., Benzyaruk A. *Forgiveness. Stories.* Minsk, Aversev Publ., 2023. 317 p. (in Belarusian).

6. Kriklivets E. V. *Contemporary Belarusian literature about the Great Patriotic War: traditions, ideology, poetics.* Vitebsk, Vitebsk State University, 2025. 132 p. (in Russian).

7. Kurypka M. *Heroic and tragic modes of artistry in the modern novel about World War II in English and Belarusian literature (late 20th – early 21st centuries).* Abstract of Ph. D. diss. Minsk, 2022. 24 p. (in Belarusian).

8. Paznyakou M. P. *Bread for the Partisans.* Minsk, Chatyry chvertsi Publ., 2015. 95 p. (in Belarusian).

9. Chygrynau I. *Selected works.* Minsk, Kharvest Publ., 2008. 992 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Дуктова Любовь Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент. Белорусский государственный университет (пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: duktova.liubou7@gmail.com

Informatiom about the author

Liubou G. Duktava – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus). E-mail: duktova.liubou7@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 34.09
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-332-342

Поступила в редакцию 17.04.2026
Received 17.04.2026

А. В. Денисевич[1], А. С. Валевко[2]

[1]Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
[2]Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Беларусь

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕЙ СИСТЕМЫ ДЕЛИКТОЛОГИИ (ПЕНОЛОГИИ)

Аннотация. Статья посвящена концептуальным и прикладным проблемам формирования общей деликтологии как интегративной межотраслевой науки, предметом которой выступают все виды правонарушений – преступления, административные деликты, гражданско-правовые нарушения и дисциплинарные проступки – в их взаимосвязи, взаимообусловленности и системном единстве. Обосновывается актуальность создания единой теоретической платформы, позволяющей преодолеть сложившиеся междисциплинарные и отраслевые барьеры, которые традиционно препятствуют целостному осмыслению феномена противоправного поведения. Систематизируются основные факторы, тормозящие построение общей деликтологии: разнородность правовой природы деликтов, вытекающая из различий в целях, принципах и методах отраслевого регулирования; отсутствие унифицированного понятийного аппарата, что затрудняет научную интеграцию и компаративные исследования; недостаточная разработанность общетеоретических оснований деликтологии в отечественной юриспруденции, а также фрагментарность эмпирических исследований, учитывающих взаимопереходы различных видов правонарушений, и др. Проведен сравнительный анализ административной деликтологии и криминологии, в рамках которого выявляются критерии разграничения и точки соприкосновения указанных направлений, а также рассматривается проблема соизмерения степени общественной опасности различных видов деликтов. Анализируются теория полиморфизма правонарушений, предлагающая многомерные классификации деликтов, а также концепции типизации и индивидуализации процессов деликтизации, включая криминализацию, декриминализацию, пенализацию и депенализацию. Отдельное внимание уделяется методологическим аспектам измерения степени общественной опасности деяний, вопросам дифференциации вида и размера наказания (взыскания), а также проблемам определения и количественной оценки наказуемости как ключевого элемента эффективности правового реагирования.

Ключевые слова: деликтология, пенология, полиморфизм, деликтизация, пенализация, типизация, индивидуализация, стигматизация, деликтологические факторы

Для цитирования: Денисевич, А. В. Теоретико-прикладные проблемы построения общей системы деликтологии (пенологии) / А. В. Денисевич, А. С. Валевко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 4. – С. 332–342. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-332-342

Aleksandr V. Dzenisevich[1], Alexandra S. Valevko[2]

[1]Belarusian State University, Minsk, Belarus
[2]Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Belarus

THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF BUILDING A GENERAL SYSTEM OF DELICTOLOGY (PENOLOGY)

Abstract. The article is devoted to the conceptual and applied problems of the formation of general delictology as an integrative interdisciplinary science, the subject of which is all types of offenses – crimes, administrative torts, civil law violations, and disciplinary offenses – in their interrelation, interdependence, and systemic unity. The relevance of creating a unified theoretical platform is substantiated, which allows overcoming the established interdisciplinary and sectoral barriers that traditionally hinder a holistic understanding of the phenomenon of illegal behavior. The paper systematizes the main factors that hinder the development of general delictology: the heterogeneity of the legal nature of torts, which stems from the differences in the goals, principles, and methods of sectoral regulation; the lack of a unified conceptual framework, which

© Денисевич А. В., Валевко А. С., 2026

makes scientific integration and comparative research difficult; and the insufficient development of the general theoretical foundations of delictology in jurisprudence, as well as the fragmentary nature of empirical studies that take into account the intersections of various types of offenses, etc. A special place in the article is occupied by a comparative analysis of administrative delictology and criminology, which identifies the criteria for distinguishing and points of contact between these areas, as well as examines the problem of measuring the degree of public danger of various types of torts. The article analyzes the theory of polymorphism of offenses, which offers multidimensional classifications of torts, and the concepts of typification and individualization of the processes of tort, including criminalization, decriminalization, penalization and depenalization. Special attention is paid to the methodological aspects of measuring the degree of public danger of acts, the issues of differentiating the type and amount of punishment (penalty), and the problems of defining and quantifying punishability as a key element of the effectiveness of legal response.

Keywords: delictology, penology, polymorphism, delictization, penalization, typification, individualization, stigmatization, delictological factors

For citation: Dzenisevich A. V., Valevko A. S. Theoretical and applied problems of building a general system of delictology (penology). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 4, pp. 332–342 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-332-342

Введение. Деликтология (от лат. *delictum* – правонарушение) – междисциплинарная наука, изучающая все виды противоправных деяний, её предмет охватывает генезис, детерминацию, структуру, динамику, профилактику и правовое регулирование деликтности (пенология – частная теория деликтологии) [1]. Наметившаяся тенденция, обусловливающая дальнейшее формирование данной науки, – гибридное развитие института деликтизации – приводит к выработке новых составов деликтов [2] с учетом общественных потребностей и государственных интересов. Одновременно происходит процесс упорядочения системы деликтов с целью усиления гарантий защиты прав и интересов участников правоотношений (в том числе компенсационного характера), связанных с тем или иным видом нарушений. В этой связи в последние десятилетия в юридической науке всё активнее обсуждается идея построения общей системы деликтологии – единой теоретической конструкции, которая могла бы интегрировать знания о всех типах правонарушений, выявить их общие черты и предложить универсальные методы исследования и противодействия. Однако создание такой системы сталкивается с серьёзными терминологическими, методологическими и правовыми препятствиями.

Основная часть. Деликтология представляет систему знаний о деликтности, факторах, детерминирующих ее развитие; о генезисе деформации личности и механизме нарушения норм права; о взаимосвязи между отдельными видами деликтов; о средствах и способах противодействия отдельным видам деликтов и деликтности в целом; о критериях оценки состояния деликтности и эффективности мер воздействия на нее [3].

В научной литературе отмечается о формировании комплексного научного направления (новой системы науки) деликтологии, которая может быть представлена: общей деликтологией (общие деликтологические проблемы генезиса и детерминированности преступлений и административных деликтов); криминологией; административной деликтологией [4, с. 14]. В то же время существует точка зрения о том, что административная деликтология не может быть включена в качестве составной части в общеделиктологическую науку, поскольку признание такого факта влечет отрицание существования криминологии как самостоятельной науки [5, с. 111]. Вместе с тем Д. Н. Бахрах считает административную деликтологию «младшей сестрой» криминологии, обосновывая это тем, что административная деликтология использует методы последней (например, социологические, статистические, специальные криминологические и др.), ее выводы и достижения [6, с. 513].

В частности, административная деликтология изучает нормативно обозначенный и достаточно значительный блок социальных явлений, составляющий в совокупности административную деликтность, отличную от преступности по правовым и социальным характеристикам, а также формам и методам предупреждения этих негативных явлений, направленным на снижение количества совершаемых административных правонарушений. К предмету административной деликтологии относятся общественные отношения, складывающиеся в процессе создания ее фундаментальных теоретических основ; обеспечения эффективности использования данных, полученных в результате статистических, социологических, административно-деликтологиче-

ских исследований; организации административно-юрисдикционной деятельности уполномоченных государственных органов по противодействию административной деликтности; разработки и совершенствования мер по предупреждению административных правонарушений, в том числе в рамках взаимодействия с общественностью в профилактике административной деликтности [7].

Криминология как наука, призванная исследовать теорию причинности преступлений, включает доказывание факта прямой или косвенной связи разных явлений с преступностью. Так, с научной точки зрения административные правонарушения считаются звеньями в цепи формирования преступного поведения, выступают в качестве элемента детерминации отдельных видов преступлений («количество административных правонарушений перерастает в качество преступлений»). Применительно к административной деликтологии указанная связь сводится к сопоставлению пограничных (смежных) составов административных правонарушений и преступлений, различия которых заключаются либо в степени общественной опасности, либо в иных последствиях (в частности, криминальных), а также субъектах ответственности (юридическое лицо не может быть субъектом преступления) с учетом того, что у обеих наук схожий (но не идентичный) предмет исследования, включающий количество, структуру, динамику совершения соответствующих правонарушений за определенный промежуток времени; лиц, их совершивших (личность делинквентов); выявление и изучение причин и условий, порождающих и способствующих совершению правонарушений; разработку программ профилактики по отдельным видам правонарушений либо их комплексу, мероприятия которых направлены на их предупреждение [8].

Вместе с тем теория полиморфизма деликтов [9] включает различные классификации деликтов. Так, деяния разделяются на преступные и непреступные [10, с. 47]. Административные деликты классифицируются на основные (административно наказуемые, административно устранимые, административно понуждаемые) и специальные (специальный (гибридный) административный деликт и административно-процессуальный деликт) [11]; административные проступки, значительные и грубые правонарушения (статья 2.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (далее – КоАП). Преступления классифицируются на те, которые не представляют большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие (статья 12 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 19 июля 1999 г. № 275-З). При этом административные правонарушения – деяния еще менее тяжкие, чем преступления, не представляющие большой общественной опасности. В этой связи следует не забывать и о ведущейся дискуссии о возможности выделения уголовных проступков, охватывающих как преступления небольшой тяжести, так и административные правонарушения, представляющие повышенную с позиции административно-деликтного права ответственность [12]. Сравнение норм, устанавливающих соответственно административную и уголовную ответственность, позволяет выделить в качестве элементов общей системы деликтов: типичные административные правонарушения, не требующие отграничения от преступлений; типичные преступления, не требующие отграничения от административных правонарушений; административные правонарушения и преступления смешанного вида (не типичные), т. е. имеющие соотносящиеся (смежные либо конкурирующие) составы [3]. Возможно обособление в отдельную категорию правонарушений и деликтов создания опасности с разделением их на два вида в зависимости от наличия вреда или угрозы его применения (деликты создания конкретной и абстрактной опасности) [13, с. 90].

Проведенный выше анализ позволяет выстроить следующую систему: непреступные (административные, гражданские, дисциплинарные деликты – базовый горизонтальный срез) и преступные деяния (вертикальный срез); вторичная надстройка – различные виды (группы) нарушений (так, в числе публичных деликтов выделяются конституционные, налоговые, медицинские и иные нарушения).

Вопросы деликтизации (криминализации, пенализации) как центральные компоненты деликтной политики традиционно являются проблемными в науке, законодательстве и правоохранительной практике. Соответственно, ядро деликтологии, ее фундамент составляет отношение

к двум проблемам: что есть правонарушение (какие деяния являются противоправными) и каким должно быть (может быть) реагирование на него государства (какие меры предупреждения этих деяний допустимы и необходимы). Решение первой проблемы находится в плоскости деликтизации деяний (ее рациональности и оптимальности). Решение второй проблемы связано со свойствами правовых мер (прежде всего наказаний), которые государство применяет, с их эффективностью, способностью достигать поставленных перед ними целей. Таким образом, жесткая деликтная политика ведется в целях повышения защиты государственных интересов и должна быть адекватна существующим угрозам (только деяние, причиняющее или способное причинить вред, может быть признано правонарушением, например, основанием установления уголовной ответственности является реальная угроза причинения существенного вреда охраняемым интересам личности, общества или государства).

Следовательно, к основным направлениям изучения и повышения эффективности деликтных норм относятся:

социально и научно обоснованная деликтизация деяний с учетом роли потенциального нарушителя, условий и факторов среды, механизма, последствий совершения и иных элементов состава общественной опасности, обстоятельств, исключающих деликтность деяния, интересов деликтной политики;

правильность квалификации деяний с учетом необходимости выявления и формулирования в диспозиции правовой нормы точных признаков деяния, которым придается юридическое значение, т. е. отличительных элементов состава правонарушения (острой для правоприменителей остается проблема конкуренции деликтных норм, как внутриотраслевой, так и межотраслевой, когда какое-либо деяние подпадает одновременно под признаки нескольких правовых норм, причем одна из норм противоречит другой, иногда они не находятся в противоречии, но охватывают одно и то же деяние в большем или меньшем объеме; конкуренция норм, отражающих признаки объективной стороны, может выражаться и в том, что одно противоправное деяние выступает способом совершения другого противоправного деяния, и в том, что вредные последствия, предусмотренные одной нормой, являются частью таких последствий, предусмотренных другой нормой; конкурировать могут и две специальные нормы; к вопросам квалификации относятся и вопросы преодоления конкуренции деликтных норм);

разработка системы действенных, справедливых и целесообразных наказаний (вида и размера), адекватных характеру этого деяния и правовым последствиям его совершения.

Например, общей нормой, предусматривающей административную ответственность за нарушение требований законодательства об обращении с отходами, в том числе формальных, является часть третья статьи 16.44 КоАП, санкция которой включает наложение штрафа в размере до 30 базовых величин, на индивидуального предпринимателя – до 100 базовых величин, а на юридическое лицо – до 1000 базовых величин. *Так, в ходе проведения в отношении ОАО «Л» проверки по вопросам обращения с отходами было установлено, что обществом в нарушение части второй пункта 2 статьи 26 Закона Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271-З «Об обращении с отходами» была изменена периодичность вывоза отходов производства и было превышено допустимое количество их накопления; в нарушение статьи 31 того же Закона не было получено разрешение на хранение и захоронение отходов производства при вывозе на захоронение отходов производства, не относящихся к коммунальным отходам; в нарушение пункта 3 Инструкции о порядке разработки и утверждения инструкции по обращению с отходами производства, утвержденной постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды от 22.10.2010 г. № 45, не была разработана и утверждена в установленном порядке инструкция по обращению с отходами общества.*

В то же время КоАП содержит и специальные нормы, предусматривающие административную ответственность в сфере обращения с отходами. В частности, согласно статье 16.22 КоАП, загрязнение леса и древесно-кустарниковой растительности, не входящей в государственный лесной фонд, отходами влечет наложение штрафа в размере до 10 базовых величин, на индивидуального предпринимателя – до 25 базовых величин, а на юридическое лицо – до 50 базовых величин. Кроме того, отдельные санитарные нормы и правила также содержат нормы, регули-

рующие порядок обращения с некоторыми видами отходов. Так, постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 30.12.2016 г. № 143 утверждены Санитарные нормы и правила «Требования к обращению с отходами производства и потребления». Однако административная ответственность в виде штрафа в размере до 30 базовых величин, на индивидуального предпринимателя – до 200 базовых величин, а на юридическое лицо – до 500 базовых величин за нарушение санитарных норм и правил предусмотрена статьей 17.5 КоАП. Таким образом, на практике постоянно возникают вопросы, связанные с выбором статьи, по которой необходимо квалифицировать нарушение. При этом размер штрафа в санкциях рассмотренных статей разнится и требует пересмотра и универсализации.

Аналогичная ситуация и с административной ответственностью за нарушение порядка снятия, использования и сохранения либо уничтожение плодородного слоя почвы, предусмотренной тремя статьями КоАП:

частью 2 статьи 16.10 КоАП, согласно которой нарушение порядка снятия, использования и сохранения плодородного слоя почвы при проведении работ, связанных с нарушением земель, влечет наложение штрафа в размере до 20 базовых величин, на индивидуального предпринимателя – до 100 базовых величин, а на юридическое лицо – до 300 базовых величин;

статьей 16.11 КоАП, согласно которой уничтожение плодородного слоя почвы влечет наложение штрафа в размере до 30 базовых величин, на индивидуального предпринимателя – от 10 до 100 базовых величин, а на юридическое лицо – от 20 до 500 базовых величин;

статьей 16.20 КоАП, согласно которой снятие (уничтожение) плодородного слоя почвы на площади свыше трех квадратных метров, а при проведении лесохозяйственной и иной деятельности – свыше установленных норм влечет наложение штрафа в размере до 20 базовых величин.

Таким образом, в КоАП целесообразно установить единообразный подход при применении административной ответственности за данное нарушение в части определения размера штрафов и субъектов административной ответственности. При этом существенной корректировки требует статья 16.20 КоАП, в которой снятие и уничтожение плодородного слоя почвы отождествляются.

Деликтизация деяния, т. е. придание ему свойств противоправности и наказуемости, в первую очередь обусловлена осознанием его общественной опасности, создающей угрозу для охраняемых законом общественных отношений. Так, общественная опасность гражданского деликта выражается в причинении вреда частным правам и интересам (имуществу, здоровью, нематериальным благам) конкретных лиц, что делает данный деликт общественно вредным явлением, влекущим гражданско-правовую ответственность (возмещение убытков, морального вреда). Общественная опасность дисциплинарного деликта также признается, но в гораздо меньшей степени, так как носит локальный характер, затрагивая в основном внутренний порядок организации и трудовую дисциплину, выражаясь в нарушении установленных правил, создании препятствий нормальной работе (опоздание на работу, прогул, неисполнение поручения) и являясь ключевым критерием привлечения к дисциплинарной ответственности (замечание, выговор, увольнение). Общественная опасность административного деликта также предмет отдельной дискуссии (в КоАП она за ним не закреплена в качестве признака, определяясь только формально-юридическими признаками (противоправность, виновность, наказуемость), что позволяет дискутировать даже о ее отсутствии, опасности только отдельных видов административных правонарушений).

Признавая общественную опасность деяния и необходимость его деликтизации, законодатель формулирует состав правонарушения, включая в его конструкцию (модель) наиболее значимые признаки, в которых и проявляется общественная опасность деликтизируемого деяния (например, с 22.12.2022 г. вступила в силу часть 2 статьи 13.2 КоАП, предусматривающая административную ответственность за неуказание в товарно-транспортной накладной или товарной накладной сведений, связанных с установлением цен на товары, в отношении которых осуществляется государственное регулирование цен, а равно указание в таких документах недостоверных сведений, связанных с установлением цен на указанные товары). При этом значение верификации общественной опасности состоит в том, что проверяемость опасного характера деяния позволяет утвердить легитимность правового запрета [14, с. 127].

Объективные критерии для «измерения» степени общественной опасности деяния ни теорией, ни практикой не определены. При их отсутствии практика идет по пути сравнения деяния, подлежащего деликтизации, с другими правонарушениями (в особенности смежными, хотя, например, по 22 составам преступлений с административной преюдицией 8 составов соответствующих административных правонарушений относятся к категории значительных, а не грубых). Здесь также возможно применение математических методов или оценивание опасности посредством использования специальных цифровых (в том числе на основе внедрения искусственного интеллекта) и иных подобных методов. Однако определить степень общественной опасности любого деликта без человеческого участия невозможно. Поэтому самым действенным, но не универсальным, способом оценки реальности общественной опасности деяния выступает метод экспертных оценок (нахождение средней экспертной оценки, Дельфи-метод [15, с. 14]).

Пенология как частная теория деликтологии – новое научное направление, предметом которого является выявление эффективных наказаний, отвечающее на вопросы: стимулирует ли ответственность (по вине или независимо от вины, с позиции «справедливости/несправедливости», с возмещением либо без возмещения (компенсации) вреда) к предотвращению нарушений или, наоборот, создает избыточные издержки, приводит ли она к избыточной осторожности или, наоборот, к безнаказанности [16; 17].

Таким образом, установление видов и размеров наказаний с учетом соответствия степени общественной опасности деликтизируемого деяния является ключевой проблемой пенологической политики. Соответственно, спецификой пенологического исследования деликтных норм является то, что изучению подлежат их части – диспозиция и санкция, сравнение которых выражается в определении: вида субъектов, на которых налагается наказание; вида(ов) наказаний; вида санкции (абсолютно определенная, относительно определенная, альтернативная или кумулятивная) с определением ее минимального и максимального размера. Учитывая изложенное, опорным оценочным базисом при установлении вида и размера наказания выступают следующие элементы: субъект правонарушения (в том числе юридическое лицо), точнее его материальное положение и правовой статус; степень общественной опасности, которая зависит от наступления общественно опасного результата; степень актуальности противодействия тому или иному правонарушению, способствующая заниженной или завышенной оценке степени его общественной опасности [18, с. 4].

В то же время на практике содержание санкции формируется по неопределенным основаниям. Очевидно, что данная практика не способствует формированию таких качеств (параметров, показателей) санкции, которые обеспечивали бы справедливость наказания, а значит, достижение цели ее применения.

Рассмотрим некоторые примеры из главы 13 КоАП.

Так, совершение акта недобросовестной конкуренции, предусмотренного ст.13.33 КоАП, влечет наложение штрафа в размере от 20 до 100 базовых величин, на индивидуального предпринимателя – от 100 до 200 базовых величин, а на юридическое лицо – до 10 % суммы выручки от реализации товара (работы, услуги), на товарном рынке которого совершено правонарушение, за календарный год, предшествующий году, в котором было обнаружено административное правонарушение, либо за предшествующую дню обнаружения административного правонарушения часть календарного года, в котором было обнаружено административное правонарушение, если правонарушитель не осуществлял деятельность по реализации этого товара (работы, услуги) в предшествующем календарном году, но не менее 400 базовых величин.

В данном примере сложность заключается в определении «оборотного» штрафа. В процессе установления размера выручки не принимаются во внимание расходы правонарушителя, непосредственно связанные с действиями, признанными нарушающими антимонопольное законодательство. На практике возникают значительные сложности, связанные с разграничением таких расходов от общего объема затрат. Возникает дискуссия относительно того, следует ли учитывать исключительно выручку, полученную на рынке, в рамках которого имело место нарушение, или всю выручку компании в целом. Аналогично возникает вопрос о том, каким образом учитывать многоотраслевую деятельность предприятия. Всё это указывает на то, что бюрократиза-

ция процесса выступает фактором, существенно затрудняющим практическое применение мер административной ответственности.

В соответствии с частью 2 статьи 13.11 КоАП, реализация или предложение к реализации товаров с истекшими сроками годности, хранения влекут наложение штрафа на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо в размере до 100 базовых величин.

В силу части третьей статьи 13 Закона Республики Беларусь от 09.01.2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» реализация товара (результата работы) по истечении установленных срока годности и (или) срока хранения, срока службы, а также товара (результата работы), на который должны быть установлены срок службы, срок годности и (или) срок хранения, но они не установлены, запрещается. Согласно части второй пункта 3 Правил продажи отдельных видов товаров и осуществления общественного питания, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22.07.2014 г. № 703, продавец обязан соблюдать законодательство о защите прав потребителей, общие требования пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологические требования, требования в области охраны окружающей среды, требования в области ветеринарии, требования технических регламентов Республики Беларусь, Таможенного союза и Евразийского экономического союза, иные обязательные для соблюдения требования технических нормативных правовых актов, правила пользования средствами измерений, включая обязанность использования исправных средств измерений, прошедших государственную поверку. Согласно пункту 51 Правил функционирования рынков, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16.07.2014 г. № 686, на торговых местах в соответствии с законодательством не допускается продажа (хранение) товаров с истекшим сроком годности или хранения.

Так, в ходе проверки заготовочного цеха по производству мясных полуфабрикатов было установлено, что указанным цехом в 2024–2025 гг. осуществлялся выпуск мясных полуфабрикатов, в том числе фарша «Домашний» и фарша из свинины полуфабриката охлажденного, выпускаемого по соответствующим технологическим картам. Согласно технологическим картам для вышеуказанных фаршей охлажденных срок их годности с момента окончания технологического процесса составлял 12 часов при температуре от +4 °С до +20 °С. Согласно представленным в ходе проверки производственным отчетам цеха по производству мясных полуфабрикатов, наряд-заказам по изготовлению фаршей, в том числе фарша «Домашний» и фарша из свинины охлажденных, было установлено, что в 2024–2025 гг. допущена их реализация в торговые объекты предприятия с истекшим на 1-3 дня сроком годности. Отгрузка вышеуказанных фаршей (с истекшим сроком годности) осуществлялась заведующим производством заготовочного цеха мясных полуфабрикатов, которым выписывались качественные удостоверения с указанием даты и времени изготовления, не соответствующие действительности (в качестве даты и времени изготовления указывались дата и время отгрузки фаршей). Фактически изготовление фаршей осуществлялось ранее, факт реализации после истечения сроков годности прослеживался в производственных отчетах, наряд-заказах.

В то же время, согласно пункту 8 Ветеринарно-санитарных правил реализации, хранения, транспортировки животных и продуктов животного происхождения, а также условий содержания животных на рынках, ярмарках (выставках), утвержденных постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 30.10.2025 г. № 120, реализация продуктов животного происхождения с истекшими сроками годности (хранения), не соответствующих требованиям законодательства в области ветеринарной деятельности, не допускается. Вместе с тем в соответствии со статьей 16.28 КоАП нарушение ветеринарно-санитарных правил влечет наложение штрафа в размере до 30 базовых величин, на индивидуального предпринимателя и юридическое лицо – от 20 до 200 базовых величин.

Согласно пункту 180 Санитарных норм и правил «Санитарно-эпидемиологические требования для организаций, осуществляющих торговлю пищевой продукцией», утвержденных постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28.08.2012 г. № 132, в организациях запрещается торговля пищевой продукцией с истекшими сроками годности (хранения). Вместе с тем в соответствии со статьей 17.5 КоАП нарушение общих санитарно-эпидемиоло-

гических требований, установленных Президентом Республики Беларусь, а также санитарных норм и правил влекут наложение штрафа в размере до 30 базовых величин, на индивидуального предпринимателя – до 200 базовых величин, а на юридическое лицо – до 500 базовых величин.

Так, в ходе проведения проверки магазина было установлено, что в торговом зале к реализации предлагалась продукция (свекла столовая) с признаками недоброкачественности, что является нарушением пункта 45 Общих санитарно-эпидемиологических требований к содержанию и эксплуатации капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений и иных объектов, принадлежащих субъектам хозяйствования, утвержденных Декретом Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства», и влечет применение административной ответственности по статье 17.5 КоАП.

В то же время по факту выпуска в обращение (реализации) кулинарной продукции, не соответствующей ТНПА (например, свекла отварная должна иметь бордовый цвет, фактически – с признаками недоброкачественности), данное нарушение было квалифицировано по части 1 статьи 24.8 КоАП. Вышеуказанным были нарушены требования пункта 6 статьи 23 Закона Республики Беларусь от 05.01.2004 г. № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации», подпункта 5.2.1 пункта 5.2 государственного стандарта Республики Беларусь СТБ 1210-2010 «Общественное питание. Кулинарная продукция, реализуемая населению. Общие технические условия», технологической карты «Свекла отварная», утвержденной директором магазина.

При этом, согласно пункту 4 статьи 5 Технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 г. № 880), пищевая продукция с истекшими сроками годности подлежит изъятию из обращения. Вместе с тем в соответствии с частью 1 статьи 24.8 КоАП выпуск продукции в обращение с нарушением соответствующих технических требований влечет наложение штрафа в размере до 15 базовых величин, на индивидуального предпринимателя – до 100 % от стоимости продукции (выполненных работ, оказанных услуг), а при невозможности ее установления – до 300 базовых величин, а на юридическое лицо – до 100 % от стоимости продукции (работ, услуг), а при невозможности ее установления – до 500 базовых величин.

В этой связи важное значение для повышения эффективности ответственности имеют принципы наказуемости, к которым исходя из положений общей теории права относятся принципы соответствия, соотносимости, формальной определенности, аналогичности и дифференциации. Так, наряду с принципом соответствия наказания совершенному нарушению применяется принцип соотносимости (адекватности) друг другу различных альтернативных видов санкций и их размеров (сроков) применительно к конкретным составам правонарушений.

Одновременно следует отметить отсутствие результативных исследований, касающихся механизма расчета эффективности санкций. В научной литературе для количественной характеристики эффективности наказаний предложена следующая формула, предусматривающая соотношение результата и цели: рациональный потенциальный правонарушитель будет отказываться нарушать закон, если чистая выгода будет отрицательной [19, с. 61]. Однако ее применение осуществляется, как правило, в отношении экономических правонарушений. В длительной перспективе отдельными учеными предлагается применение следующего алгоритма: предупреждение за первый проступок (преимущественно формально-безвредный), «дневные ставки» (аналог кратности штрафа) как справедливая издержка, восстановление вреда как приоритетная цель [20], хотя вред причиняется не всегда, а его возмещение осуществляется, как правило, одновременно с применением наказания.

В то же время при анализе эффективности действия деликтных норм принципиальную значимость имеет выявление критериев, позволяющих обосновать и раскрыть реальную степень эффективности ответственности и ее качественные показатели на разных стадиях юридического процесса, т. е. как на стадии нормотворческого (деликтное нормотворчество, типизация), так и на стадии правоприменительного (деликтный процесс, индивидуализация) процесса (например, с учетом правоприменительной практики санкция статьи 13.12 КоАП вместо штрафа с конфискацией стала предусматривать штраф до 50 % от стоимости предмета административного правонарушения, суммы выручки, полученной от реализации товаров). Соответственно, одним

из направлений формирования новой модели пенализации следует признать «специализацию» санкций, что реализуется посредством формирования категории «типизация пенализации», исходя из положений теории типизации (типовой санкции) [21; 22, с. 211]. Индивидуализация пенализации предполагает выбор размера наказания исходя из положений теории индивидуализации [23, с. 53].

Заключение.

1. Деликтология – междисциплинарная наука, в структуру которой входит изучение деликтности как правового феномена; место, роль и ее значение в системе правоотношений; закономерности, условия и факторы существования, развития и формы проявления; методология исследования (критерии оценки состояния, прогнозирование тенденций и т. д.); проблемы деликтизации; деликтологическая характеристика отдельных видов правонарушений (субъектный состав, причины совершения и т. д.); направления (способы, средства и методы) воздействия на деликтность; критерии оценки деятельности государственных органов в этом аспекте; предупреждение (профилактика) деликтности и отдельных видов деликтов; проблемы правового регулирования и пр. Проведенный выше анализ позволяет выстроить следующую систему: непреступные (административные, гражданские, дисциплинарные деликты – базовый горизонтальный срез) и преступные деяния (вертикальный срез); вторичная надстройка – различные виды (группы) нарушений.

2. Проблемы построения общей системы деликтологии:

разнородность правовой природы деликтов – основная трудность заключается в принципиальном различии степени общественной опасности, целей и функций, правовых режимов различных видов деликтов (уголовных, административных, гражданских, дисциплинарных), что требует устранения междисциплинарных барьеров, поиска надотраслевых категорий (унификации деликтного права), либо следует признать, что единый регулятивный подход невозможен;

отсутствие единой терминологии и методологии – каждая отраслевая деликтология использует свой понятийный аппарат и методы исследования (например, административная деликтология опирается на социологические и статистические методы, тогда как гражданское деликтное право строится на догматическом и сравнительно-правовом анализе), нет общепризнанных базовых категорий (например, «вина», «причинная связь», «вред»), отсутствует действенная универсальная методика прогнозирования деликтности;

высокая степень непредсказуемости динамики деликтности – обусловлена постоянными и переменными факторами деликтного и неделиктного характера, их разнообразностью, а также недостаточной изученностью многообразия латентных деликтологических факторов и т. д.;

недостаточная исследованность новых видов ответственности – в процессе изучения находятся новые основания ответственности за причинение вреда, условия применения компенсации сверх причиненного вреда, вопросы стигматизации правонарушителя и др.;

слабая разработанность общей теории – несмотря на попытки отдельных учёных провозгласить «новую эпоху общей деликтологии», эта теория до сих пор не получила системного развития в науке (отсутствуют фундаментальные труды, которые бы комплексно рассматривали все виды деликтов в их взаимосвязи, а также исследования взаимосвязи макропричин правонарушений с отдельными их группами, взаимообусловленности их друг с другом).

Список использованных источников

1. Дерюга, А. Н. Концептуально-прикладные аспекты развития административной деликтологии: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Дерюга Артем Николаевич. – М., 2012. – 479 л.

2. Кобзарь-Фролова, М. Н. Теоретико-правовые и прикладные основы налоговой деликтологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна; Рос. тамож. акад. – М., 2012. – 53 с.

3. Денисенко, В. В. Деликтология: от конфронтации к интеграции административной деликтологии и криминологии / В. В. Денисенко // Административное право и процесс. – 2011. – № 6. – С. 2–7.

4. Денисович, В. В. Административная деликтология как наука / В. В. Денисович // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – Т. 1, вып. 2. – С. 12–17.

5. Бельский, К. С. Феноменология административного права / К. С. Бельский. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1995. – 145 с.

6. Бахрах, Д. Н. Административное право России: учебник / Д. Н. Бахрах. – М.: Норма: Инфра-М, 2000. – 623 с.

7. Маматазизова, Н. К. К вопросу о теории административной деликтологии / Н. К. Маматазизова // Административное право и процесс. – 2016. – № 3. – С. 64–66.

8. Дерюга, А. Н. О соотношении административной деликтологии и криминологии / А. Н. Дерюга // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 82–88.

9. Стахов, А. И. О необходимости разработки теории полиморфизма административных деликтов / А. И. Стахов // Административное право и процесс. – 2024. – № 3. – С. 3–6. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-3-3-6

10. Денисенко, В. В. Деликтология: предмет, метод и система науки / В. В. Денисенко. – Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2001. – 71 с.

11. Ландерсон, Н. В. О классификации административных деликтов, выявляемых в правовой системе Российской Федерации / Н. В. Ландерсон // Административное право и процесс. – 2024. – № 3. – С. 17–23. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-3-17-23

12. Зырянов, С. М. Еще раз об общественной опасности административного правонарушения / С. М. Зырянов // Административное право и процесс. – 2017. – № 6. – С. 43–46.

13. Морозова, Н. А. Составы создания абстрактной и реальной опасности в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях / Н. А. Морозова // Российский юридический журнал. – 2022. – № 5. – С. 90–99. https://doi.org/10.34076/20713797_2022_5_90

14. Лопашенко, Н. А. Общественная опасность деяния: верификация невозможна? / Н. А. Лопашенко // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 8. – С. 127–138. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.165.8.127-138

15. Нечевин, Д. К. Общественная опасность преступления: генезис понятия и проблема измерения и отграничения от административного правонарушения / Д. К. Нечевин, Л. М. Колодкин // Административное право и процесс. – 2020. – № 1. – С. 14–21. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-1-14-21

16. Дерюга, А. Н. Объект административной пенологии / А. Н. Дерюга, С. Н. Шаклеин // Административное право и процесс. – 2020. – № 11. – С. 37–42. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-11-37-42

17. Дерюга, Н. Н. Административно-пенологические вопросы эффективности административных наказаний / Н. Н. Дерюга, А. Н. Дерюга // Административное право и процесс. – 2024. – № 3. – С. 7–11. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-3-7-11

18. Дерюга, Н. Н. Правовой контур административной пенологии: проблемы современного состояния / Н. Н. Дерюга, А. Н. Дерюга // Административное право и процесс. – 2018. – № 2. – С. 4–14.

19. Рогачева, О. С. Эффективность норм административно-деликтного права / О. С. Рогачева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 356 с.

20. Денисенко, В. В. Перспективы развития института административной ответственности: реальность и иллюзии / В. В. Денисенко // Административное право и процесс. – 2025. – № 11. – С. 12–18. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-11-12-18

21. Авдеенко, Н. А. О формальности категоризации преступлений / Н. А. Авдеенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 5. – С. 35–37.

22. Густова, Э. В. Теоретические основы построения уголовно-правовых санкций / Э. В. Густова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (21). – С. 206–216.

23. Коренная, А. А. Типизация и индивидуализация пенализации преступлений в сфере экономической деятельности / А. А. Коренная // Безопасность бизнеса. – 2024. – № 4. – С. 53–59. https://doi.org/10.18572/2072-3644-2024-4-53-59

References

1. Deryuga A. N. *Conceptual and applied aspects of the development of administrative tort law.* Ph. D. Thesis. Moscow, 2012. 479 p. (in Russian).

2. Kobzar'-Frolova M. N. *Theoretical, legal and applied foundations of tax tort law.* Abstract of Ph. D. diss. Moscow, 2012. 53 p. (in Russian).

3. Denisenko V. V. Tortology: from confrontation to integration of administrative tortology and criminology. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2011, no. 6, pp. 2–7 (in Russian).

4. Denisovich V. V. Administrative delictology as science. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law,* 2016, vol. 1, no. 2, pp. 12–17 (in Russian).

5. Bel'skii K. S. *Phenomenology of administrative law.* Smolensk, Publishing House of Smolensk Humanitarian University, 1995. 145 p. (in Russian).

6. Bakhrakh D. N. *Administrative law of Russia*. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2000. 623 p. (in Russian).

7. Mamatazizova N. K. Revisiting the administrative delictology theory. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2016, no. 3, pp. 64–66 (in Russian).

8. Deryuga A. N. Of correlation of administrative delictology and criminology. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law,* 2011, no. 2, pp. 82–88 (in Russian).

9. Stakhov A. I. On the need for the development of the theory of polymorphism of administrative torts. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2024, no. 3, pp. 3–6 (in Russian). https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-3-3-6

10. Denisenko V. V. *Tortology: subject, method and system of science*. Rostov-on-Don, Rostov Legal Institute, 2001. 71 p. (in Russian).

11. Landerson N. V. On the classification of administrative torts identified in the legal system of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2024, no. 3, pp. 17–23 (in Russian). https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-3-17-23

12. Zyryanov S. M. Public danger of administrative offence revisited. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2017, no. 6, pp. 43–46 (in Russian).

13. Morozova N. A. Offences creating an abstract and a specific danger in the code of the Russian Federation on administrative offenses. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal,* 2022, no. 5, pp. 90–99 (in Russian). https://doi.org/10.34076/20713797_2022_5_90

14. Lopashenko N. A. Public danger of the act: verification impossible? *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law,* 2024, vol. 19, no. 8, pp. 127–138 (in Russian). https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.165.8.127-138

15. Nechevin D. K., Kolodkin L. M. Social danger of a crime: the concept genesis and the issue of measurement and demarcation from an administrative offense. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2020, no. 1, pp. 14–21 (in Russian). https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-1-14-21

16. Deryuga A. N., Shaklein S. N. The object of administrative penology. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2020, no. 11, pp. 37–42 (in Russian). https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-11-37-42

17. Deryuga N. N., Deryuga A. N. Administrative-penological issues of effectiveness of administrative penalties. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2024, no. 3, pp. 7–11 (in Russian). https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-3-7-11

18. Deryuga N. N., Deryuga A. N. The legal framework of administrative penology: issues of the modern status. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2018, no. 2, pp. 4–14 (in Russian).

19. Rogacheva O. S. *Effectiveness of norms of administrative tort law.* Voronezh, Publishing house of Voronezh State University, 2011. 356 p. (in Russian).

20. Denisenko V. V. Prospects for the development of the institution of administrative liability: reality and illusions. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2025, no. 11, pp. 12–18 (in Russian). https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-11-12-18

21. Avdeenko N. A. On the formality of the categorization of crimes. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences,* 2017, no. 5, pp. 35–37 (in Russian).

22. Gustova E. V. Theoretical bases of construction of criminal sanctions in the criminal code of the Russian Federation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law,* 2015, no. 2 (21), pp. 206–216 (in Russian).

23. Korennaya A. A. A type-based and individual approach to crime penalization in the economic activity sphere. *Bezopasnost' biznesa = Business Security,* 2024, no. 4, pp. 53–59 (in Russian). https://doi.org/10.18572/2072-3644-2024-4-53-59

Информация об авторах

Денисевич Александр Викторович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220006, Минск, Республика Беларусь). E-mail: law@bsu.by

Валевко Александра Сергеевна – магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и уголовного права юридического факультета. Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой (ул. Блохина, 30, 211440, Новополоцк, Республика Беларусь). E-mail: a.nuzhdina@psu.by

Information about the authors

Aleksandr V. Dzenisevich – D. Sc. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Faculty of Law, Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220006, Belarus). E-mail: law@bsu.by

Alexandra S. Valevko – MA (Law), Senior Lecturer, Department of Constitutional and Criminal Law, Faculty of Law, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk (30 Blohina Str., Novopolotsk 220072, Belarus). E-mail: a.nuzhdina@psu.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 33.332.1
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-343-352

Поступила в редакцию 07.07.2026
Receeved 07.07.2026

Т. С. Вертинская

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА «СИЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассматривается совершенствование административно-территориального деления (АТД) как фактор регионального развития и реализации приоритета «Сильные регионы» Программы социально-экономического развития Беларуси на период 2026–2030 гг. Выявлены проблемы АТД, определены ключевые мировые тенденции пространственного развития на современном этапе, рассмотрена эволюция изменения АТД в стране, обобщена теоретическая основа формирования пространственных границ реализации экономических отношений. Разработаны ключевые теоретические положения укрупнения административно-территориальных единиц путем объединения городов областного подчинения и прилегающих административно-территориальных районов, что формирует научную основу для практического применения при объединении городов областного подчинения Барановичи, Пинск, Бобруйск с одноименными районами.

Ключевые слова: агломерация, административно-территориальное деление, кластеры, пространственное развитие, региональный экономический рост, теории, укрупнение административно-территориальных единиц

Для цитирования: Вертинская, Т. С. Совершенствование административно-территориального деления Беларуси в контексте реализации принципа «Сильные регионы»: теоретический аспект / Т. С. Вертинская // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 4. – С. 343–352. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-343-352

Tatiana S. Vertinskaya

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

IMPROVEMENT OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION OF BELARUS IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE “STRONG REGIONS” PRINCIPLE: A THEORETICAL ASPECT

Abstract. This article examines the improvement of administrative-territorial divisions (ATD) as a factor in regional development and the implementation of the “Strong Regions” priority of the Socioeconomic Development Program of Belarus for the period 2026–2030. The article identifies the problems of ATD, defines key global trends in spatial development at the present stage, examines the evolution of changes in ATD in the country, and summarizes the theoretical basis for the formation of spatial boundaries for the implementation of economic relations. Key theoretical principles for the consolidation of administrative-territorial units by merging cities of regional subordination and adjacent administrative-territorial districts are developed, which forms the scientific basis for practical application in the merger of the cities of regional subordination Baranovichi, Pinsk, and Bobruisk with the districts of the same name.

Keywords: agglomeration, administrative-territorial division, clusters, spatial development, regional economic growth, theories, consolidation of administrative-territorial units

For citation: Vertinskaya T. S. Improvement of the administrative-territorial division of Belarus in the context of the implementation of the “Strong regions” principle: a theoretical aspect. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 4, pp. 343–352 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-4-343-352

© Вертинская Т. С., 2026

Введение. Развитие социально-экономического потенциала регионов всегда было одним из приоритетов государственной политики Республики Беларусь и неизменно находится в центре внимания Главы государства. Существенная роль в социально-экономическом развитии Республики Беларусь на 2026–2030 гг. отводится приоритету «Сильные регионы», реализация которого направлена на повышение конкурентоспособности промышленных комплексов за счет развития инновационных направлений специализации регионов и внедрения стратегий связанной диверсификации; совершенствование размещения производительных сил в рамках формирования перспективных хозяйственных комплексов с учетом их территориальных и социально-экономических особенностей в целях снижения межрегиональной миграции; специализацию, интенсификацию и концентрацию сельскохозяйственного производства с учетом оптимального использования потенциала каждого региона; формирование среды проживания, предлагающей особенности и преимущества загородного образа жизни и городские стандарты инфраструктурного обустройства и сервисного обслуживания в сочетании с рациональным размещением производительных сил и др. С учетом направлений государственной политики разрабатываются программы социально-экономического развития областей, районов и городов областного подчинения на пятилетний период, устанавливаются долгосрочные региональные приоритеты [1].

Вышеперечисленное обусловливает необходимость усиления роли органов местной власти в реализации государственной политики, решения проблем регионального развития, включая вопросы административно-территориального деления (АТД).

Несмотря на то что вопросы совершенствования местного управления и самоуправления, изменения границ административно-территориальных единиц в соответствии с социально-экономическим развитием регионов длительное время обсуждаются научной общественностью и на различных уровнях государственного управления, должного научного обоснования и практического решения они не получили.

Реализация приоритета Программы социально-экономического развития Беларуси на период 2026–2030 гг. «Сильные регионы» определяет целесообразность уточнения границ административно-территориальных единиц с целью формирования более благоприятных пространственных условий для уменьшения социально-экономических различий регионов, а также применения новых и инновационных подходов к управлению региональным развитием на областном, районном и городском уровнях.

Современное административно-территориальное деление Беларуси – это трехуровневая унитарная система, включающая шесть областей (Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Минская, Могилевская) и город Минск, которые делятся на 118 районов, а также сельсоветы, города и поселки. В Беларуси существует 14 городов областного подчинения и 104 города районного подчинения. Административно-территориальное устройство также включает около 1650 административных единиц различных уровней.

Между тем необходимо признать, что существующая система административно-территориального деления не является в полной мере оптимальной. В частности, существуют различия регионов одного ранга по численности населения, уровню социально-экономического развития, обеспеченности инфраструктурой и т. п. Это привело к тому, что существующая сетка административно-территориальных единиц (АТЕ) не совпадает с реально складывающимися территориальными социально-экономическими общностями, отражающими объективный процесс районообразования. В некоторых случаях сложно добиться комплексного развития территории, т. е. взаимоувязанного экономического, социального, демографического, экологического и инновационного развития.

Районы различаются по размерам и транспортной доступности к областным центрам. Так, 4 из 6 областных центров находятся на расстоянии более 200 км от столицы, а 16 районных центров расположены ближе к Минску, чем к своим областным центрам. Слишком большая удаленность отдельных районов от областной администрации оказывает негативное влияние на эффективность решения ряда местных задач. В отдельных районах, особенно в сельсоветах, сложилась сложная демографическая ситуация: миграционная убыль, превышение смертности над рождаемостью. Это привело к обезлюживанию деревень и поселков. Наряду с депопуляцией

и старением населения проблемой остается то обстоятельство, что большинство первичных единиц АТД не имеет достаточных финансовых и кадровых ресурсов для предоставления необходимого минимума государственных услуг.

Многие из отмеченных проблем, обусловленных существующими границами АТД, в ближайшее время могут быть решены иными методами без изменения сетки АТД. Например, могут быть задействованы организационно-экономические механизмы. Проблему недостатка производств и других мест приложения труда для трудоспособного населения отдельных административно-территориальных единиц можно решать путем создания новых рабочих мест, повышения инвестиционной привлекательности территории, развития предпринимательства, стимулирования самозанятости. При несоответствии структуры исполкомов и численности госслужащих реальному социально-экономическому потенциалу АТЕ необходимы оптимизация численности госаппарата, совершенствование типовой структуры исполкомов. При этом должны учитываться структура экономики территории, численность населения, новые тенденции в социально-экономическом развитии регионов (технологическая трансформация, развитие цифровой и «зеленой» экономики, ориентация на принципы устойчивого развития). Это должно найти адекватное выражение в структуре исполнительной власти регионов.

В случаях, когда экономическая деятельность отдельных хозяйствующих субъектов распространяется на территорию других АТЕ (размещение отдельных филиалов, структурных подразделений, использование иных территориальных ресурсов), возможно развитие договорных отношений между исполкомами одного уровня (горизонтальное взаимодействие), создание по опыту других стран, в том числе России, так называемых межтерриториальных экономических структур. Проблемы транспортной доступности для населения административных центров решаются путем организации дополнительных автобусных маршрутов, организации интернет-магазинов с соответствующей зоной обслуживания, использования информационно-коммуникационных технологий (создание информационных центров в сельсоветах, обучение населения пользованию интернетом и др.). Кроме того, действенным инструментом может стать политика размещения новых производственных и социальных объектов с учетом особенностей территории. Может оказаться востребованной разработка новых государственных и территориальных программ по преобразованию сельских населенных пунктов в деревни будущего и др.

Помимо указанного, представляется целесообразным осуществление так называемых «мягких» преобразований границ АТЕ, о необходимости которых указывают специалисты и ученые, некоторые из них уже реализуются в стране [2].

Речь идет об объединении ряда городов областного подчинения (Барановичи, Пинск, Бобруйск) с одноименными районами, как это произошло в других областях, а также горисполкомов областных центров с исполкомами одноименных районов. Возможно присоединение районов с численностью жителей менее 20 тыс. человек к соседним более крупным районам с учетом транспортной доступности районных центров, сложившихся производственных и социально-культурных связей, а также мнения проживающего населения. В результате общее количество районов может быть сокращено до 95–100 единиц. Актуальными являются создание самостоятельной АТЕ – Минский столичный округ в составе Минского района, который объединяет города-спутники Минска, а также объединение или укрупнение ряда сельсоветов.

Осуществление указанных преобразований должно базироваться на научной основе, формирование которой предполагает учет международных тенденций пространственного развития на современном этапе, исторической эволюции АТД в стране, созданной теоретической основы изменения пространственных границ для более эффективной реализации экономических отношений.

Основная часть. Анализ специальной научной литературы позволил выявить ряд ключевых тенденций пространственного развития, характерных для стран мира, которые могут быть учтены в процессе совершенствования АТД в Беларуси [3–5].

Во-первых, наряду с формированием мегаполисов в пространственном развитии ряда стран появилась такая тенденция, как сверхконцентрация в мегаполисах инноваций, финансов, человеческого капитала, которая приводит в дальнейшем к образованию мегарегионов (например,

коридор Токайдо в Японии, Дельта Жемчужной реки в Китае). Это явление усиливает уже известную тенденцию, связанную с увеличением различий между центром и периферией.

Во-вторых, физическое экономическое пространство стран все теснее начинает интегрироваться с виртуальным. Крупнейшие города мира (Сингапур, Шанхай, Дубай) создают масштабные 3D-модели своих территорий (цифровые двойники), которые позволяют управлять транспортными потоками и прогнозировать последствия чрезвычайных ситуаций.

В-третьих, во внутригородском пространстве происходит переход от моноцентрической модели (один деловой центр и спальные окраины) к полицентрической – созданию сети автономных подцентров внутри одного города. Это повышает доступность населения к социальным услугам (медицина, образование, отдых), которые находятся в пешей или велосипедной доступности от жилья. В результате снижается нагрузка на транспорт, улучшается экологическая обстановка.

В-четвертых, приверженность принципам устойчивого развития и ориентация на соблюдение экологических требований оказывают влияние на структуру экономического пространства. В городах могут создаваться углеродно-нейтральные районы, территории с запретом использовать автомобили с бензиновым двигателем, появляться зоны, поглощающие излишки дождевой воды («зеленые» крыши, экопруды, проницаемый асфальт), для борьбы с наводнениями.

В-пятых, геоэкономический фактор, усиление конкуренции порождают две противоположные тенденции. С одной стороны, страны переносят производства ближе к рынкам сбыта или в дружественные страны, с другой – появляется потребность в локализации производственных цепочек и возвращении производств в национальные границы. В конечном итоге пространство производственно-технологических связей видоизменяется.

В-шестых, сохраняется тенденция к неравномерному социально-экономическому развитию пространства. С одной стороны, наблюдается депопуляция сельских и удаленных территорий в связи со стремительным оттоком населения в крупные города и его старением. С другой стороны, развивается субурбанизация, вызванная развитием цифровых технологий и дистанционной занятости, что сопровождается переездом части высококвалифицированных специалистов в пригороды и малые города с высоким качеством среды.

В-седьмых, глобализация и интеграционные процессы приводят к созданию международных транспортно-логистических коридоров (например, связывающих центры ЕАЭС и КНР), которые перетягивают на себя основные инвестиционные и торговые потоки и формируют новые точки регионального роста.

Указанные тенденции определяют значимость новых факторов, оказывающих влияние на размеры и границы административно-территориальных единиц.

Если обратиться к историческому аспекту развития территории современной Беларуси, то на разных этапах приоритет отдавался различным факторам формирования административно-территориального деления [6].

В период Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (XIV–XVIII вв.) главными факторами были военно-оборонительный и сословный. Деление на воеводства и поветы (реформы 1565–1566 гг.) упорядочивало сбор ополчения и судебную систему для шляхты. Параллельно действовал фактор экономического самоуправления: города получали Магдебургское право, изолируясь от сельской округи. Для периода Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) ключевыми факторами стали унификация и жесткая централизация власти. Введение губерний, уездов и волостей преследовало цель сгладить региональные особенности и интегрировать новые земли в имперскую правовую и налоговую систему. В советский период (1919–1991 гг.) учитывались разнообразные факторы. В течение 1920–1930 гг. с целью приблизить местную власть к крестьянству происходило формирование округов и районов, которое завершилось в 1930 г. Период индустриализации потребовал укрупнения АТЕ для более эффективного управления советской тяжелой промышленностью, были сформированы области и ликвидированы мелкие области (Молодечненская, Барановичская, Пинская и др.).

Начиная с 1991 г. и по настоящее время определяющими стали факторы экономической стабильности и управляемости развитием территорий, а также минимизация затрат на управленческий аппарат. Для этого периода характерны точечные изменения АТД.

Например, из-за стремительного сокращения сельского населения массово ликвидируются или объединяются сельсоветы. Увеличение численности населения Минска и областных центров приводит к расширению городской черты за счет территорий прилегающих районов. Укрупнение административных районов происходит с учетом реальных транспортных потоков и маятниковой миграции, а также с целью экономии бюджетных средств на содержание местных советов и исполнительных комитетов. Самые масштабные были связаны с объединением городов и районов в одну административно-территориальную единицу в Лиде, Борисове, Солигорске, Орше, Лепеле Полоцке, Молодечно, Лиде, Речице, Слониме, Кобрине, Добруше [7].

В целом, как показывает зарубежный и отечественный опыт, ключевыми факторами изменения административно-территориального деления являются следующие: экономический (характер размещения производства, уровень развития инфраструктуры и экономическая специализация регионов); географический (размеры территории, рельеф, климат, наличие рек, гор и т. д.); демографический (плотность, численность, национальный состав населения и особенности его расселения); политический (обеспечение национальной безопасности, уровень централизации власти, необходимость контроля над регионами); исторический (сохранение традиционных границ, культурных особенностей и устоявшихся связей между регионами); административный (доступность органов власти для граждан и удобство управления территориями из центра).

Более глубокое обоснование направлений изменения административно-территориального деления базируется на теориях и концепциях, объясняющих влияние пространственного фактора на региональное развитие.

Во-первых, это концепции и теории агломерации, которые объясняют целесообразность объединения центра и периферии. В их числе следующие:

теория «полюсов роста» (Ф. Перру, Ж. Будвиль) утверждает, что экономический рост происходит неравномерно. Он концентрируется в лидирующих отраслях и крупных городах (полюсах), которые транслируют импульсы развития на периферию. АТД перестраивается так, чтобы объединить «полюс» и его зону влияния в одну управленческую единицу [8; 9];

теория экономии от масштаба и агломерации (А. Маршалл) обосновывает, что концентрация людей и фирм в одном месте дает следующие выгоды: общий рынок труда, доступ к поставщикам и быстрый обмен знаниями. Границы АТД расширяются, чтобы не разрывать эти связи административными барьерами [10];

теория промышленных округов (итальянская школа пространственной экономики, Дж. Бекатини и Дж. Гарафоли и др.) [11]; теория инновационных сред (французская школа регионалистов) [12]; швейцарская школа инновационной среды, или региональной конкурентоспособности (Ф. Эйдало, М. Кеви, Л. Сенн, Д. Майя) [13] определяют условия инновационного развития регионов и повышения их конкурентоспособности в национальном и международном контексте и связывают это с концентрацией экономической деятельности на определенной территории, установлением сетевых горизонтальных связей между всеми участниками инновационного процесса. Эти факторы становятся ключевыми при определении административных границ территорий с высоким инновационным потенциалом;

новая экономическая география (П. Кругман) доказывает, что центростремительные силы (рыночный спрос, транспортные связи) преодолевают центробежные тенденции. В результате действующая административно-территориальная сетка входит в противоречие с новыми экономическими связями, формирующими единый региональный рынок [14].

Во-вторых, теории регионального экономического роста, где пространственные факторы в той или иной форме выступают его источниками.

Этот теоретический блок формируют, с одной стороны, *неоклассические теории* сбалансированного регионального экономического роста. Например, *модель Дж. Бортса* [15], которая объясняет рост экономики региона такими территориальными факторами, как обеспеченность трудовыми ресурсами, их качество, природный потенциал, уровень технологии и активное межрегиональное движение факторов, или *модель сходимости или конвергенции Р. Солоу, Т. Свана и др.* [16], основной вывод которой сводится к утверждению, что бедные регионы в долгосрочной перспективе растут более высокими темпами, чем богатые, в конечном итоге происходит вы-

равнивание уровней экономического развития, а недостаточное развитие физического капитала компенсируется человеческим капиталом и наоборот.

С другой стороны, это *теории и концепции несбалансированного, или кумулятивного регионального роста*. Базовыми концепциями являются *модель Г. Мюрдаля*, доказывающая, что в результате специализации и эффекта масштаба одни территории становятся центрами роста, что приводит к экономическому отставанию, а также модель «базового мультипликатора» регионального дохода А. Преда, согласно которой экономический рост связан с размером региона, т. е. когда экономика региона достигает достаточно больших размеров (это стимулирует экспорт и рост доходов), то она вступает в период кумулятивного роста [17].

В «Докладе о мировом развитии», подготовленном Всемирным банком, утверждается, что некоторые города, страны и регионы развиваются успешно благодаря территориальным изменениям, которые характеризуются тремя измерениями: увеличением плотности, проявляющемся в росте городов; сокращением расстояний по мере того, как работники и бизнес мигрируют ближе к узлам высокой экономической плотности; снижением степени разобщенности по мере того, как страны повышают проницаемость своих экономических границ и выходят на мировые рынки, чтобы воспользоваться преимуществами масштабного производства и специализации [18].

Представленные теории по-разному определяют источники экономического роста регионов и пространственные контуры распространения их влияния. При этом основные теоретические выводы важны при определении размеров и конфигурации административно-территориальных единиц.

В-третьих, изменение границ АТД основывается на прикладных разработках, где оцениваются географические факторы, формирующие размеры административно-территориальных единиц.

Например, определение транспортной доступности осуществляется на основе *транспортной изохроны* [19]. Границы укрупненного района определяются не километрами, а временем, которое требуется гражданину, чтобы добраться до центра. Математическая граница района прокладывается по изолинии (изохроне), внутри которой время в пути от самой дальней окраины до административного центра на общественном или личном транспорте находится в диапазоне от одного до полтора часа.

В ряду географических критериев находится *гравитационная модель Рейли, или закон розничного гравитационного тяготения*. Этот подход используется для определения точки «раздела сфер влияния» между двумя крупными городами-центрами агломераций. Принимаются во внимание расстояние и численность населения. В данном случае граница района сдвигается в пользу более крупного демографического центра. В ряде случаев может учитываться радиус маятниковой миграции, другими словами, новые границы района очерчиваются по контуру ежедневных поездок людей на работу и учебу в город-центр.

В-четвертых, одним из ключевых факторов, формирующих как теоретические конструкции нахождения оптимальных размеров АТД, так и практические действия в этом отношении, выступает демографический фактор.

Речь идет о минимальной численности населения, которая определяет порог объема предоставляемых услуг, необходимый для того, чтобы содержание социальных объектов (крупных больниц, вузов, школ) было экономически оправданным. Для каждого типа общественной услуги рассчитывается свой коэффициент эффективности. Например, для окупаемости современной многопрофильной больницы требуется пул обслуживания не менее 30 тыс. чел., для специализированного центра госуслуг – не менее 20 тыс. чел.

Заключение. Обобщение результатов анализа существующей теоретической основы пространственных преобразований в целях регионального экономического роста, эволюции трансформации административно-территориального деления Беларуси, а также мировых тенденций пространственного развития позволили разработать ключевые положения обоснования целесообразности объединении ряда городов областного подчинения (Барановича, Пинск, Бобруйск) с одноименными районами. При этом учитывался положительный опыт объединения в одну административно-территориальную единицу Орши и Оршанского района, который был реали-

зован в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2018 г. № 506 «О развитии Оршанского района Витебской области», а также реализованной Программой развития Оршанского района на период до 2023 г. [20]. Это позволило в 1,5 раза увеличить объемы промышленного производства. Экспорт товаров вырос в 1,4 раза, услуг – в 1,7, среднемесячная зарплата – в 2,2 раза. Были обновлены производственные мощности, сельскохозяйственная техника, построен ряд объектов [21].

1. *Укрупнение административно-территориальных единиц соответствует мировым тенденциям.*

В условиях глобальной урбанизации и усиления территориальной конкуренции все большее значение приобретает переход от точечного, изолированного развития населенных пунктов к интегрированному, агломерационному подходу. Развитие городских агломераций определено как одно из ключевых направлений пространственного формирования во многих странах мира, которые, как правило, лежат в основе определения размеров и границ административно-территориальных единиц.

Между тем ориентация только на международный опыт без учета уровня развития реально складывающихся производственно-экономических, трудовых и социальных связей между городом и прилегающей территорией в перспективе становится источником новых проблем регионального развития. Общественное мнение и традиции также могут выступать сдерживающим фактором объединительного процесса. Для жителей и местных органов власти привычна сложившаяся система административных границ. Процессы интеграции и совместного планирования требуют времени, понимания и построения доверия между соседними территориями.

2. *На размеры АТД оказывают влияние факторы, определяющие повышение уровня территориальной доступности государственных услуг для населения.*

Происходящие изменения в образовательном уровне населения, развитии инфраструктуры (транспорт, дороги), рост обеспеченности населения транспортными средствами, а также применение цифровых технологий, приводящих к внедрению систем «одно окно» и формированию электронного правительства, определяют устойчивую тенденцию к дальнейшему укрупнению административно-территориальных единиц.

Однако цифровизация управления имеет ограничения с точки зрения нахождения оптимальных границ АТЕ. Может быть нарушен принцип обеспечения приближенности органов местного управления и самоуправления к населению (особенно жителей отдаленных населенных пунктов), позволяющий качественно предоставлять государственные и социальные услуги населению и более активно участвовать гражданам в решении местных проблем.

3. *Путем укрупнения административно-территориальных единиц могут решаться проблемы неравномерного социально-экономического развития регионов и создания «Сильных регионов»* (реализация пятого приоритета социально-экономического развития страны на период 2026–2030 гг.).

В Республике Беларусь, где доля городского населения превышает 79 %, подавляющее большинство городов относится к категории малых и средних городов. Доминирование малых и средних городов в количественном отношении контрастирует с экстремальной концентрацией экономического, человеческого и инвестиционного капитала в столичной агломерации Минска, что сопровождается диспропорциями в региональном развитии. Территория Беларуси различается по природно-ресурсным и социально-экономическим условиям, что также порождает устойчивые периферийные разрывы, ограничивает потенциал регионального развития и создает риски для долгосрочной социально-экономической устойчивости страны.

Однако ориентация при укрупнении АТД только на численность населения и недоучет таких факторов, как плотность проживания населения, интенсивность и радиус функциональных связей с окружающей территорией, могут привести к неоптимальному варианту границ АТД, где сложно достигнуть комплексного сбалансированного развития. Механизм выравнивания уровней социально-экономического развития регионов требует комплексного подхода, реализации дополнительных мер по наращиванию экономического, инфраструктурного потенциала, роста доходов населения и не может осуществляться только на основе укрупнения АТЕ.

4. *Необходимость повышения эффективности деятельности органов местной власти, оптимизации структуры и численности исполнительных и распорядительных органов управления районного и городского уровней.*

Укрупнение АТЕ путем объединения позволяет ликвидировать дублирующие структуры, оптимизировать численность государственных служащих, что направлено на сокращение расходов бюджетных средств. В результате объединения будет устранено «двоевластие»: город (областного подчинения) и прилегающий район имеют разные администрации, что порой является источником конфликтов интересов и определяет необходимость согласований между двумя структурами. В крупной административно-территориальной единице создаются предпосылки для повышения профессионального уровня кадрового потенциала, создания единой комплексной стратегии развития территории (город + прилегающий район), упрощения взаимодействия населения и бизнеса с органами местной власти.

Здесь также важно избежать рисков, поскольку объединение может создать «управленческого гиганта», которым будет крайне сложно руководить из одного центра без промежуточных звеньев. Могут появляться сложности в управлении сферами, требующими специфических компетенций специалистов (например, агропромышленный комплекс, туризм и экологическая сфера).

5. *Фактором укрупнения АТД выступает целесообразность бюджетной консолидации.*

При укреплении административных районов появятся предпосылки для решения проблемы дотационности местного бюджета, расширяется налоговая база и возможности для финансирования регионального развития. Уровень государственных минимальных социальных стандартов будет повышен.

При этом следует отметить, что экономический рост центра, подпитываемый трудовыми и экономическими ресурсами прилегающих населенных пунктов, не приводит к автоматическому и справедливому распределению финансовых ресурсов для развития ее периферийных частей (прилегающих территорий других административных районов). Возможно негативное влияние на развитие инфраструктуры, уровень социального обслуживания населения в прилегающих к городскому центру территориях. «Подтягивание» сельских государственных социальных стандартов к уровню городских может сопровождаться удорожанием услуг для жителей деревень.

6. *Укрупнение АДТ путем объединения городов областного подчинения и прилегающих административно-территориальных районов формирует условия для развития территориальных кластерных структур,* способных выполнять роль локомотивов экономического роста на региональном уровне.

Как показывают международная практика и отечественный опыт, ориентация на формирующиеся агломерационные связи при укрупнении АТЕ увеличивает транспортную связность территории (создаются единые маршрутные сети, объединяющие город и пригороды в общую транспортно-логистическую систему, обеспечивается интенсификация маятниковых миграций, товарных и сервисных потоков между центром и периферийными районами). Формирующиеся общие трудовые, инфраструктурные, транспортные, инновационные связи создают агломерационный эффект, предпосылки для территориальных инновационных кластеров, которые, как известно, являются экономическими эффективными структурами.

В данном случае основной риск укрупнения АТЕ связан с тем, что агломерационные и кластерные связи могут находиться в «незрелом» состоянии и пространственно не вписываться в существующие административные границы АТЕ. Это создает дополнительные ограничения для местных органов власти в регулировании их деятельности по обеспечению региональными ресурсами.

Разработанные концептуальные положения обоснования реализации одного из направлений совершенствования административно-территориального деления Беларуси путем объединения городов областного подчинения и прилегающих административно-территориальных районов определяют важность пространственных условий для экономического регионального роста и направлены на практическую реализацию приоритета «Сильные регионы» Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на период 2026–2030 гг.

Список использованных источников

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы: решение Всебел. нар. собр. от 19 дек. 2025 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P925v0001 (дата обращения: 08.01.2026).

2. Вертинская, Т. С. От государственной к общественной модели местного самоуправления в Республике Беларусь: преимущества, условия, необходимые преобразования / Т. С. Вертинская // Вестник Института экономики НАН Беларуси. – 2021. – Вып. 2. – С. 47–65. https://doi.org/10.47612/978-985-08-2743-2-2021-2-47-64

3. UN-Habitat's strategic plan 2026–2029 // UN-Habitat. – URL: https://unhabitat.ru/assets/files/publication/sp_brochure17.pdf (date of access: 07.11.2024).

4. Cities and action: world cities report, 2024 / Un-Habitat. – Bloomfield: UN Publ., 2024. – 373 p. – URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2024/11/wcr2024_-_full_report.pdf (date of access: 07.11.2024).

5. Иванов, О. Б. Стратегия пространственного развития: новые подвижки и старые проблемы / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – № 5. – С. 7–26. https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-5-7-26

6. Елизаров, С. А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.) / С. А. Елизаров. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 222 с. – URL: https://elib.gstu.by/bitstream/handle/220612/10593/formirovanie_i_funkcionirovanie.pdf?sequence=8&isAllowed=y (дата обращения: 16.02.2026).

7. Об объединении районов и городов областного подчинения, имеющих общий административный центр: Указ Президента Респ. Беларусь от 14 янв. 2023 г. № 27 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31300027 (дата обращения: 16.02.2026).

8. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов / А. Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

9. Вертинская, Т. С. Теоретические и практические основы экономической интеграции регионов стран – членов ЕАЭС: на примере участия Республики Беларусь / Т. С. Вертинская; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Мн.: Бел. навука, 2018. – 372 с.

10. Маршалл, А. Принципы экономической науки: в 3 т.: пер. с англ. / А. Маршалл. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – Т. 1. – 415 с.

11. Becattini, G. Le district industriel: milieu créatif / G. Becattini // Espaces et Sociétés. – 1992. – Vol. 66–67. – P. 147–163. https://doi.org/10.3917/esp.1992.66.0147

12. Украинский, В. Н. Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем / В. Н. Украинский // Пространственная экономика. – 2011. – № 2. – С. 92–126.

13. Растворцева, С. Н. Вопросы региональной конкурентоспособности в работах ученых швейцарской школы территориальных производственных систем / С. Н. Растворцева, Н. А. Гринева // Экономика региона. – 2010. – № 4. – С. 60–63.

14. Кругман, П. Пространство: последний рубеж / П. Кругман // Пространственная экономика. – 2005. – № 3. – С. 121–126.

15. Borts, G. H. Economic growth in a free market / G. H. Borts, J. I. Stein. – New York; London: Columbia Univ. Press, 1964. 235 p.

16. Гаджиев, Ю. А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития / Ю. А. Гаджиев // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 6–23. – URL: http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-1/1/1.htm (дата обращения: 14.04.2026).

17. Pred, A. R. The Spatial dynamics of U.S. urban-industrial growth. 1800–1914: interpretive and theoretical essays / A. R. Pred. – Cambridge: M.I.T. Press, 1966. – 225 p.

18. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию / Всемир. банк; пер. с англ.: Е. А. Журавлева [и др.]. – Вашингтон: Всемир. банк, 2009. – 384 с. – URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/630651468337159625/pdf/437380WDR0RUSS08B00PUBLIC0020090rus.pdf (дата обращения: 16.02.2026).

19. Журавлева, Е. М. Применение изохрон к изучению границ Орловской городской агломерации / Е. М. Журавлева, Р. Е. Рогозина // Географический вестник. – 2025. – № 3 (74). – С. 50–62. https://doi.org/10.17072/2079-7877-2025-3-50-62

20. О развитии Оршанского района Витебской области: Указ Президента Респ. Беларусь от 31 дек. 2018 г. № 506 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31800506 (дата обращения: 16.02.2026).

21. Алимова, Е. Пархомчик: нам удалось создать прочный фундамент, на основе которого будет строиться будущее Оршанского района / Е. Алимова // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/zadachi-zavtrashnego-dnya-orsha.html (дата обращения: 17.02.2026).

References

1. On approval of the program of socioeconomic development of the Republic of Belarus for 2026–2030: decision of the All-Belarusian People's Assembly of December 19, 2025, no. 1. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P925v0001 (accessed 08.01.2026) (in Russian).

2. Vertinskaya T. S. From state to public model of local self-government in the Republic of Belarus: advantages, conditions and necessary transformations. *Vestnik Instituta ekonomiki NAN Belarusi = Bulletin of the Institute of Economics of NAS Belarus,* 2021, iss. 2, pp. 47–65 (in Russian). https://doi.org/10.47612/978-985-08-2743-2-2021-2-47-64

3. UN-Habitat's strategic plan 2026–2029. *UN-Habitat*. Available at: https://unhabitat.ru/assets/files/publication/sp_brochure17.pdf (accessed 07.11.2024).

4. UN-Habitat. *Cities and action: world cities report, 2024*. Bloomfield, United Nations Publications, 2024. 373 p. Available at: https://unhabitat.org/sites/default/files/2024/11/wcr2024_-_full_report.pdf (accessed 07.11.2024).

5. Ivanov O. B., Buchwald E. M. Spatial development strategy: new developments and old problems. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika = ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, 2022, no. 5, pp. 7–26 (in Russian). https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-5-7-26

6. Elizarov S. A. *Formation and functioning of the system of administrative-territorial division of the BSSR (1919–1991).* Gomel, Sukhoi State Technical University of Gomel, 2009. 222 p. Available at: https://elib.gstu.by/bitstream/handle/220612/10593/formirovanie_i_funkcionirovanie.pdf?sequence=8&isAllowed=y (accessed 16.02.2026) (in Russian).

7. On the unification of districts and cities of regional subordination having a common administrative center*:* Decree of the President of the Republic of Belarus of January 14, 2023, no. 27. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31300027 (accessed 14.04.2025) (in Russian).

8. Granberg A. G. *Fundamentals of regional economics*. Moscow, HSE University, 2000. 495 p. (in Russian).

9. Vertinskaya T. S. *Theoretical and practical foundations of economic integration of regions of the EAEU member states: using the example of the participation of the Republic of Belarus*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2018. 372 p. (in Russian).

10. Marshall A. *Principles of economics. Vol. 1.* Moscow, Progress: Univers Publ., 1993. 415 p. (in Russian).

11. Becattini G. Le district industriel: milieu créatif. *Espaces et Sociétés,* 1992, no. 66–67, pp. 147–163. https://doi.org/10.3917/esp.1992.66.0147

12. Ukrainskii V. N. Modern French spatial economy: proximity theory and typology of localized economic systems. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2011, no. 2, pp. 92–126 (in Russian).

13. Rastvortseva S. N., Grinyova N. A. The issues of regional competitiveness in the works by the researchers of the swiss school of territorial production systems. *Ekonomika regiona = Economy of Region,* 2010, no. 4, pp. 60–63 (in Russian).

14. Krugman P. Space: the last frontier. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics,* 2005, no. 3, pp. 121–126 (in Russian).

15. Borts G. H., Stein J. I. *Economic growth in a free market*. New York, London, Columbia University Press, 1964. 235 p.

16. Gadzhiev Yu. A. Neoclassical and cumulative theories of regional economic growth and development. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta = Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, 2008, no. 1, pp. 6–23. Available at: http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-1/1/1.htm (accessed 14.04.2025) (in Russian).

17. Pred A. R. *The spatial dynamics of U. S. urban-industrial growth. 1800–1914: interpretive and theoretical essays.* Cambridge, M. I. T. Press, 1966. 225 p.

18. *World development report 2009: Reshaping economic geography.* Washington, World Bank, 2009. 383 p. https://doi.org/10.1596/978-0-8213-7607-2

19. Zhuravleva E. M., Rogozina R. E. The application of the isochrone method to study the boundaries of the Orel urban agglomeration. *Geographicheskii vestnik = Geographical Bulletin*, 2025, no. 3 (74), pp. 50–62 (in Russian). https://doi.org/10.17072/2079-7877-2025-3-50-62

20. On the development of the Orsha district of the Vitebsk region*:* Decree of the President of the Republic of Belarus dated December 31, 2018, no. 506. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31800506 (accessed 16.02.2026) (in Russian).

21. Alimova E. Parkhomchik: We have managed to create a solid foundation on which to build the future of the Orsha region. *SB.BY. Belarus today*. Available at: https://www.sb.by/articles/zadachi-zavtrashnego-dnya-orsha.html (accessed 17.02.2026) (in Russian).

Информация об авторе

Вертинская Татьяна Сергеевна – доктор экономических наук, доцент, руководитель центра мировой экономики. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vertinskaya.tanya@gmail.com

Information about the author

Tatiana S. Vertinskaya – D. Sc. (Econ.), Associate Professor, Head of the Center for Global Economy. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). Email: vertinskaya.tanya@gmail.com